

УИЛБУР СМИТ

ПАДЕНИЕ С НЕБЕС

Роман

Возможно, лучший автор
приключенческих романов
нашего времени!

Кортни

Уилбур Смит

Падение с небес

«Азбука-Аттикус»

1977, 2018

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

Смит У.

Падение с небес / У. Смит — «Азбука-Аттикус», 1977,
2018 — (Кортни)

ISBN 978-5-389-18622-4

Окончена Великая война, и генерал Шон Кортни возвращается из окопов Франции в Южную Африку – к славе, богатству, высокому положению. Но родина по-разному встречает героев: Марк Андерс, молодой солдат, чью отвагу так ценил генерал, приходит домой ни с чем – его дед убит, а имущество захвачено неизвестной компанией. Вскоре он выясняет, что сделку с его семейной фермой провернул сын генерала Дирк Кортни – умный, жестокий, беспринципный человек, одержимый жаждой власти и ненавидящий своего отца. Марк клянется отомстить обидчику, и судьба дарит ему этот шанс. На выжженной солнцем южноафриканской земле нет места для них двоих. Роман из цикла о неукротимых Кортни, чей девиз: «Я выдержу».

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-389-18622-4

© Смит У., 1977, 2018
© Азбука-Аттикус, 1977, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	90
-----------------------------------	----

Уилбур Смит

Падение с небес

Wilbur Smith
A Sparrow Falls

© Orion Mintaka 1977, 2018

© В. Г. Яковлева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается моей жене Мохинисо. Она – лучшее, что подарила
мне жизнь*

Небо над полями сражений во Франции покрывали низкие синюшно-свинцовые тучи; тяжелые и будто исполненные чувства собственного достоинства, они не спеша катились в сторону германских позиций.

Бригадный генерал Шон Кортни провел здесь уже четыре года и острым глазом фермера и скотовода научился предугадывать погоду так же точно, как и на родных просторах Африки.

– Вечером снег пойдет, – проворчал он.

– Ничего удивительного, сэр, – отозвался лейтенант Ник ван дер Хеевер, дежурный офицер, оглянувшись на него через плечо.

Нагружен ван дер Хеевер был тяжело. Кроме винтовки и патронташа, он тащил на себе брезентовый ранец, поскольку генерал Кортни собирался нагрянуть в офицерскую столовую Второго батальона, чтобы там пообедать. Однако в данный момент ни сам полковник, ни остальные офицеры батальона не догадывались о чести, что скоро им будет оказана, и Шон злорадно ухмылялся, предвкушая, какую панику вызовет его неожиданный визит. И только содержимое ранца предназначалось в качестве пусть небольшого, но вознаграждения за пережитое потрясение: там лежало с полдюжины бутылок шотландского виски и жирный гусь.

Шон прекрасно знал, что для подчиненных столь непринужденные манеры их командира, его неожиданные, без предупреждения и без свиты, визиты на передовую носят, мягко говоря, дезорганизующий характер. Неделю назад он снял трубку полевого телефона и случайно подслушал разговор между двумя офицерами, майором и капитаном.

– Этот старый хрыч думает, что тут у нас война с бурами. Ты что, не можешь как-нибудь придержать его в штабе?

– Легко сказать... попробуй удержи слона.

– Ну, по крайней мере, предупреждай, когда он идет...

Шон снова усмехнулся и поплелся дальше за своим адъютантом; по ногам в обмотках хлопали полы шинели, а голова под каской, смахивающей на суповую тарелку, из-за холодной погоды была замотана шелковым шарфом. Доски, проложенные в траншее, пружинили под тяжестью двух мужчин, липкая грязь булькала и хлюпала под ногами.

Эту часть передовой он не знал; не прошло еще и недели, как бригада вышла на позиции. Но в нос ему ударил хорошо знакомый смрад. Затхлый, пахнущий плесенью запах сырой

земли и грязи, густо насыщенный ароматами гниющей плоти и нечистот и застоялым душком, оставленным сгоревшим бездымным порохом и разрывами фугасов.

Шон приняхался и с отвращением сплюнул. Он знал, что не пройдет и часа, как перестанет замечать эту вонь, но сейчас казалось, что она ложится на гортань изнутри, словно холодная смазка. Он снова посмотрел на небо и нахмурился. То ли ветер переменился и тянул теперь с востока, то ли в лабиринте траншей они не туда свернули, но низкие тучи катились уже совсем не в том направлении, на которое, как он прекрасно помнил, указывала карта.

– Ник!

– Да, сэр!

– Ты, случайно, не заблудился?

В глазах оглянувшегося на него подчиненного мелькнула неуверенность.

– Как вам сказать, сэр...

Последние четверть мили траншеи оказались пусты, им не встретилось ни единой души в этом запутанном лабиринте меж высокими земляными стенками.

– Надо бы осмотреться, Ник.

– Слушаюсь, сэр.

Ван дер Хеевер бросил быстрый взгляд вперед вдоль траншеи и сразу обнаружил то, что искал. У следующего перекрестка стояла прислоненная к стенке деревянная лестница. Она доставала до самого верха бруствера из мешков с песком. Лейтенант двинулся к ней.

– Будь осторожен, Ник! – крикнул ему в спину Шон.

– Слушаюсь, сэр, – ответил молодой человек. Он прислонил винтовку к стенке траншеи и полез вверх.

Шон прикинул, что до передовой они не дошли ярдов триста-четыре, а смеркается довольно быстро. Воздух под низкой облачностью окрасился в мягкий пурпурный цвет, для точной стрельбы такого освещения маловато, а кроме того, Шон знал, что, несмотря на свой возраст, ван дер Хеевер – вояка опытный. Выглядывать поверх бруствера надо быстро – как сурикат выглядывает из своей норы.

Вот лейтенант присел на корточки на самом верху лестницы; быстро высунув голову, огляделся и сразу же нырнул вниз.

– Холм далеко слева, – сообщил он.

Холмом они называли округлый курган, поднимавшийся не более чем на сто пятьдесят футов над однообразной, почти лишенной ориентиров равниной. Когда-то его покрывал густой лес, но теперь от леса остались расщепленные обрубки стволов высотой по пояс, а склоны были усеяны воронками разрывов.

– А ферма далеко? – спросил Шон, глядя вверх.

Ферма представляла собой прямоугольник раздолбанных стен без крыши прямо перед участком, который оборонял батальон. Для артиллерии, пехоты и авиации ферма являлась главным ориентиром.

– Сейчас посмотрю, – отозвался ван дер Хеевер и снова высунул голову.

Выстрел винтовки «маузер» очень похож на резкий щелчок, громкий и неприятный; в своей жизни Шон так часто слышал этот звук, что научился точно определять расстояние, с которого стреляли, и направление выстрела.

Одиночный выстрел с пяти сотен ярдов, сделанный прямо напротив.

Голова ван дер Хеевера дернулась назад, словно он получил тяжелый удар кулаком, и сталь его каски прозвенела, как гонг. Подбородочный ремешок с треском порвался; круглая каска, крутясь, высоко взлетела в воздух, а затем упала на доски, устилающие дно траншеи, и покатила в лужу серой грязи.

Какое-то мгновение руки ван дер Хеевера еще держались за верхнюю перекладину лестницы, потом пальцы вяло разжались, он опрокинулся назад и тяжело повалился на дно траншеи; полы его шинели взметнулись, как крылья, и опали.

Шон застыл на месте, не в силах поверить, что Ника подстрелили. Разум не желал примириться с этим, но, как старый солдат и к тому же охотник, он, несмотря на весь ужас случившегося, пытался оценить этот выстрел.

Что за стрелок там засел? Пять сотен ярдов, да еще в этом сумеречном свете, – сначала над бруствером промелькнула голова в каске, за три секунды следовало прикинуть дальность и направление, направить ствол и, когда всего на мгновение снова показалась голова, быстро взять на мушку и сделать выстрел. Фриц, совершивший такое, либо снайпер-виртуоз с реакцией леопарда, либо просто самый удачливый стрелок на всем Западном фронте.

Все это быстро пронеслось в голове Шона, когда он тяжелой походкой подошел к своему адъютанту и опустился перед ним на колени. Взяв лежащего за плечо, развернул к себе; к горлу подкатила тошнота, грудь охватил ледяной холод.

Пуля попала в висок и вышла за противоположным ухом.

Шон приподнял его пробитую голову и опустил себе на колени. Сняв с себя каску, стал разматывать шелковый шарф. Отчаяние душило его.

Он аккуратно обернул шарфом голову парня, и сквозь тонкую ткань сразу проступила кровь. Пользы от этого никакой, но, по крайней мере, руки заняты и не так остро ощущается собственная беспомощность.

Он уселся на грязные доски, склонив над телом этого еще совсем мальчика отяжелевшие плечи. Голова Шона казалась еще больше из-за густой выющейся шевелюры темных, жестких как проволока, словно подернутых инеем, волос с проседью. Короткую густую бороду тоже прошивала седина, а большой крючковатый нос смотрел в сторону, словно сломанный.

Только черных лоснящихся изогнутых бровей седина не коснулась да темно-синие глаза оставались чисты, смотрели живо и твердо, как у совсем еще молодого человека.

Долго сидел так Шон Кортни, обнимая мальчика; наконец, глубоко вздохнув, положил его голову на землю. Потом встал, закинул ранец на плечо и двинулся по ходам сообщения дальше.

За пять минут до полуночи полковник, командир Второго батальона, нырнул под светомаскировочную штору, скрывающую вход в офицерскую столовую. Выпрямившись, рукой в перчатке стряхнул с плеч снег.

Еще полгода назад эта офицерская столовая, зависть всей бригады, являлась немецким блиндажом. Расположенная на тридцать футов ниже уровня земли, она оставалась неуязвимой даже во время самого мощного артиллерийского обстрела. Пол был сработан из толстых деревянных брусев, и даже стены были обшиты защищающими от холодной сырости панелями. У задней стенки жарко пылала пузатая печка. Вокруг нее на трофейных стульях полукругом расселись свободные от службы офицеры. Полковник сразу углядел среди них дородную фигуру генерала, расположившегося поближе к огоньку в самом большом и удобном кресле; сбросив шинель, командир батальона поспешил к нему.

– Генерал, прошу меня простить. Если бы я знал, что вы придете... я был на обходе.

Хмыкнув, Шон Кортни тяжело поднялся с кресла и пожал ему руку.

– Иного я от вас и не ждал, Чарльз. Но ваши офицеры приняли меня радушно... мы оставили вам кусочек гуся.

Полковник быстро оглядел офицеров и слегка нахмурился: щеки его молодых подчиненных покраснелись, в искрящихся глазах бегали чертики. Выпивать с генералом – сущее безрассудство, и его долг – предостерегать их от подобного. Сам старик, разумеется, тверд как скала, глаза его под черными бровями сверкали, как штыки, но полковник слишком хорошо

его знал и потому догадывался, что в желудке у него плещется не менее кварты шотландского виски и что генерал чем-то глубоко обеспокоен. Тут до него наконец дошло. Ну конечно...

– Я крайне сожалею о том, что случилось с юным ван дер Хеевером, сэр. Вахмистр успел доложить мне об этом.

Шон сделал успокоительный жест, но глаза его на мгновение омрачились.

– Если бы я только знал, что вы идете сегодня вечером на передовую, сэр, – продолжал полковник, – я бы вас предупредил. С этим чертовым снайпером беда, да и только. Началось буквально с первого же дня, как мы здесь. Один и тот же тип, разумеется. Меткая сволочь, жуть. Ничего подобного я прежде не видел. Кругом полное затишье, а у нас просто кошмар. Всю неделю потери.

– Какие приняли меры? – задал вопрос Шон.

Все увидели, как лицо его потемнело от гнева, и в разговор быстро вмешался старший адъютант:

– Я говорил с полковником Кейтнесом, он командир Третьего батальона, сэр, и он согласился прислать к нам Андерса и Макдональда...

– Так вы с ним договорились! – радостно воскликнул полковник. – Вот это хорошо, просто замечательно! Никак не ожидал, что Кейтнес расстанется с этой своей парочкой.

– Уже утром они были у нас и весь день изучали обстановку. Я предоставил им полную свободу действий. Как я понимаю, охоту они начнут завтра.

Молодой капитан, командир роты «А», вынул часы и посмотрел на циферблат:

– Они начнут на моем участке, сэр. Я как раз собирался идти туда, пожелать им удачи. На позиции они выдвигаются в половине первого. Если вы не возражаете, сэр.

– Нет, конечно, – отозвался полковник. – Шагай, Дики, пожелай им удачи и от меня тоже. Андерса и Макдональда в бригаде знали все.

– Я бы хотел познакомиться с ними, – неожиданно заявил Шон Кортни.

Полковник с готовностью согласился:

– Конечно, сэр. Я тоже пойду с вами, сэр.

– Нет-нет, Чарльз, вы и так всю ночь провели на холоде. Достаточно будет Дики.

С полночного темного неба густо валил снег. Он приглушал ночные звуки, окутывая все вокруг плотной пеленой; даже размеренные очереди станкового пулемета системы Виккерса, бьющего в брешь колючей проволоки на левом фланге батальона, были почти не слышны.

Марк Андерс сидел, завернувшись в одеяло, которое ему здесь одолжили; он склонил голову к лежащей у него на коленях книжке, пытаясь в колеблющемся свете свечного огарка разобрать буквы.

Явное потепление, сопровождающее снегопад, и тишина вместо звуков, доносящихся снаружи крохотной землянки, разбудили человека, который спал рядом. Он покашлял и, перевернувшись на другой бок, приоткрыл щелку в брезентовом пологе.

– Черт побери, – проворчал он и снова закашлялся утренним кашлем заядлого курильщика. – Этого еще не хватало, зараза! Снег пошел. – Он снова повернулся к Марку. – Все читаешь? – хриплым голосом спросил он. – Вечно сидишь носом в книгу. Глаза испортишь... как потом будешь стрелять?

Марк поднял голову.

– Снег идет уже целый час, – проговорил он.

– Все читаешь, читаешь... зачем тебе все это надо? – гнул свое Фергюс Макдональд; его оказалось не так-то легко сбить с мысли. – Что тебе это дает?

– Не люблю снег, – сказал Марк. – Мы не рассчитывали, что начнется снегопад.

Снег значительно усложнял стоящую перед ними задачу. Он накроет мягкой белой мантией всю землю. Кто бы ни попытался выползти из траншеи на нейтральную землю, он оставит после себя след, который с рассветом выдаст его внимательному врагу.

Фергюс зажег спичку. Прикурив две дешевые сигареты, одну передал Марку. Закутанные в одеяла, они сидели рядышком, прижавшись друг к другу.

– Послушай, Марк, ты ведь можешь отменить охоту. Пошли их подальше, и все. Ты ведь доброволец, слышь, парень.

Минуту они курили молча.

– Этот фриц очень опасен, – ответил наконец Марк.

– Если снег не закончится, он и сам завтра не вылезет. Будет лежать себе и плевать в потолок.

Марк задумчиво покачал головой:

– Если он настолько хорош, обязательно выйдет.

– Да, – кивнул Фергюс. – Такой он и есть. Вспомни выстрел вчера вечером... весь день пролежать на холоде, потом с пятисот ярдов словно в упор, да еще почти в темноте... – Фергюс прервал себя, потом быстро продолжил: – Но ведь и ты парень не промах. Ты у нас лучший.

Марк ничего не сказал, только аккуратно сбил пальцем с сигареты горящий кончик.

– Ну что, идешь? – спросил Фергюс.

– Да.

– Тогда поспи хоть немного. День у тебя будет долгий.

Марк задул огарок свечи, лег на спину и натянул одеяло на голову.

– Вот-вот, тебе надо хорошенько выспаться, – повторил Фергюс. – Когда надо будет, я разбужу.

Он с трудом подавил желание отечески потрепать товарища по худенькому плечу под одеялом.

Молодой капитан что-то тихо сказал стоящему на стрелковой ступеньке окопа часовому.

– Туда, сэр, – шепотом ответил ему тот и подбородком указал вдоль затемненной траншеи.

Ступая по доскам, капитан пошел дальше; закутанный в шинель, он сейчас походил на медведя. Ростом на целую голову выше, Шон двинулся следом. За поворотом они увидели сквозь мягкую пелену падающего снега вырытую в стенке траншеи небольшую землянку, а в ней – тускло светящую красным жаровенку. Вокруг нее на корточках, словно собравшиеся на шабаш ведьмы, сидели темные фигуры.

– Сержант Макдональд!

Одна из фигур поднялась и выступила вперед.

– Я, – послышался ответ, в тоне которого чувствовалась самоуверенность, если не дерзость.

– Андерс с вами?

– Куда он денется, – ответил Макдональд.

Еще одна из окружающих жаровню фигур встала и сделала шаг вперед. Андерс, будучи повыше ростом, двигался с грацией, как спортсмен или танцор.

– Ну как, Андерс, готовы? – спросил капитан тихим окопным полусшепотом.

За молодого товарища ответил Макдональд:

– Парень в отличной форме, сэр.

Он проговорил это властным голосом – ни дать ни взять импресарию боксера-профессионала. Сразу ясно, что парень – его собственность и своего высокого мастерства самостоятельно он никогда бы не достиг.

Как раз в этот момент высоко в небе, словно белый огонь, приглушенный падающим снегом, вспыхнула яркая осветительная ракета.

В людях Шон разбирался не хуже, чем в лошадях. В любой толпе мог четко определить человека с гнильцой или, напротив, человека доброго и великодушного. Эту способность он приобрел с жизненным опытом, подкрепленным глубокой природной проницательностью.

В свете ракеты взгляд его быстро пробежал по лицу сержанта, который оказался старше своего протеже. Костлявое, худосочное лицо обитателя трущоб, близко поставленные глазки, тоненькие губы с опущенными уголками. Словом, ничего примечательного. Шон перевел взгляд на его товарища.

Светло-карие, широко поставленные, ясные глаза поэта или человека, который всю жизнь прожил в открытых до самого горизонта просторах земли. Веки широко распахнуты и не закрывают радужной оболочки, так что виден чистый белок вокруг роговицы, свободно плавающей, словно полная луна. Шон встречал такие глаза всего несколько раз в жизни, и впечатление от столь прямого, искреннего и пронизывающего взгляда оказывалось почти гипнотическим: казалось, такой взгляд проникает Шону в самую душу.

За первым впечатлением, когда они обменялись взглядами, последовали другие. Прежде всего Шона поразила чрезвычайная молодость этого человека. Где-то между семнадцатью и двадцатью... скорее, все-таки семнадцать – так показалось Шону. Потом он сразу отметил изящное сложение этого мальчика. Несмотря на ясную безмятежность взгляда, он был подтянут и собран, как сжатая пружина, в любую минуту готовая распрямиться. За последние четыре года Шон часто встречал такое. Особый дар этого мальчика обнаружился сразу, и его безжалостно эксплуатировали все – и Кейтнес, командир Третьего батальона, и похожий на хорька Макдональд, и Чарльз, и Дики, а теперь вот и он, сам Шон. Использовали его немилосердно, то и дело посылая за линию фронта.

Парень держал в руке дымящуюся кружку с горячим кофе; из рукава шинели торчало худенькое запястье, усеянное красными точками укусов злющих вшей. Шейка мальчика, тоненькая и длинная, каким-то странным образом все же удерживала голову; щеки выглядели ввалившимися, глаза глубоко запали.

– Это генерал Кортни, – сказал капитан.

Когда свет ракеты померк, Шон вдруг увидел, как осветились глаза юноши новым светом, и услышал, что от страха и восхищения у парня перехватило дыхание.

– Ну здравствуй, Андерс. Я много о тебе слышал.

– А я о вас много слышал, сэр.

Откровенно восторженный тон мальчика не понравился Шону. Небось наслушался всех этих историй, с досадой подумал он. В полку все гордились им, и каждому новобранцу рассказывали про Шона героические байки. И с этим ничего поделать было нельзя.

– Большая честь познакомиться с вами, сэр, – добавил мальчик.

Он проговорил это запинаясь, даже слегка заикаясь – еще один признак, говорящий о серьезном напряжении, – однако слова его прозвучали искренне.

Перед ним стоял легендарный Шон Кортни, человек, заработавший на золотых приисках Витватерсранда пять миллионов фунтов стерлингов и мгновенно, по капризу судьбы, потерявший все до единого пенни. Шон Кортни, который гонялся за предводителем буров генералом Леру по всей Южной Африке и в конце концов после страшной рукопашной схватки взял его в плен. Воин, который в узком ущелье отбил свирепые атаки зулусских отрядов Бомбаты, а потом оттеснил их прямо на поджидające в засаде пулеметы; который вместе со своим бывшим врагом генералом Леру участвовал в подготовке и написании Устава Союза, объединившего четыре независимых государства Южной Африки в единое и могучее целое. Человек, который заработал еще одно огромное состояние, включающее землю, крупный рогатый скот и строевой лес; тот самый, который отказался от поста в кабинете Луиса Боты, а также

поста главы Законодательного совета Наталя и, возглавив полк, отправился во Францию. Естественно, что глаза этого мальчишки так разгорелись, а речь запинаясь... Но все равно это раздражало Шона. «Мне шестьдесят лет, – криво усмехаясь, думал он, – я слишком стар, чтобы разыгрывать из себя героя».

Тем временем ракета погасла, и снова наступила темнота.

– У вас найдется еще одна кружка этого кофе? – спросил Шон. – Что-то я чертовски замерз.

Он взял в обе ладони протянутую кружку с обитыми краями и, устроившись поближе к жаровне, принялся шумно отхлебывать, дуя на горячий напиток. Остальные после недолгой паузы нерешительно последовали его примеру. Всем казалось несколько странным по-приятельски сидеть на корточках рядом с генералом. Наступило долгое молчание.

– Ты, случайно, не из Зулуленда? – неожиданно задал мальчишке вопрос Шон, чутким ухом уловив знакомый акцент. И, не дожидаясь ответа, продолжил на зулусском: – *Velapi wena?* Откуда ты родом?

– С севера, это за Эшове, на реке Умфолози, – легко и естественно перешел парень на зулусский, несмотря на то что не говорил на нем уже целых два года.

– А-а, эти места я хорошо знаю. Я там охотился, – сказал Шон и снова перешел на английский: – Значит, твоя фамилия Андерс? Я знал одного Андерса. В восемьдесят девятом он занимался перевозками от залива Делагоа. Как там его звали... Джоном, что ли. Да-да, Джоном. Старина Джонни Андерс. Случайно, не родственник? Может, отец?

– Дедушка. Мой отец рано умер. А у бабушки на Умфолози есть кусок земли. Там я и живу.

Парнишка, похоже, немного расслабился. В свете жаровни Шону показалось, что напряженные морщинки вокруг его губ разгладились.

– Я и не знал, что вы водите знакомство с такими бедняками, как мы, сэр, – подал голос Фергюс Макдональд, в его словах звучала едкая ирония. Сержант сидел наклонившись к жаровне, и Шон видел его язвительно искривленные губы.

Шон неторопливо кивнул. Так, значит, Макдональд – один из этих. Из тех, кто так настырно стремится установить новый порядок – с профсоюзами, Карлом Марксом и большевиками, кто бросает бомбы и обращается друг к другу «товарищ». Шон вдруг в первый раз обратил внимание на то, что у сержанта рыжие волосы, а с тыльной стороны ладоней – золотистые веснушки. Он снова повернулся к Марку Андерсу:

– Это дед научил тебя стрелять?

– Да, сэр, – в первый раз улыбнулся парень, согретый воспоминанием. – Он подарил мне мою первую винтовку, «мартини-генри». При выстреле – жуткое облако дыма, прямо как на лесном пожаре, зато на сто пятьдесят ярдов стреляла точно.

– С этой винтовкой я охотился на слонов. Прекрасная вещь, – согласился Шон и вдруг почувствовал, что, несмотря на огромную разницу в возрасте, целых сорок лет, он видит в парнишке друга.

Возможно, недавняя гибель другого блестящего молодого человека, Ника ван дер Хеевера, оставила в душе Шона болезненную пустоту, и теперь ему остро захотелось оказать отеческое покровительство этому юноше.

Фергюс Макдональд, похоже, это тоже почувствовал и, как ревнивая женщина, вмешался в разговор.

– Ну, парень, давай-ка, пора уже подготовиться, – сказал он.

Улыбка исчезла с губ Марка, хотя взгляд оставался все такой же спокойный. Он скованно кивнул, согнув свою тонкую шейку.

Фергюс Макдональд явно трясется над этим парнем, подумал Шон, словно тренер, готовящий своего бойца в раздевалке к бою. Сержант снял с юноши тяжелую и просторную шинель,

китель. Под шерстяной рубахой и двумя вязаными свитерами на нем обнаружилась шерстяная, чуть не до пят нижняя рубаха. Шею грел шерстяной шарф, намотанный в несколько слоев.

Фергюс надел на него комбинезон, плотно закрывший собой несколько слоев остальной одежды – он не будет цепляться за ветки или развеваться на ветру, привлекая внимание врага. На голову натянул шерстяную маску, оставляющую открытыми только глаза, а сверху кожаный шлем летчика – Шон сразу понял зачем. Британская стальная каска имеет широкие поля, а кроме того, от винтовочной пули она все равно не защитит.

– Марк, мой мальчик, главное – голову держи пониже.

Затем последовали двупалые перчатки с отрезанными пальцами, а сверху – толстые, просторные рукавицы.

– И почаще двигай пальцами. Не давай им замерзнуть.

Дальше небольшая кожаная сумка на ремне через плечо, удобно помещающаяся под мышкой.

– Там бутерброды с ветчиной и горчицей, шоколад и леденцы – все как ты любишь. Не забывай про еду, будет теплее.

Завершали экипировку четыре полные обоймы патронов: три – по карманам на бедрах комбинезона, одна – в особый карман на левом рукаве.

– Каждый патрон я смазал лично, – объявил Фергюс, главным образом для того, чтобы его услышал генерал. – Будут входить в ствол, как... – последовало грязное сравнение, которым Фергюс явно хотел продемонстрировать пренебрежение к чинам и званиям. Но Шон не обратил на это внимания, ему было интересно наблюдать за приготовлениями к охоте.

– Катберта высовывать не стану, пока солнце не поднимется высоко.

– Катберта? – переспросил Шон.

Фергюс хмыкнул и жестом показал на третью фигуру, неподвижно лежащую в глубине землянки. До этого Шон не замечал ее; Фергюс снова хмыкнул, увидев озадаченное выражение лица генерала, и протянул руку к этой фигуре.

Только теперь Шон понял, что это манекен, но при свете жаровни он выглядел вполне реалистично, голова в каске сидела на плечах довольно натурально, под правильным углом. Правда, кукла была изготовлена только до бедер, ниже торчала палка от метлы.

– Хотелось бы знать, как ты собираешься это сделать? – задал вопрос Шон, адресуя его юному Марку Андерсу, но за него ответил Фергюс.

– Вчера фриц стрелял с низкой точки северного склона холма, – с важным видом проговорил он. – Мы с Марком рассчитали углы двух его выстрелов и засекли его с точностью до пятидесяти ярдов.

– Но он может поменять позицию, – возразил Шон.

– С северного склона он никуда не денется. Этот склон весь день в тени, даже когда светит солнце. А ему надо стрелять из тени на свет.

Шон кивком выразил согласие: звучит вполне логично.

– Пожалуй, – сказал он. – Но фриц может стрелять и с любой огневой точки на позициях немцев.

– Не думаю, сэр, – спокойно ответил Марк. – В этом месте их позиции далеко.

Германские укрепления действительно располагались по самому гребню холма.

– Ему нужна дистанция покороче. Он стреляет с близкого расстояния. Свою позицию он устраивает на нейтральной полосе и, вероятно, каждый день меняет ее, но всякий раз подбегает как можно ближе к нашим траншеям, все время оставаясь в тени.

Теперь мальчишка не спотыкался на каждом слове, сосредоточившись на проблеме. Голос его звучал тихо и внушительно.

– Я выбрал для парня хорошую позицию, сразу за фермерским домом, – с авторитетным видом вступил в разговор Фергюс Макдональд; он снова взял на себя роль наставника Марка. –

На расстоянии меньше двухсот ярдов весь северный склон перед ним как на ладони. Сейчас выдвинется и устроится на месте, пока темно. Я нарочно посылаю его пораньше. Хочу, чтобы он оказался на месте раньше фрица. Не хватало, чтобы он в темноте наткнулся на эту сволочь. А потом мы подождем, пока станет светло и ясно, и я начну работать здесь с Катбертом, – он похлопал по кукле и снова усмехнулся. – Не так-то просто, черт побери, заставить его двигаться, чтобы получилось натурально, будто неопытный новобранец высовывает голову, чтобы в первый раз посмотреть из окопа на Францию. Если держать на виду долго, он обо всем догадается, а если слишком быстро убрать, он не успеет выстрелить. Да, не так-то это просто.

– Можно себе представить, – язвительно пробормотал Шон, – это самая опасная и трудная часть работы.

Снова повернувшись к Марку, он успел-таки заметить, как на лице Фергюса Макдональда мелькнуло выражение неприязни.

– Ну, еще кружечку кофе, парень, и пора двигаться. Пока не перестал снег, тебе надо оказаться на месте.

Шон полез во внутренний карман шинели и достал серебряную фляжку, которую Руфь дала ему с собой, когда полк отправлялся в Европу.

– Сделай кофе покрепче, – сказал он, протягивая ее Марку.

Тот смущенно помотал головой:

– Спасибо, сэр, не надо. От этого глаз косит.

– А можно мне, если вы не против, сэр? – быстро встрял Фергюс Макдональд и так же быстро протянул руку над жаровней.

Прозрачная коричневатая жидкость свободно забулькала ему в кружку.

Еще до наступления полуночи вахмистр послал людей проделать в колючей проволоке перед позицией взвода «А» проход.

Марк остановился перед окопной стремянкой и взял винтовку в левую руку. Над головой взлетела еще одна ракета, и в ее свете Шон увидел, насколько решителен и сосредоточен этот парень перед выполнением своей задачи. Он отдернул затвор, и Шон заметил, что это не стандартная, укороченная винтовка системы Ли-Энфилда, рабочая лошадка британской армии, а американская Р-14, которая тоже стреляла патронами калибра.303, но ствол имела длиннее и прицел гораздо точнее.

Марк вставил в магазин две обоймы и закрыл затвор, загнав один тщательно выбранный и смазанный патрон в патронник.

В последние мгновения, пока горела ракета, он посмотрел на Шона и едва заметно кивнул. Ракета погасла, и в наступившей темноте Шон слышал быстрые и легкие шаги вверх по перекладинам стремянки. Ему хотелось сказать: «Удачи тебе», но он подавил этот порыв и стал хлопать по карманам, ища сигары.

– Пойдемте обратно, сэр? – тихо спросил капитан.

– Шагай один, – проворчал Шон; голос его прозвучал грубовато, словно в предчувствии надвигающейся трагедии. – Я еще постою здесь.

Хотя толку в этом не было никакого, ему почему-то казалось, что если он сейчас уйдет, то оставит этого мальчика одного.

Марк быстро передвигался вдоль шнура, проложенного дозорными, который вел его к проходу сквозь колючую проволоку, проделанному для него саперами. Двигался он пригнувшись, держа шнур в левой руке, чтобы не потерять; в правой он нес винтовку. Ноги переставлял осторожно, ступал легко, стараясь не волочить их по снегу, а вес тела распределял равномерно на каждую ногу, чтобы не сломать успевший образоваться наст.

Но каждый раз, когда взлетала осветительная ракета, приходилось падать лицом вниз и неподвижно лежать, съежившись; темное пятно в свете ракеты на белом снежном покрове маскировалось только непрерывно и густо падающим снегом. Когда гасла ракета и наступала темнота, он снова вскакивал и двигался дальше, понимая, что оставил за собой пятно тронутого снега. Как правило, никто этому не придавал большого значения, поскольку в изрытой взрывами снарядов пустыне ничейной земли такие отметины незаметны. Но Марк знал, что на рассвете каждый дюйм ничейной земли станет внимательно изучать пара глаз человека непростого, отыскивая на ней только ему понятные знаки.

Его вдруг охватил леденящий холод одиночества, казавшийся даже холоднее наполненного ледяными снежинками воздуха. Все его существо пронизало чувство незащитности, которое возникает, когда тебя поставили против опытного и беспощадного врага, невидимого, страшного и искусного, который не задумываясь убьет при малейшей твоей ошибке.

Очередная ракета упала и погасла; он снова вскочил на ноги и, спотыкаясь, двинулся к темной полуразрушенной стене бывшего фермерского дома. Возле нее присел на корточки, пытаясь восстановить дыхание, – страх сжимал горло, мешая дышать. Столь сильное чувство ужаса перед неизвестностью он испытал впервые в жизни. Что такое страх – Марк хорошо знал: последние два года это чувство постоянно сопровождало его, но такого парализующего ужаса он не испытывал еще никогда.

Он тронул пальцами холодную как лед щеку: она дрожала, и зубы, словно за компанию, выбивали мелкую дробь.

– Если так пойдет дело, как я буду стрелять? – в отчаянии прошептал он. До боли сжав челюсти, сложил ладони вместе и сунул их между ног в попытке унять дрожь. – И здесь оставаться нельзя.

Ну да, здесь его обнаружить легче всего. Немецкий снайпер в первую очередь будет внимательно изучать эти руины. Надо выбираться отсюда побыстрее. И двигать обратно к своим траншеям. Жуткий страх превратился в настоящую панику; как безумный, он поднялся, собираясь бежать обратно, даже готов был бросить здесь прислоненную к стенке винтовку.

– Bist du da?¹ – тихо прошептал кто-то в темноте совсем рядом.

Марк мгновенно застыл на месте.

– Ja², – прозвучал ответ у стены подальше.

Левой рукой Марк нащупал винтовку; правая рука взялась за рукоятку пистолета, указательный палец привычно лег на спусковой крючок.

– Komm, wir gehen zurück³.

Совсем близко от Марка прошла чья-то тяжело нагруженная фигура; он почти не видел ее, скорее чувствовал. Готовый в любой момент снять палец с предохранителя винтовки, Марк повел стволом вслед. Немец тяжело споткнулся на ненадежном снежном полотне; катушка с проводом и инструменты, которые он тащил на себе, глухо лязгнули друг о друга. Немец выругался:

– Scheisse!⁴

– Halt den Mund⁵, – отозвался другой.

И они двинулись дальше в сторону немецких траншей, проходящих наверху, по гребню холма.

¹ Ты тут? (нем.)

² Да (нем.).

³ Пошли, двигаем обратно (нем.).

⁴ Дерьмо! (нем.)

⁵ Заткнись (нем.).

Марк никак не мог ожидать, что в такую погоду немцы вышлют команду к проволочным заграждениям. Прежде всего он думал о немецком снайпере, но теперь обрадовался неожиданной удаче.

Эта парочка проведет его сквозь немецкие заграждения, и их отчетливые, глубокие следы спрячут его след от вражеского стрелка.

Приняв решение, он с удивлением обнаружил, что страх куда-то исчез, руки тверды как скала и уже не дрожат и дышит он глубоко и спокойно. Вспомнив свою недавнюю слабость, он невесело усмехнулся и легко зашагал вслед за немцами.

Не успели они пройти и сотню шагов, как вдруг снегопад прекратился. Марк растерялся. Он очень рассчитывал на то, что снег будет идти по крайней мере до рассвета. Однако упрямо продолжал шагать следом за фрицами. И чем ближе они подходили к своим позициям, тем быстрее и увереннее двигались.

В двух сотнях ярдов от гребня Марк покинул их и свернул в сторону. Он продолжил путь один вокруг склона холма, шаг за шагом, чуть ли не на ощупь пробираясь через частые проволочные заграждения, пока наконец не узнал то самое место, которое они с Фергюсом выбрали еще днем с помощью биноклей.

Ствол одного из дубов, которые когда-то росли на холме, упал прямо вниз по склону, вывернув из мягкой, перепаханной взрывами земли огромный клубок перепутанных корней. Марк заполз туда, выбирая между ними местечко, куда бы падала густая тень и закрывала его от лучей низкого зимнего солнца. Он повозился на животе, пока корни почти наполовину не закрыли его, но так, чтобы оставалась возможность двигать головой и плечами и наблюдать за всем, что происходит перед ним на северном склоне холма.

Теперь первая забота – тщательно проверить винтовку, особенно довольно уязвимый прицел системы Бисли, убедиться, что он не повредился или не сбился, пока он пересекал нейтральную полосу. Потом Марк съел два бутерброда с ветчиной, выпил несколько умеренных глотков сладкого кофе и надвинул на лицо, включая нос, шерстяной шарф для теплоты и чтобы замаскировать пар изо рта. Потом опустил лоб на деревянный приклад винтовки. Он давно выработал в себе привычку мгновенно засыпать, когда надо. Пока он дремал, снова пошел снег.

Марк проснулся, когда пришел болезненно-серенький рассвет, и обнаружил, что весь покрыт тонкой белой пеленой снежинок. Стараясь не очень нарушить ее, он медленно поднял голову и часто заморгал, сбрасывая снежинки с ресниц. Замерзшие пальцы плохо сгибались; чтобы разогнать кровь, он как следует подвигал ими, не снимая перчаток.

Ему снова повезло... не многовато ли сразу две удачи за ночь? Сначала двое немцев провели его через проход в проволочном заграждении, и вот теперь этот тоненький слой естественной маскировки, позволяющий слиться с окружением среди спутанных корней дуба. Что-то и вправду слишком ему везет, не качнулся бы маятник в обратную сторону.

Тьма постепенно съеживалась, уходя, и сектор обзора расширялся. Все существование Марка теперь сосредоточилось в его двух широко раскрытых золотисто-карих глазах. Его взгляд быстро и скрупулезно прочесывал местность, фиксируя и изучая одну за другой каждую неровность, каждую складочку, каждую подробность рельефа, любой предмет и заметное пятнышко, необычный изгиб снежного покрова или земли, будь то пенек уничтоженного артобстрелами леса, упавшая веточка или неровные края взрывной воронки. Он пытался найти тень там, где ее не должно быть, любой признак отклонений от нормы под только что выпавшим снегом – словом, искал любые признаки затаившейся жизни.

Незадолго до девяти снегопад снова прекратился, а к полудню небо просветлело: в облачном покрове образовались дыры, на землю упал единственный жиденький солнечный луч и, словно прожектор, пополз по южному склону холма.

– Отлично, Катберт, давай-ка мы с тобой сделаем так, чтобы фриц немножко пострелял.

На карте, которую ему одолжил вахмистр, Фергюс отметил каждое точное попадание немецкого снайпера. Это произошло в двух довольно близко расположенных друг к другу точках в одной и той же секции траншеи. Здесь бруствер был слишком низок для нависающей громады холма с его господствующей позицией по отношению к переднему краю их обороны. И когда тут было убито пятеро бойцов, бруствер подняли, наложив побольше мешков с песком, а всякого невнимательного или беспечного воина встречали коряво написанные предупреждающие надписи: «ПРИГНИСЬ. РАБОТАЕТ СНАЙПЕР».

Между двумя опасными точками было шагов пятьдесят, и Фергюс понял, что снайпер достиг успеха, терпеливо поджидая, когда его жертва пойдет по этому отрезку траншеи. Увидит стрелок мелькнувшую голову в первом проеме и целится во второй, положив палец на спусковой крючок и смиренно дожидаясь, когда та в нем появится. Готовясь к работе, сержант объяснил все это Шону Кортни: тот оказался так заинтригован начавшейся охотой, что только крупная атака германца могла заставить его сейчас вернуться в штаб. Еще утром он позвонил новому адъютанту и сообщил, где его искать в случае чего.

– Но только при крайней необходимости, – свирепо прорычал он в трубку.

– Я протащу его с юга на север, – толковал Фергюс, – и заставлю этого чертова фрица отвернуться от позиции Марка, это даст нашему парню еще секунду-другую, когда тот будет разворачиваться обратно к гребню.

Со своей куклой Фергюс Макдональд обращался умело, Шон не мог этого не признать. Чтобы над поднятым бруствером виднелась голова, сержант нес ее на пару футов выше среднего человеческого роста, при этом довольно натурально наклонял манекен, создавая впечатление, будто человек старается быстро проскочить опасный проем.

Шон вместе с юным капитаном, здоровенным краснорожим вахмистром и полудюжиной других военных разных чинов ждали за вторым проемом, наблюдая, как Фергюс уверенно шагает к ним по доскам траншеи.

Когда он подходил к проему, все невольно затаили дыхание, с напряженной тревогой ожидая, что произойдет.

Словно щелчок пастушьего кнута в морозном воздухе, от склона холма донесся выстрел винтовки Маузера, и кукла в руках Макдональда резко дернулась.

Фергюс сразу опустил ее и упал на колени, внимательно разглядывая аккуратную круглую дырочку в голове из папье-маше.

– Вот зараза! – с горечью прошептал он. – Обосраться!

– В чем дело, Макдональд?

– Проклятый фриц... ах ты, долбаный козел...

– Макдональд!

– Он засел в том же укрытии, что и мой мальчик!

Шон не сразу понял, о чем он говорит.

– Он там, между поваленных дубов... прямо над Марком. Выбрали одну и ту же позицию.

Злобный и хлесткий выстрел винтовки «маузер» раздался так близко, так громко и резко, что еще несколько секунд звучал в ушах Марка комариным писком.

Ошарашенный Марк далеко не сразу пришел в себя. Немецкий снайпер лежал в каких-нибудь двадцати футах от него, не больше. По какому-то жуткому совпадению он выбрал на склоне холма то же самое место. Впрочем, нет, это не совпадение. Опытным взглядом охотника и тот и другой нашли идеальное место, откуда легче всего достигнуть своей цели: принести своей жертве быструю смерть. Итак, маятник фортуны Марка качнулся-таки в другую сторону.

После выстрела Марк несколько долгих секунд не шевелился; все чувства оказались усилены и обострены выбросом адреналина, который звенел в его венах, и сердце билось с такой силой, что казалось, сейчас выскочит из грудной клетки.

Немец затаился немного левее и выше по склону, как раз за левым плечом. А левая сторона у Марка не защищена, здесь корни дуба его не прикрывают.

Не поворачивая головы, он скосил глаза и боковым зрением увидел неподалеку еще один лежащий на земле дубовый ствол. Еще целую минуту Марк лежал не двигаясь и краем глаза наблюдал, пытаясь заметить там хоть какое-нибудь шевеление. Но ничего не увидел. Стояла страшная, гнетущая тишина; наконец вдалеке, в миле или даже больше, прозвучала короткая пулеметная очередь.

Марк стал осторожно поворачивать голову влево, очень медленно, как хамелеон, который охотится на муху. Постепенно искажение при боковом зрении пропало, и он смог окинуть взглядом весь уходящий вверх склон.

Ближайший дубовый ствол был весь искромсан шрапнелью, вся кора с него оказалась содрана, оторваны целые куски древесины. Ствол упал поперек впадины на склоне, перекрывая ее, словно мостик; несмотря на то что снег почти полностью засыпал впадину, между землей и стволом оставалась узенькая щель шириной дюйма три посередине. Марк видел, как от снежной поверхности за этой щелью отражается свет.

В этот момент ему показалось, будто там что-то коротко шевельнулось. Всего лишь на одно мгновение и на какую-нибудь шестнадцатую долю дюйма, но Марк сразу уловил движение. Прошло секунд пять, не меньше, пока он понял, что это такое.

Из-за дубового ствола, в самом конце его, торчит кончик винтовки. Чтобы спрятать четкие очертания и чтобы противник не увидел бликов света на металле, винтовочный ствол обернут мешковиной, но хищное маленькое отверстие не прикрыто.

Значит, немец лежит вполоборота к Марку, укрывшись за стволом; как и у Марка, правая его сторона защищена, и разделяет их менее двадцати футов.

Марк еще минут десять наблюдал за винтовочным стволом врага, но тот больше так и не пошевелился. У этого немца есть и выдержка, и терпение. Он только перезарядил винтовку и снова замер, погрузившись в суровое и настороженное состояние оцепенения.

«Он такой опытный, что нет никакой возможности переменить позицию, чтобы стрелять наверняка, – думал Марк. – Если шевельнусь хоть на дюйм, он услышит и быстро меня прикончит. В одну секунду».

Чтобы занять позицию поудобнее, пришлось бы отползти футов на двадцать, а то и больше, но тогда перед ним окажется ствол «маузера», лоб в лоб, а немец, конечно, заметит его движение. Нет, нельзя давать противнику, тем более такого уровня, столь большое преимущество.

Шли долгие минуты затишья, и напряжение не спадало ни на секунду. Марку казалось, что каждый нерв, каждая жилочка его тела заметно дрожит, хотя на самом деле шевелились у него только пальцы в перчатке правой руки. Он безостановочно разминал их, чтобы они всегда оставались теплыми и не утратили гибкости. Глаза Марка тоже двигались, медленно поворачивались туда и сюда, осматривая разбитый ствол дуба; время от времени он моргал, чтобы убрать наворачивающиеся от напряженного наблюдения и холодного воздуха слезы.

– Черт побери, что там происходит? – беспокойно спрашивал нервничающий Фергюс Макдональд, пристально глядя сквозь линзы перископического бинокля, позволяющего спокойно вести наблюдение, не высываясь из-за бруствера.

– Парня загнали в угол, – отозвался генерал Кортни. Не отрывая глаз от другого перископа и слегка поворачивая его, он водил объективом по склону. – Попробуй пройти с Катбертом еще разок.

– Вряд ли он снова клонет, – тут же возразил Фергюс, подняв на него узко поставленные глаза с розовыми от холода и напряженного ожидания веками.

– Это приказ, сержант, – отрезал Шон Кортни.

Широкий лоб его сморщился, брови резко сдвинулись, темно-синие глаза сощурились, а голос походил на рычание старого льва. Сила и харизма этого человека и тон приказа вызвали трепет даже у Фергюса Макдональда.

– Слушаюсь, сэр, – угрюмо пробормотал он и поплелся к своей кукле, стоящей рядом с огневой точкой стрелка.

Снова щелкнул выстрел, и Марк Андерс от неожиданности быстро моргнул пару раз широко раскрытыми карими с позолотой глазами. Не отрываясь, сосредоточенно, как охотничий сокол, он смотрел на склон.

Сразу же после выстрела послышался ляг затвора: немец перезарядил винтовку. И снова кончик обмотанного мешковиной ствола слегка шевельнулся... но потом глаза Марка сместились чуть в сторону.

Он увидел еще движение, столь неуловимое, что заметить его мог только очень внимательный глаз. Это был просто вздох в узкой, не более трех дюймов, щели между стволом поваленного дуба и укрытой снегом землей. Только это единичное и быстрое движение воздуха, а потом снова все замерло.

Марк долго и пристально вглядывался в эту щель; секунды тянулись медленно, но больше ничего не видел. Просто какая-то тень и еще очертания неопределенной фигуры, на которую падал тусклый отсвет, отраженный снежным покровом за ней. И вдруг он увидел кое-что еще.

В узенькой щелке он разглядел небольшую полоску ткани, а потом смог разобрать на этой серой ткани прошитый стежками, слегка выступающий над живой плотью шов.

Сквозь щель виднелась небольшая часть фигуры этого немца. Он лежал возле дальнего конца поваленного дуба, и голова его была повернута в ту же сторону, куда и винтовка.

Марк аккуратно прикинул в уме пропорции его тела. Ствол винтовки являлся единственной точкой привязки, двигаясь от которой он представил себе, где расположена голова, плечи, туловище и бедра...

«Да-да, там должны находиться бедра, – думал Марк. – Я вижу его бедро или верхнюю его часть...»

Потом вдруг освещение изменилось. В облачном покрове появилось что-то вроде дыры, солнце нашло ее, и ненадолго стало светлее. Марк разобрал кусочек ремня с пустой петлей, в которой должен был находиться штык. Это подтвердило его догадку. Теперь он знал, что небольшой выступ в том месте, где виднелась серая материя, – это начало бедра там, где оно переходит в тазовый пояс.

«Сквозь оба бедра, – спокойно размышлял Марк. – Пуля прошьет его насквозь. А ведь там находится бедренная артерия...»

Он осторожно стал снимать перчатку с правой руки.

Теперь надо бесшумно лечь на один бок и переместить длинный ствол винтовки на девяносто с лишним градусов в сторону.

«Господи, помоги», – молча взмолился он и начал движение.

Невероятно медленно ствол винтовки стал смещаться, и одновременно Марк переносил вес тела на другой локоть.

Казалось, прошлая целая вечность, пока ствол винтовки не развернулся в сторону узкой щели под лежащим дубом; юноша скрючился, стараясь в этом неестественном положении удерживать оружие. Он понимал, что снять винтовку с предохранителя перед выстрелом нельзя: даже такой едва слышимый металлический щелчок сразу насторожит немца.

Марк положил палец на спусковой крючок и подхватил рычажок, нащупывая точку блокировки предохранительного устройства. Тщательно прицелился, для чего пришлось неудобно повернуть голову, и большим пальцем надавил на рычажок предохранителя, одновременно сохраняя нажатие на спусковой крючок, который должен сработать при самом слабом нажиме.

Все приходилось делать как можно более плавно, чтобы не сбить прицел с клочка виднеющейся в щели серой ткани униформы.

Грохот выстрела, казалось, расколол низко нависшее свинцовое небо, и пуля ударила прямо в узенький проем. Марк видел, как с мягким шлепком она вошла в живую плоть врага.

Немец громко закричал. Это был дикий, бессмысленный вопль. Марк отдернул затвор винтовки и с автоматическим проворством загнал в патронник очередной патрон. Следующий выстрел слился с эхом первого, так что показалось, будто это один звук. Пуля влетела точно в щель, и на этот раз Марк увидел, как яркой струей брызнула алая кровь и окрасила снег; от горячей крови снег таял, и пятна быстро расплывались, сливаясь в одно бледно-розовое облако.

Потом в щели уже ничего не было видно: либо удар пули отбросил немца, либо он сам откатился в сторону. На снегу виднелось только розовое пятно.

Марк загнал в патронник новый патрон и, повернувшись лицом к стволу, стал настороженно ждать, в любую секунду готовый сделать еще один выстрел.

Чувств он не испытывал никаких, только хладнокровно и чутко прислушивался; нервная система была крайне напряжена, зрение обострилось до предела.

Какое-то время стояла полная тишина, но потом донесся какой-то звук. Сначала Марк не понял, что это, но звук повторился. Это были всхлипывания.

Вот они зазвучали громче, надрывнее, превратившись в душераздирающие рыдания.

– Ach, mein Gott – mein lieber Gott... – прерывисто и жалобно причитал мужской голос. – Das Blut – ach Gott – das Blut⁶.

Причитания терзали душу Марка, слушать их казалось невыносимым. Рука его задрожала, и он почувствовал, что губы тоже дрожат. Марк попытался стиснуть зубы, но и они вдруг дробно застучали.

– Прекрати, боже мой, да прекрати же, – шептал он.

Винтовка выпала у него из рук. Ладонями в рукавицах он зажал уши, стараясь заглушить ужасные крики умирающего немца.

– Прошу тебя, ну пожалуйста! – умолял его Марк уже вслух. – Прекрати, прошу тебя!

И немец, похоже, услышал его.

– Hilf mir... lieber Gott – das Blut!⁷ – Голос его прервался беспомощными и отчаянными рыданиями.

Неожиданно для себя Марк, утопая в снегу, пополз вверх по склону холма.

– Иду, иду. Не бойся, – бормотал он. – Только прекрати плакать.

Все нутро его переворачивалось, когда он это слышал.

– Ach mein lieber Gott, ach, meine Mutti...⁸

– Господи, да прекрати же ты, прекрати...

Марк подтянулся и обогнул край ствола.

Немец полулежал, опершись спиной о ствол дуба. Обеими руками он тщетно пытался остановить пульсирующий фонтан яркой артериальной крови, бьющий сквозь слабеющие пальцы. Две пули пробили оба бедра, и снег вокруг него напоминал жидкую розовую кашу.

Немец повернул к Марку белое с землистым оттенком лицо, в котором не осталось ни кровинки, оно блестело, покрытое тонким слоем испарины. Немец был молод, так же молод, как и сам Марк, но быстро приближающаяся смерть разгладила его черты, и он казался даже еще моложе. Он походил на мраморного ангела с гладким белым лицом странной красоты. Вокруг его голубых глаз обозначились синие круги, на лоб упали пряди выбившихся из-под каски золотистых волос.

⁶ Ах, Боже мой, Боже милостивый... Кровь, о Боже, это кровь (нем.).

⁷ Помоги мне... Боже милостивый... это же кровь! (нем.)

⁸ Ах ты Боже милостивый, ах, моя мамочка... (нем.)

Он открыл рот и что-то сказал, но Марк ничего не понял; под полными обескровленными губами сверкнули белые, ровные зубы.

Прислонившись спиной к стволу, немец медленно оседал, продолжая смотреть на Марка. Руки с живота упали на снег, размеренно пульсирующий фонтанчик крови стал уменьшаться и потом прекратился совсем. Голубые глаза утратили лихорадочный блеск, потускнели, взгляд утратил сосредоточенность.

Марку казалось, что ткань его сознания рвется, словно тонкий шелк. Он ощущал это почти физически – словно слышал, как рассудок его не выдерживает и подается внутрь.

Глаза мертвого немца помутились, черты, казалось, растаяли как воск, но потом снова медленно восстановились. Марк чувствовал, как разрыв становится все шире, и наконец шелковая завеса разума прорвалась, а за ней вставали мрак и гулкая, наполненная эхом бездна.

Черты мертвого немца продолжали менять форму, пока не застыли окончательно, и Марк, словно в дрожащем, кривом зеркале, видел собственное лицо. Собственное испуганное лицо, карие, исполненные ужасом глаза, собственный раскрытый рот, из которого вырвался крик отчаяния и боли всего мира.

Взрыв запредельного страха вырвал последние нити, скрепляющие рассудок Марка, и он услышал свой пронзительный крик... ему показалось, что ноги сами куда-то его понесли, но в голове царил сплошной мрак, а тело стало легким, почти невесомым, как летящая птичка.

Немецкий пулеметчик яростным рывком снял с предохранителя свой «максим» и резко повел стволом, скрытым под наполненным водой кожухом, влево и одновременно вниз, нацелив его на укрытые мешками с песком огневые позиции британцев.

Вдруг его внимание привлекла фигурка бегущего вниз по склону наискосок и влево человека, и пулеметчик потянул за деревянные рукоятки и дал короткую горизонтальную очередь; он целил немного ниже, делая поправку на естественное стремление, стреляя по находящейся внизу цели, забирать слишком высоко.

Марк Андерс едва ли почувствовал, как в его спину, словно молот, ударили две пули.

Фергюс Макдональд плакал. Шон удивленно смотрел на него: такого он от этого человека не ожидал. Из покрасневших глаз сержанта медленно стекали слезы, и тот сердито вытирал их кулаками.

– Разрешите кого-нибудь выслать за ним, сэр? – попросил он.

Юный капитан через плечо сержанта осторожно взглянул на Шона.

Генерал ответил едва заметным кивком.

– Думаешь, добровольцы найдутся? – неуверенно спросил капитан.

– Добровольцы найдутся, сэр, – хрипло ответил Фергюс, – парни понимают: он же ради них совершил подвиг.

– Ну хорошо, вышлем, как только стемнеет.

Марка нашли сразу после восьми часов. Он висел на ржавой колючей проволоке в самом конце склона, похожий на сломанную куклу. Фергюсу Макдональду пришлось поработать специальными ножницами, пока его не отцепили, а потом еще час тащили на носилках по грязи и мокрому снегу к британским позициям.

– Он мертв, – сказал генерал Кортни, при свете лампы глядя на истощенное белое лицо.

– Нет, он не мертвый! – горячо заявил Фергюс Макдональд. – Моего мальчика так легко не убьешь.

Локомотив громко свистнул, и колеса его застучали по железным пролетам моста. Над трубой распустился серебристый султан пара, но ветер сразу сдул его в сторону.

Марк Андерс стоял на площадке единственного пассажирского вагона. Схватившись за поручень, высунулся вперед; ветер трепал его мягкие каштановые волосы, летящий из топки горячий пепел жалил щеки, а он, щуря глаза, смотрел вниз, на несущуюся под мостом реку.

Заросшая тростником река, встречаясь с опорами моста, образовывала темные водовороты и несла свои воды дальше, к морю.

– Для этого времени года уровень воды довольно высокий, – пробормотал вслух Марк. И добавил: – Вот дедушка обрадуется, когда увидит меня.

На его губах заиграла нечастая для него улыбка.

В последние месяцы он почти не улыбался.

Локомотив с лязгом и свистом прогрохотал по стальному мосту и вырвался на склон противоположного берега. Сразу же ритм работы его двигателя изменился, скорость замедлилась.

Марк наклонился и подобрал выдавший виды армейский ранец. Открыв калитку площадки, он спустился по железным ступенькам и повис, держась одной рукой, над бегущей под ним насыпью из гравия.

Уклон сделался круче, и поезд замедлил ход. Марк сбросил с плеча ранец и, нагнувшись пониже, как можно более осторожно опустил его на гравий. Ранец подскочил и покатился вниз по насыпи, пробиваясь сквозь кустарник, словно удирающий зверек.

Потом Марк свесился к бегущей земле, дожидаясь, когда поезд достигнет вершины подъема; спрыгнул на насыпь и побежал, чтобы не упасть на скользком под ногами гравии.

Марку удалось удержаться на ногах. Он остановился. Поезд прогрохотал мимо, и на площадке последнего вагона юноша увидел охранника.

– Эй, ты, прыгать на ходу запрещено! – крикнул ему страж, сердито глядя на Марка.

– А ты отправь меня к шерифу! – крикнул в ответ Марк.

Он шутливо отдал охраннику честь; локомотив на противоположном спуске, энергично ворча, надал скорости, и колеса на стыках застучали чаще. Охранник показал ему кулак, и Марк отвернулся.

От встряски, полученной во время прыжка, снова заболела спина. Шагая по шпалам в обратную сторону, он сунул руку под рубашку и пощупал себя под мышкой. Под лопаткой обнаружил две впадинки и в который раз изумился, как все-таки близко одна из них находится к твердым выступам позвоночника. Мышечная ткань на шрамах была совсем нежной, и прикосновения к ней доставляли даже приятные ощущения; правда, заживали эти раны не один бесконечный месяц. Марк невольно содрогнулся, вспомнив перестук тележки, на которой подвозили перевязочный материал, бесстрастное, почти мужское лицо старшей медсестры, когда она вставляла в открытые пулевые отверстия длинные пробки из ваты; он ярко помнил и нескончаемую пронзительную боль, когда сверкающими нержавеющей сталью хирургическими щипцами с него снимали окровавленные повязки. До сих пор в ушах у него стояло собственное, захлебывающееся от всхлипов дыхание и строгий, равнодушный голос старшей сестры:

– Господи, да что это вы как ребенок, право!

И так все время, день за днем, неделя за неделей, пока он не впал в горячечный, лихорадочный бред, подхватив воспаление пробитых пулей легких, что казалось ему счастливым избавлением от жутких страданий. Мрачная полумгла легочного воспаления продолжалась долго – от стационара Добровольческого медицинского отряда в полях Франции, покрытых перемешанным с грязью мокрым снегом, изрытых колесами карет «скорой помощи» и похоронными командами, непрерывно копающими могилы позади палаточного госпиталя, и до Центрального военного госпиталя под Брайтоном... а потом плавучий госпиталь, несущий его через всю Атлантику домой, в душное пекло тропиков, госпиталь для выздоравливающих с красивыми клумбами и лужайками... О, как долго! В целом год и два месяца. Как раз закончилась эта война, которую люди совершенно неверно стали называть Великой. Боль и бредовое состояние затуманили ход времени, но все равно ему казалось, что прошла целая жизнь.

Да, целую жизнь он прожил в кровавой бойне, среди смертей и трупов, в страданиях и боли, а сейчас как будто родился заново. Вот и боль в спине быстро утихла. Раны почти зажили, радостно думал он и, спускаясь по насыпи, чтобы подобрать свой ранец, старался гнать прочь ужасные воспоминания.

Земельные владения Андерсов находились почти в сорока милях вниз по течению, а поезд пришел с большим опозданием, близился полдень. Марк понимал, что раньше следующего вечера он не доберется; и странное дело: теперь, когда он уже почти дома, острое желание добраться как можно скорее прошло.

Шагал он легко, широким, с детства усвоенным шагом охотника, слегка поддерживая ранец на спине, когда недавно зажившие раны начинали деревенеть; лицо охлаждалось благодатным потом, проступающим сквозь тонкую хлопчатобумажную рубашу.

Он не появлялся здесь много лет, и долгое отсутствие обострило благодарное восприятие мира, по которому он сейчас странствовал; все то, что прежде привлекало мимолетное внимание, теперь казалось новым и вызывало восторг, от которого он давно отвык.

Густые заросли кустарника по берегам реки буквально кишели мириадами живых существ. Стрекозы, словно украшенные драгоценными камешками, сновали туда и сюда, трепеща прозрачными крылышками и спариваясь в полете: мужская особь устраивалась сверху женской, и длинное блестящее брюшко самца, изгибаясь, соединялось с брюшком самки; бегемот с громким шумом и фырканием выныривал на поверхность реки, смотрел розовыми водянистыми глазками на шагающего по берегу Марка и, шевеля крохотными ушками, снова барахтался, как гигантский черный пузырь в потоке зеленой речной воды.

Марку казалось, что он странствует по древнему Эдему, куда еще не пришел человек; ему неожиданно пришло в голову, что именно этого одиночества не хватало его исстрадавшемуся телу и разуму для того, чтобы окончательно исцелиться.

На ночь он остановился на покрытом густой травой отвесном берегу реки, где почти не было комаров – они летали гораздо ниже. Заросли кустарника, в которых сквозила неуютная темнота, тоже остались внизу.

После полуночи его разбудил леопард: хрипло мурлыкая, хищник шагал по песчаному руслу реки, а Марк лежал и слушал, как он медленно движется вверх по течению, пока звуки не затерялись среди скальных выступов. Но снова уснул он не сразу, все лежал и с удовольствием наблюдал, как приближается рассвет.

За последние четыре года каждый божий день, даже когда выпадали совсем плохие, мрачные дни, он думал о своем деде. Иногда мимолетно, но бывало, что и подолгу, как тоскующий по дому школьник изводит себя мыслями о семье, о родных и близких. Дед являлся его семьей, отца и матери Марк не знал. Дед оставался с ним рядом всегда, с самых первых, еще смутных воспоминаний до настоящего времени, неизменный в своей силе и спокойной мудрости.

Глубокую, острую тоску по деду Марк ощущал почти как физическую боль. Особенно когда в памяти возникал образ деда, сидящего на широкой, обшитой досками веранде в жестком резном кресле-качалке, облаченного в старую помятую рубашку цвета хаки с кое-как пришитыми заплатами, давно не стиранную и с открытым воротом, из-под которого торчал пучок растущих на груди седых волос. Юноша отчетливо видел его шею и отвислые щеки, сморщенные, как у индюка, темно-коричневые от загара и покрытые пятидневной серебристой щетиной, которая блестела, словно мелкие осколки стекла; огромные белые лоснящиеся усы деда, кончики которых, смазанные воском, торчали в стороны, как страшные пики; широкополую фетровую шляпу, низко надвинутую на лоб над яркими и веселыми светло-кариими глазами. Шляпа на нем была всегда, пропитанная потом и с засаленной лентой; он никогда не снимал ее, даже за едой, – Марк подозревал, что дед даже спать укладывался в ней в свою большую медную кровать.

Марк помнил, как дед, бывало, застынет неподвижно во время какой-нибудь работы с острым ножом в руке, перекатит табак из одной щеки в другую, и вдруг жвачка летит в старую пятигаллоновую банку из-под сиропа, служившую ему плевательницей. Попадал дед точно с десяти футов, не проронив на пол ни единой капли темно-коричневой слюны, и как ни в чем не бывало продолжал свой рассказ, словно и не случилось никакой паузы. А какие это были рассказы! От его историй широко раскрытые глаза мальчишки едва не выскакивали из орбит, после этих баек он нередко просыпался по ночам и со страхом заглядывал под кровать.

Марк помнил деда в ситуациях и пустяковых, и серьезных: вот он нагибается, берет горсть плодородной земли, пропускает ее между пальцев и вытирает ладони сзади о штаны с гордым выражением на иссохшем, но бодром лице.

– Земля Андерсов – хорошая земля, – приговаривал он, кивая с мудрым видом.

Или стоят они рядом с высоким и худым дедом в густом колючем кустарнике, у него в руках большая и старая винтовка «мартини-генри»; вдруг она оглушительно рывкает, выпустив облако дыма, отдача сотрясает немоющее старое тело, и, словно черная гора, на них бросается огромный, обезумевший от крови и ран буйвол.

Четыре года прошло с тех пор, когда Марк видел деда в последний раз и общался с ним. Сначала он писал деду длинные, исполненные тоски по родному дому письма, но дед не умел ни читать, ни писать. Марк надеялся, что какой-нибудь друг или знакомый прочтет ему письма, хотя бы даже сама почтальонша, а потом кто-нибудь напишет ответное письмо.

Надежда оказалась тщетной. Старик был горд и ни за что не позволил бы себе открыть чужому человеку, что он не умеет читать. Тем не менее все эти долгие четыре года Марк продолжал писать по одному письму в месяц. И вот наконец завтра он в первый раз за все это время узнает, как поживает его дед.

Марк снова уснул и проспал еще несколько часов. Проснувшись, в предрассветной темноте развел костер и сварил кофе. А как только рассвело достаточно, чтобы видеть тропинку и собственные ноги на ней, он снова двинулся в путь.

Поднявшись на взгорье, он полюбовался, как из моря выходит солнце. Далеко над морским простором громоздились, словно горы, темные грозовые тучи, а за ними вставало солнце. Тучи горели всеми оттенками красного, от темно-пурпурного до розового, контур каждого облака сиял золотисто-алым ободком, а в просветах пробивались солнечные лучи.

Земля под ногами Марка пошла под уклон; начинались прибрежные низины с заросшими густым лесом долинами и пологими, покрытыми золотистыми травами холмами, и так до самого побережья с бесконечными белоснежно-песчаными пляжами.

Пониже от места, где стоял Марк, через край возвышенности переливалась река, серебристо-белыми языками прыгая по скалам в глубокие и темные, заполненные водой ямы с мощными водоворотами, на поверхности которых огромными кругами ходила пена, словно отдыхая и набираясь сил, перед тем как совершить очередной прыжок вниз.

Вот тут в первый раз Марк заторопился, двинувшись по крутой тропинке вниз, стараясь не отставать от реки, но когда он спустился на теплую, словно пребывающую в глубокой дреме равнину, утро было уже в полном разгаре.

Река здесь стала шире и мельче, она совсем смирила свой нрав и теперь тихо змеилась между открытых песчаных берегов. Здесь уже появились другие птицы, как и звери в лесу и на холмах, но теперь Марк не обращал на них внимания. Удостоив лишь мимолетным взглядом стаи длинноклювых аистов на песчаных отмелях и ибисов с серповидными клювами, чья великолепная стая с неистовыми, безумными, звенящими криками поднялась в воздух, он поспешил дальше.

У подножия огромной смоковницы находилось одно незаметное, отмеченное лишь полуразвалившейся пирамидкой из камней местечко, которое для Марка имело особое значение: здесь проходила западная граница Андерсленда.

Пирамидка была сложена между серых чешуйчатых корней дерева, ползущих по земле, словно некие древние пресмыкающиеся. Марк остановился, чтобы поправить ее. Когда он принялся за работу, с веток дерева, шумно хлопая крыльями, слетела стая упитанных зеленых голубей – они лакомились там горькими желтыми плодами.

Закончив дело, Марк тронулся дальше. Теперь он шагал легко и упруго, расправив плечи, и глаза его сияли новым светом: он опять идет по родному Андерсленду, как нарек эту землю тридцать лет назад его дед. Андерсленд – это восемь тысяч акров плодородного, шоколадного цвета суглинка с густо заросшими сочной травой пологими холмами, земля, которая через четыре мили выходит к полноводной, никогда не пересыхающей реке.

Прошагав полмили, Марк хотел свернуть от реки и через еще один гребень немного срезать путь к дому, как вдруг издалека донесся тяжелый, потрясший землю удар, а за ним в неподвижном теплом воздухе зазвучали далекие человеческие голоса.

Марк озадаченно остановился и прислушался; раздался еще один удар, но на этот раз ему предшествовал треск ломающихся веток дерева и подлеска. Сомнений не оставалось: там валят лес.

Отбросив первоначальное намерение, Марк двинулся дальше по берегу реки. И вдруг из зарослей леса вышел на открытое пространство, которое напомнило ему страшные, опустошенные поля Франции, изорванную, перепаханную и разоренную взрывами снарядов землю.

Группы темнокожих людей в набедренных повязках из белого полотна и в тюрбанах валили тяжелые деревья и очищали от подлеска берег реки. Сначала Марк не понял, кто эти странные люди, но потом вспомнил, что совсем недавно читал в газете статью про рабочих-индусов, которых тысячами завозили из Индии для работы на новых плантациях сахарного тростника. Это были жилистые мужчины с очень темной кожей, и трудились они, как муравьи, по всему берегу реки. Их тут были сотни... Впрочем, нет, Марк прикинул и понял: какие там сотни – тысячи, не считая групп, обслуживающих воловьих упряжки. Большие парные упряжки крупных, сильных животных не торопясь перетаскивали поваленные стволы и укладывали их штабелями, чтобы потом сжечь.

Не совсем понимая, что происходит, Марк свернул от реки и взошел на ближайший холм. И с гребня ему открылся весь Андерсленд, а за ним земля дальше на восток до самого моря.

Везде, насколько хватало взгляда, царило опустошение. Над подобным стоило поразмыслить. Эту землю пустили под плуг, всю без остатка. И лес, и пастбища оказались уничтожены и распаханы, запряженные волами фургоны медленно двигались по открытой земле, одна упряжка за другой, а плодородная, шоколадно-коричневая земля была вся исполосована широкими лоснящимися бороздами. До слуха стоящего на холме ошеломленного Марка доносились крики пахарей и приглушенное щелканье длинных бичей.

Марк сел на первый попавшийся камень и почти целый час наблюдал, как трудятся люди и животные. Ему стало страшно. Он испугался того, что все это могло означать. Дед ни за что не допустил бы, чтобы над его землей так надругались. Он ненавидел и плуг, и топор. Дед обожал стройные деревья, и вот теперь они со стоном и треском падают на землю. Он лелеял свои пастбища, тряся над ними, как скряга, словно желтые травы в самом деле состояли из чистого золота. Он никому и ни за что, пока он жив, не позволил бы закопать их плугом в землю.

Вот почему так испугался Марк. Видит бог, пока его дед был жив, он ни за что не продал бы Андерсленд.

Марк и в самом деле не хотел разрешить свои недоумения. Через силу он заставил себя встать и стал спускаться вниз.

Темнокожие работники в тюрбанах не поняли его вопросов, но энергичными жестами отправили юношу к толстому господину в хлопчатобумажной куртке, который с важным видом расхаживал от одной группы рабочих к другой, то и дело шлепая легкой тростью по черным голым спинам, или останавливался и старательно записывал что-то в большую черную тетрадь.

Он поднял голову и, увидев перед собой белого человека, вздрогнул и принял подобострастную позу:

– Добрый день, господин...

Он хотел было продолжить, но блестящие, жадные глазки его быстро пробежали по фигуре Марка, и он увидел, что перед ним стоит еще совсем молодой человек, небритый, в грязной и изрядно помятой одежде армейского образца. У него не осталось сомнений, что все пожитки этого бродяги уместаются у него в ранце.

– Скажу честно, больше рабочих нам здесь не требуется, – высокомерно обронил он, мгновенно сменив тон. – Я здесь главный.

– Отлично, – кивнул Марк. – Тогда скажите мне, что эти люди делают в Андерсленде.

Этот тип раздражал его, он повидал немало таких в армии: всегда наглые с нижестоящими и всегда готовые лизать задницу вышестоящих.

– А разве не видно? Готовим землю, будем выращивать сахар.

– Эта земля принадлежит мне и моей семье, – сказал Марк.

И снова тон этого человека мгновенно изменился.

– А-а, добрый молодой господин, значит, вы из ледибургской компании?

– Нет-нет, мы здесь живем. Вон там у нас дом. – Марк махнул рукой в сторону холма, за которым находилось его жилище. – И это наша земля.

Господин весело захихикал и покачал головой, словно толстый темнокожий ребенок.

– Теперь здесь никто не живет. Увы! Все это теперь принадлежит компании, – проговорил он и сделал широкий жест рукой, заключая в него весь пейзаж от нагорья до самого моря. – Скоро везде тут будет один только сахар, вот увидишь, парень. Сахар, один только сахар.

Он снова захихикал.

С вершины холма старый дом выглядел как прежде, утопая в деревьях сада: виднелась лишь крашенная зеленой краской крыша из рифленого листового железа. Но как только Марк, шагая по заросшей тропинке, бежавшей мимо курятников, приблизился к нему, стало видно: все оконные рамы вместе со стеклами вынуты, в стенах зияли только пустые темные квадраты, а широкая веранда совсем пуста, даже табуретки не осталось. Пропало и кресло-качалка, а в самом конце веранды провисла крыша, а оторвавшаяся от стены водосточная труба держалась на одном честном слове.

Сад без ухода стоял страшно запущенный, растения посягнули уже и на самый дом. Дед всегда аккуратно подкашивал их и каждый день выметал опавшие листья из-под деревьев и между ровных рядов ульев, стоящих в тени и выкрашенных белой краской. Все ульи тоже кто-то варварски разграбил, разворотив их топором.

В комнатах остались голые стены. Вынесли все сколько-нибудь ценное, даже старую, почерневшую кухонную печку, которую они с дедом топили дровами, все-все, кроме плевательницы на веранде, сиротливо валяющейся на боку: содержимое пролилось на пол, оставив на досках темное пятно.

Марк медленно бродил по пустому дому, переходя из комнаты в комнату; чувство страшной утраты и горя терзало его. Под ногами шуршали листья, занесенные ветром в помещения, а из паутины, развешенной во всех углах и в пустых дверных проемах, множеством сверкающих глазок за ним настороженно наблюдали огромные черно-желтые пауки.

Марк вышел из дома и направился к небольшому семейному кладбищу. На душе у него сразу стало легче, когда он увидел, что новых, свежих могил там не прибавилось. Здесь лежали бабушка Элис, ее старшая дочь и двоюродный брат, которые умерли еще до рождения Марка. Все те же три могилки. Могилы деда здесь не было.

Марк достал из колодца ведро с водой и попил – вода была холодна и вкусна. Потом он поплелся в сад, набрал полную шляпу плодов гуайавы и сорвал зрелый, пожелтевший ананас. На заднем дворе горделиво расхаживал молодой петушок, которому чудом удалось спастись

от жадных лап мародеров. Целых полчаса Марк гонялся за ним, пока наконец не сбил камнем с крыши, и тот с отчаянным клекотом, рассыпая перья, упал на землю.

Ощипанный и тщательно вымытый, петушок отправился в котелок над костром, который Марк развел на заднем дворе. Пока он варился, Марку пришла в голову неожиданная мысль.

Он вернулся в спальню деда. В дальнем углу, где когда-то стояла большая медная кровать, опустился на колени и нащупал неплотно прибитую доску. Складным ножом подцепил ее там, где торчал единственный гвоздь, и оторвал.

Сунув руку в образовавшееся отверстие, Марк извлек сначала пачку конвертов, перевязанную сыромятным ремешком. Он быстро перебрал их и убедился, что ни один конверт никто так и не вскрыл. На всех конвертах значился адрес, написанный его резким почерком. Письма были аккуратно сложены в этом тайнике. Но здесь оказались не все письма Марка. Проверив последнее отправление, Марк обнаружил, что штемпель проставлен одиннадцать месяцев назад. Увидев дату, Марк задохнулся, и на глаза его навернулись слезы.

Он отложил пачку в сторону, снова полез в отверстие и достал коробку из-под чая, на крышке которой был изображен портрет бабушки в очках в стальной оправе. Это был своеобразный сундук с сокровищами деда.

Солнце клонилось к закату, и в комнатах быстро темнело. Прихватив коробку и пачку писем, Марк отправился на задний двор. Там он сел на ступеньки кухонного крыльца и открыл коробку из-под чая.

В ней лежал кожаный кошелек, а в нем – сорок золотых соверенов; на одних была голова бородатого прежнего президента Южно-Африканской республики Крюгера, на других – королей Эдуарда и Георга. Марк спрятал кошелек во внутренний карман куртки и в меркнувшем вечернем свете стал рассматривать остальные сокровища деда. Пожелтевшие и потертые от времени фотографии бабушки Элис в молодости, свидетельство о браке, вырезки из старых газет с сообщениями и статьями о ходе Англо-бурской войны, дешевые женские украшения, те самые, что и на фотографиях Элис, медаль в подарочном футляре, медаль королевы за Южную Африку с шестью планками, включая планки за Тугелу, Ледисмит и Трансваальские кампании. Здесь лежали табель Марка с отметками, выданный в ледибургской школе, и диплом университетского колледжа Порт-Наталя – эти документы дед ценил больше всего, как и всякий неграмотный, испытывая благоговейный ужас перед учением и написанным словом. Чтобы заплатить за учебу Марка, он продал часть своих призовых быков, а их он ценил очень высоко. Кроме соверенов, все остальное в коробке из-под чая не представляло особой ценности, но для деда эти вещи были дороже всех сокровищ мира. Марк аккуратно сложил их обратно в жестянку и сунул ее в ранец.

Уже почти в сумерках Марк съел жилистого петуха, закусил фруктами и, завернувшись в одеяло, улегся спать на полу кухни. Но уснул он не сразу, тяжелые мысли не давали ему покоя.

Теперь ему стало понятно, что дед, куда бы он ни отправился, собирался вернуться в Андерсленд. Не будь у него такого намерения, ни за что он не оставил бы здесь этого драгоценного для негоклада.

Разбудил Марка удар сапога в ребра; он перевернулся и сел, охнув от боли.

– Быстро вскочил на ноги и ходу отсюда! Шевелись!

Еще не вполне рассвело, но Марк сумел разглядеть лицо этого человека. Чисто выбрит, с тяжелой, гладкой челюстью, зубы ровные, словно кто специально их так подточил, и очень белые на фоне сильно загорелого лица. Голова круглая, как пушечное ядро, и кажется очень тяжелой – возможно, потому, что он держит ее на толстой шее низко, как боксер-тяжеловес на ринге.

– Встать! – повторил он, снова отводя назад изношенный коричневый сапог для верховой езды.

Марк вскочил на ноги, встал в стойку и приготовился защищаться. Оказалось, что противник ниже ростом, зато коренаст и плотен, с широкими толстыми плечами и грузным корпусом.

– Это частная собственность, и бродягам здесь делать нечего! – прорычал он.

– Я не бродяга... – начал Марк.

Но мужчина бесцеремонно оборвал его грубым хохотом.

– Ну да, скажи еще, что на тебе модные шмотки, а за дверью тебя поджидает «роллс-ройс». Ах, простите, я на минуточку ошибся.

– Меня зовут Марк Андерс, – сказал Марк. – Эта земля принадлежит моему дедушке Джону Андерсу...

В глазах человека, кажется, что-то мелькнуло, злая усмешка пропала, в лице появилось то ли сомнение, то ли тревога. Явно нервничая, он быстро облизал губы и снова заговорил, но голос его по-прежнему оставался тверд и спокоен:

– Я об этом ничего не знаю... я знаю только, что эта земля теперь принадлежит компании по недвижимости «Ледибург эстейтс», я у них работаю десятником, и ни я, ни руководство компании не желаем, чтобы вы тут шлелись. – Помолчав, он переступил с ноги на ногу, опустил плечи и выставил тяжелую челюсть. – А еще я знаю, что всегда с большим удовольствием бью морду. И бог знает почему, давненько этого не делал.

Они стояли набычившись друг против друга, и Марк вдруг почувствовал прилив горячей злости. Ему очень хотелось принять вызов этого типа, хотя он прекрасно понимал, насколько тот силен и опасен. Рожа настоящего убийцы, не говоря уже о весе и физической мощи. Марк взял себя в руки, плечи его тоже опустились.

Его мучитель это заметил, видно было, что он наслаждается ситуацией. Крепко сжав зубы, громила тонко улыбнулся, на шее выступили жилы, он слегка качнулся, перенес вес на пальцы ног.

А Марк вдруг почувствовал страшное отвращение к насилию. Он успел уже навидаться его в жизни, а кроме того, драться сейчас особых причин не имелось. Он отвернулся и нагнулся за сапогами.

Человек наблюдал, как он одевается, возможно слегка разочарованный, но готовый к дальнейшему противостоянию.

– Как ваше имя? – спросил Марк, закидывая ранец на плечо.

– Друзья зовут меня Хобдей.

– А фамилия?

– Просто Хобдей.

– Хорошо, я запомню, – сказал Марк. – А вы молодец, Хобдей.

Он спустился во двор и двинулся в путь, а через пятнадцать минут, когда оглянулся с гребня возвышенности, где дорога на Ледибург поворачивает на север, увидел, что Хобдей все еще стоит на заднем дворе усадьбы Андерсленд и внимательно за ним наблюдает.

Фред Блэк смотрел, как Марк поднимается на холм. Положив руки на ограждение бассейна с травильным раствором против паразитов скота, он неторопливо жевал табак – высокий и худой, дочерна загорелый на солнце и сам высохший, как брусочек жевательного табака.

С Джоном Андерсом они были закадычными друзьями, и он знал Марка с тех пор, когда тот еще ползал. Однако юноше стало ясно, что сейчас Фред его не узнал.

Шагах в пятнадцати Марк остановился и приподнял шляпу.

– Здравствуй, дядя Фред, – приветствовал он Блэка.

Фред и теперь не сразу признал Марка – прошла секунда, прежде чем он с радостным воплем подбежал и обнял внука старого друга.

– Господи, мальчик мой, а тут болтали, что тебя убили во Франции!

Они уселись рядышком на ограду загона. Мальчишки-зулусы сквозь узкий проход прогоняли под ними скот к краю бассейна, и животные торопливо прыгали в глубокий и зловонный химический раствор, снова появлялись на поверхности, боязливо фыркая и задрав нос кверху, и потом выходили по откосу с другой стороны.

– Уже год прошел, как он умер... нет, больше... ну да, больше года, прости господи. Мне и в голову не пришло, чтобы тебе сообщить. Я ж говорю, все считали, что ты погиб во Франции.

– Все в порядке, дядя Фред, – сказал Марк.

Он удивился, что новость совсем не потрясла его. Видимо, он уже понял это и смирился с утратой, хотя горе легло на душу тяжким грузом. Они долго молчали; сидящий с ним рядом старик уважал его чувства.

– А как он... – Марк поколебался, не решаясь употребить это слово. – Как он умер?

– Да как тебе сказать...

Фред Блэк приподнял шляпу и осторожно потер лысую розовую макушку.

– В общем, все случилось довольно неожиданно. Они с Питом Грейлингом и его сыном отправились добыть немного мяса в Чакас-Гейт.

На Марка сразу нахлынули яркие воспоминания. Чакас-Гейт, большой природный заповедник на севере, где дед обучал его искусству охоты. Уже давно, в 1869 году, эту территорию власти объявили охотничьим заказником, но охраны там не назначили, и жители Северного Натала и Зулуленда считали его в некотором смысле своей собственностью.

– Ну вот, прошло, значит, пять дней, а старик в лагерь все не возвращается. Искали его еще четыре дня и потом нашли.

Он немного помолчал, бросив на Марка быстрый взгляд.

– Как ты себя чувствуешь, мальчик мой?

– Нормально, – ответил Марк. А сам подумал о том, что повидал в жизни много смертей и сам не раз убивал и все же еще одна смерть, тем более деда, глубоко его тронула. – Продолжай, пожалуйста, дядя Фред.

– В общем, Пит рассказывал, что, похоже, он карабкался вверх на гору и оступился, упал на свою винтовку, а она возьми и выстрели. Прямо ему в живот.

Они смотрели, как в бассейн прыгает последний бык. Фред Блэк, кряхтя, слез с забора и встал, держась за поясницу.

– Совсем старый уже становлюсь, – проворчал он.

Марк тоже спрыгнул, и они направились к дому.

– Пит со своим сыном похоронили его там же. Четыре дня пролежал на солнце – куда такого тащить домой? Место обозначили, а когда вернулись в Ледибург, то сходили в магистратуру и дали, значит, показание под присягой...

Тут Фреда перебил крик, и они увидели бегущую к ним по аллее голубых эвкалиптов тоненькую девичью фигурку. Толстая светло-каштановая коса подпрыгивала на бегу и била ее по спине; быстро мелькали под вылинявшей юбкой из дешевой хлопчатобумажной ткани длинные, загорелые босые ноги с грязными ступнями.

– Марк! – снова крикнула она. – О, Марк!

Он узнал ее, только когда она оказалась уже совсем близко. За четыре года девушка очень изменилась.

– Мэри... – только и смог выговорить Марк.

Горечь утраты тяготила его сердце. Время поговорить еще появится. Но даже в печали он не мог не заметить, что Мэри Блэк уже не тот озорной чертенок, на которого он когда-то старшекласником ледибургской средней школы смотрел свысока, а совсем взрослая девушка.

У нее было все то же усеянное веснушками смеющееся лицо и крупные, немного неровные передние зубы, но теперь она подросла и превратилась в крепкую, простоватую деревенскую девушку с широкими бедрами и звонким, радостным смехом.

Ростом она едва достигала Марку до плеча, фигурка ее под тоненьким, потрепанным платьем стала округлой и полненькой, бедра при ходьбе покачивались, ягодички так и ходили, талия расширялась кверху наподобие горлышка вазы, а полные груди при каждом шаге свободно подпрыгивали.

Они шагали рядом, и она засыпала его бесконечными требовательными вопросами. Девушка все время держала его под руку, а потом и вовсе схватила за руку и стала трясти, чтобы добиться ответов на свои вопросы, снизу вверх озорно заглядывая ему в глаза и громко, заливисто смеясь. А Марк смотрел на нее и ощущал в душе странное беспокойство.

Жена Фреда Блэка узнала его сразу, еще со двора, и протяжно вскрикнула – так кричит дойная корова, когда у нее надолго отняли теленка. У нее было девять дочерей, а она всегда страстно желала иметь сына.

– Здравствуйте, тетя Хильда... – начал было Марк. И тут же чуть не задохнулся, попав в ее крепкие объятия.

– А отошал-то как, бедный, изголодался небось! – вскричала она. – И что это на тебе надето, от этого же воняет, и от тебя тоже воняет, Марки... а волосы-то, волосы... скоро до земли отрастут.

Четыре незамужние сестрицы под руководством Мэри установили посреди кухни оцинкованную ванну и влили в нее несколько ведер горячей воды. На задней веранде Марка усадили на табуретку, обмотав шею простыней, а тетя Хильда вооружилась огромными тупыми ножницами и принялась его стричь.

Потом она прогнала протестующих дочерей с кухни. Как отчаянно Марк ни боролся, защищая свою стыдливость, она не обратила на это внимания.

– Я женщина старая, видала и получше, да и подлинней, – заявила она.

Решительно содрав с него всю одежду, она швырнула ее поджидающей за открытой дверью Мэри.

– Возьми постирай, детка... и держись подальше от этой двери.

Марк покраснел до пят и быстренько окунулся в горячую воду.

Уже в сумерках Фред Блэк с Марком сидели во дворе на крышке колодца, и между ними стояла бутылка бренди. Напиток под названием «Кейп смоук» оказался лютый, едкий, как серная кислота, и Марк, глотнув разок, больше к своему стакану не прикасался.

– Да, я частенько об этом думал, – согласился Фред, слегка уже осоловевший от бренди. – Старина Джонни любил свою землю.

– Он когда-нибудь говорил с вами, что хочет ее продать?

– Нет, никогда. Мне всегда казалось, что он будет жить здесь вечно. Частенько говаривал, что хочет лежать в земле рядом со своей Элис. Хотел, чтоб его там и похоронили.

– А когда вы в последний раз видели дедушку, дядя Фред?

– Дай подумать, – он почесал лысый затылок. – Где-то около двух недель до того, как он отправился с Грейлингами в Чакас-Гейт. Ну да, верно. Он съездил в Ледибург, закупил патронов, кое-какие припасы. Заглянул к нам вечером в старенькой двуколочке, мы с ним потолковали о том о сем, как всегда.

– И он не говорил ничего о продаже?

– Нет, ни словечка.

Тут распахнулась кухонная дверь, осветив двор желтым светом лампы, и в проеме показалась тетя Хильда.

– Еда на столе! – провозгласила она. – Давай-давай, Фред, не держи там мальчика, небось всяким глупостям там его учишь. И бутылку свою в дом не приноси. Слышал, что я сказала?

Фред, скорчив гримасу, вылил последние три дюйма темно-коричневой жидкости в стакан и кивнул пустой бутылке:

– Ну, прощай, старый дружок.

Он швырнул бутылку через забор и залпом, как пьют лекарство, осушил стакан.

Марк протиснулся на скамейку возле стены и оказался зажатым между Мэри с одной стороны и одной из ее крупных, грудастых сестер – с другой. Тетя Хильда сидела прямо напротив; накладывая ему на тарелку еду, она громко пеняла, что он мало ест.

– Фреду уже нужна здесь по хозяйству чья-то помощь. Он стареет, хотя этот старый дурак не догадывается об этом.

Не имея возможности отвечать с набитым ртом, Марк только кивал. Мэри потянулась за очередным куском еще теплого хлеба домашней выпечки. Ее большая грудь прижалась к Марку, и он чуть не подавился.

– У девочек никакой возможности познакомиться с хорошим парнем – торчат все время на ферме.

Мэри подвинулась к Марку, плотно прижавшись к нему бедром.

– Оставь парня в покое, Хильда, старая интриганка, – заплетающимся языком добродушно проговорил Фред, сидящий во главе стола.

– Мэри, добавь Марку подливки к картошке.

Девушка послушно исполнила просьбу матери и, наклоняясь к Марку, уперлась свободной рукой в его ногу повыше колена.

– Доедай, мой мальчик! На десерт еще будет молочный пирог, Мэри сама для тебя готовила.

Руку Мэри с его колена не убирала, наоборот, ладонь ее медленно, но целенаправленно ползла вверх. Все внимание Марка мгновенно сосредоточилось на этой ладони, и еда застревала в горле.

– Положить еще тыквы, Марки? – заботливо спросила тетя Хильда.

Марк слабо покачал головой. Он никак не мог поверить в то, что сейчас происходило под столом, прямо под носом у ее матери.

Его охватила нарастающая паника.

Стараясь действовать как можно более незаметно в сложившихся обстоятельствах, он опустил одну руку под стол и, не глядя на девушку, крепко схватил ее за запястье.

– Ну как, Марк, наелся?

– Да, конечно-конечно, вполне! – горячо ответил Марк, пытаясь оттащить руку Мэри.

Но не тут-то было: девка оказалась сильная, справиться с ней было не так-то легко.

– Мэри, лапочка, вымой тарелку Марка и положи ему кусочек твоего замечательного пирога.

Мэри и бровью не повела; казалось, она ничего не слышала, сидела, скромно уставившись в свою тарелку, щеки ее ярко порозовели, губы едва заметно трепетали. Сидя рядом, Марк смущенно ежилась и ерзал.

– Мэри, что это с тобой, девочка моя? – раздраженно нахмурилась мамаша. – Ты меня слышишь, детка?

– Да, мама, я тебя слышу.

Она наконец вздохнула и, встрепенувшись, преодолела себя. Медленно встав, обеими руками взяла тарелку Марка. Он даже слегка просел на скамейке, ослабев от облегчения.

После долгого пешего пути и последующих треволнений Марк совсем выбился из сил и заснул почти мгновенно. Но спал беспокойно, его одолевали странные сны.

Ему снилось, что он гонится за каким-то темным видением по мрачной, призрачной местности, наполненной клубящимся туманом и зловещим, неестественным светом, но ноги не слушаются, двигаются еле-еле, каждый шаг дается с невероятным трудом, словно он ступает по вязкой жидкости.

Марк знал, что призрак, мелькающий сквозь туман впереди, – это его дед, и пытается кричать, старательно открывая рот, но ни единого звука не вылетает из него. Вдруг на темной спине призрака появляется маленькая красная дырочка, а из нее толчками вытекает яркая кровь, и тогда призрак поворачивается к нему лицом.

Мгновение Марк смотрит в лицо деду, умные желтоватые глаза над огромными остро-конечными усищами улыбаются ему; и вдруг лицо начинает таять, как горячий воск, а вместо него проступают, словно поднимаются из-под воды, бледные черты прекрасной мраморной статуи. Да это же лицо того юного немца... Наконец Марк закричал и упал, закрывая лицо. Он тихо всхлипывал во мраке, но скоро в его измученном существе возникает другое ощущение.

Ему кажется, что кто-то ласкает его неторопливо и изощренно. Рыдания замирают у него в груди, и он постепенно всеми чувствами отдается порочному наслаждению. Он понимает, что именно скоро должно случиться, такое часто случалось с ним одинокими ночами, и теперь он с радостью ждет этого, медленно поднимаясь из глубин своего сна.

На самом краю сознания слышится голос – тихий, мурлыкающий полусшепот:

– Тихо, тихо, не шуми, тихо... все хорошо, все будет хорошо... Только не поднимай шума...

Он пробуждался не сразу, постепенно, долго никак не мог понять, что эта теплая, крепкая плоть – реальность. В лунном свете, сочащемся сквозь окно над узкой стальной кроватью, над ним нависали тяжелые белые женские груди, они касались его груди, сияла нагая белая кожа.

– У Мэри получится лучше, – шептал хриплый настойчивый голос.

– Мэри?

Марк, задыхаясь, повторил это имя и сделал попытку сесть на кровати, но она всем весом своего тела мягко толкнула его обратно.

– Ты сошла с ума!

Он стал сопротивляться, но к его губам прижались ее губы – влажные, теплые и жадные, и под напором новых ощущений его сопротивление стало ослабевать. Кружилась голова, словно его рассудок засасывало в некий водоворот.

Охватившее Марка смятение еще больше усиливалось всеми теми ужасными вещами, которые ему были известны про женщин. О странных, неслыханных повадках женщин рассказывал ему полковой капеллан, и это знание всегда поддерживало его, помогая не поддаваться обольщениям наглых французских шлюх, а также дамочек, манивших его к себе из проемов дверей в темных лондонских переулках.

Капеллан рассказывал им, какие два одинаково ужасных и пагубных последствия ждут их от внебрачного соития с женщиной. Либо неизлечимая, разъедающая живую плоть болезнь, которая оставляет в паху у мужчины гнилую дыру и в конце концов доводит его до безумия, либо внебрачный ребенок, незаконнорожденный, безотцовщина, существование которого пятнает мужскую честь.

Опасность грозила слишком серьезная... Марк оторвал губы от голодного, сосущего и жаждущего рта девушки с возбуждающим языком.

– О господи! – прошептал он. – Так ведь ребенка заработаешь.

– Ну и что, глупенький, – хрипло прошептала она в ответ радостным голосом. – Мы ведь потом можем пожениться.

Он застыл, ошарашенный этими словами, а она неожиданно сменила позу, закинула ногу и оседлала лежащего на спине Марка, придавив его тяжелой и мягкой подушкой своего тела; на его лицо упали блестящие липкие волосы девушки, мешая ему дышать.

– Нет. – Он пытался вывернуться из-под нее. – Нет, нет, это безумие. И я не хочу жениться...

– Да! Ну что же ты... да, да!

Еще пару мгновений его держало почти парализованным это ощущение, но сразу же яростным рывком ему все-таки удалось сбросить ее с себя. Отчаянно вцепившись пальцами ему в плечи, она повалилась на бок, но уже через мгновение брякнулась с кровати на пол.

С грохотом упал умывальный столик, удар большого тела девицы об пол прокатился по спящему дому.

Снова наступила тишина, но длилась она всего мгновение; тут же в коридоре раздался дружный хор – кричали младшие сестры.

– Что у вас там происходит? – заревел Фред Блэк из большой спальни.

– В доме кто-то есть!

– Лови его, Фред, что ты лежишь как пень!

– Где мой дробовик?

– Папа, помоги! Папа!

Одним прыжком Мэри вскочила с пола. Схватив со стула свою ночную рубашку, быстро надела через голову.

– Мэри!

Марк сел на кровати, ему хотелось ей все объяснить, рассказать все вплоть до капеллана. Он наклонился, и в тусклом лунном свете ему удалось разглядеть ее искаженное яростью лицо.

– Мэри...

Уклониться Марк не успел: она со всего размаху влепила ему такую пощечину, что у него затрещали зубы и искры посыпались из глаз. Что и говорить, девица она была крупная и сильная. Когда в голове немного прояснилось, ее в комнате уже не было, но в ушах еще долго звенело и гудело, словно там поселился пчелиный рой.

Покрытый пылью грузовик затормозил рядом с Марком, когда он устало тащился по обочине дороги, глубоко изрытой колесами, с густо заросшим травой горбом между двумя колесами.

В кабине сидели мужчина средних лет и его жена.

– Куда направляешься, сынок? – окликнул мужчина Марка.

– В Ледибург, сэр.

– Ну давай, прыгай в кузов.

Последние двадцать миль Марк преодолел, сидя высоко на мешках с маисом; рядом с ним в кузове помещалась клетка с кудахчущими курами. Ветер трепал его жесткие, недавно подстриженные волосы.

Они прогрохотали по мосту через Бабуинов ручей. Марк озираясь, поражаясь, как тут все изменилось. Ледибург, который когда-то представлял собой городишко, больше смахивающий на поселок, стал настоящим городом. Он сильно расширился, дойдя до самой реки, а внизу, под нагорьем, красовалось новенькое здание товарной станции с двором, где деловито маневрировали с полдюжины паровозов, развозя по путям товарные платформы, тяжело нагруженные пиломатериалами с лесопилок или мешками с сахаром с новой сахарной фабрики.

Сама же фабрика, громадное сооружение из стальных конструкций и гигантских котлов, являла собой образец успехов города на пути прогресса. Из полдюжины труб в небо поднимались дым и пар, образуя серую пелену тумана, который постепенно рассеивался, подхваченный легким ветерком.

Учуяв приторную вонь, распространяемую фабрикой в воздухе, Марк сморщил нос и со страхом посмотрел вниз на Мейн-стрит. Здесь располагалось не менее дюжины новых зданий с вычурными фасадами, украшенными изысканными чугунными решетками и затейливыми фронтонами, с витражами в дверях главного входа, с именами владельцев и датой постройки, рельефными буквами, обозначенными на штукатурке фасадов. Но все это затмевало гигантское четырехэтажное строение, покрытое, словно свадебный торт богатой невесты, декоратив-

ным орнаментом. На фронте его красовалась горделивая надпись: «Ледибургский сельскохозяйственный банк».

Водитель грузовика высадил Марка на тротуар прямо перед банком и, весело помахав рукой, поехал дальше своей дорогой.

Рядом с банком, среди множества двуколок и запряженных лошадьми экипажей, стояло не менее дюжины автомобилей; прохожие здесь все были хорошо одеты и жизнерадостны – словом, выглядели как жители процветающего и благоденствующего города.

Кое-кого Марк даже узнавал в лицо – когда-то, в прежние времена, они водили знакомство. Устало шагая по Мейн-стрит, он несколько раз останавливался, чтобы поздороваться с ними. И всякий раз его узнавали не сразу, а после минутного замешательства.

– Но послушай, Марки, – неизменно отвечали ему, – мы слышали... ну да, все считают, что тебя убили во Франции. Об этом даже писали в газетах.

Помещение Комиссии по делам регистрации земельных наделов находилось в запутанном лабиринте правительственных учреждений сразу за помещениями мирового суда и полицейского участка. Пока Марк добирался сюда из Андерсленда, у него имелось много времени все продумать, и теперь он точно знал, что станет делать и в каком порядке.

Закуток перед кабинетом оказался крохотный, с невзрачной деревянной скамейкой и такой же простенькой конторкой. Здесь сидел престарелый конторский служащий, близорукие глаза его прятались за очками в железной оправе, а лоб украшал потрескавшийся зеленый козырек для защиты глаз от резкого света. Он походил на старую ворону в своем черном шерстяном сюртуке с хлопчатобумажными нарукавниками и с костлявым востреньким носом; низко склонившись над столом, клерк совершал подвиг Геракла по штемпелеванию толстой стопки документов.

Несколько минут служащий продолжал свой труд, не обращая внимания на Марка. Марк терпеливо читал развешенные на стенке правительственные информационные сообщения. Служащий наконец раздраженно поднял голову и всем своим видом дал понять, что ему мешают исполнять работу, от которой, возможно, зависит судьба всего человечества.

– Я бы хотел взглянуть на документ, касающийся права на земельное угодье, сэр... если можно, – сказал ему Марк.

Земельный участок, не имеющий долгов по налогам, расположен в административном округе Ледибурга за № 42 в секторе А. Данная ферма, именуемая АНДЕРСЛЕНД... Акт о передаче права собственности, принятый в пользу компании недвижимости с ограниченной ответственностью «Ледибург эстейтс лимитед», зарегистрированной в Ледибурге в июне 1-го дня 1919 года. Настоящим доводится до всеобщего сведения, что ко мне, уполномоченному Комиссии по регистрации документов на право собственности, обратился за совершением нотариального действия ДЕННИС ПЕТЕРСЕН. Вышеупомянутый обратившийся предъявил доверенность, подписанную в Ледибурге 12-го дня мая 1919 года ДЖОНОМ АРЧИБАЛЬДОМ АНДЕРСОМ, чьи полномочия были засвидетельствованы согласно закону... и вышеупомянутый обратившийся за совершением нотариального действия заявил, что его поручитель действительно и в соответствии с законом продал...

Марк перешел к следующему документу.

Договор, составленный между ДЖОНОМ АРЧИБАЛЬДОМ АНДЕРСОМ, далее именуемым «продавец», и компанией «ЛЕДИБУРГ ЭСТЕЙТС ЛИМИТЕД», далее именуемой «покупатель», о продаже недвижимого имущества, а именно фермы, известной под названием АНДЕРСЛЕНД, вместе со всеми ее строениями и сооружениями, сельскохозяйственными

культурами и запасами леса на корню, орудиями, инвентарем и поголовьем домашнего скота, в денежном выражении на сумму в три тысячи фунтов стерлингов...

В подтверждение вышеизложенного стороны поставили свои подписи: ДЖОН АРЧИБАЛЬД АНДЕРС – X (крест вместо подписи) и от имени компании «ЛЕДИБУРГ ЭСТЕЙТС ЛИМИТЕД» – ДИРК КОРТНИ (ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ). В качестве свидетелей вышеизложенного:

ПИТЕР ЭНДРИС ГРЕЙЛИНГ
КОРНЕЛИЙ ЙОХАННЕС ГРЕЙЛИНГ

Прочитав последние два имени, Марк нахмурился. Пит Грейлинг с сыном отправились с дедом в Чакас-Гейт почти сразу же после того, как подписали Акт о продаже, а уже через несколько дней они же нашли его деда мертвым и похоронили его там в пустынном, необитаемом месте.

Генеральная доверенность на имя ДЕННИСА ПЕТЕРСЕНА.

Я, нижеподписавшийся ДЖОН АРЧИБАЛЬД АНДЕРС, настоящим документом доверяю вышеупомянутому ДЕННИСУ ПЕТЕРСЕНУ...

...подписано ДЖОНОМ АРЧИБАЛЬДОМ АНДЕРСОМ – X (о чем свидетельствует поставленный его рукой вместо подписи крест).

В качестве свидетелей подписали:

ПИТЕР ЭНДРИС ГРЕЙЛИНГ
КОРНЕЛИЙ ЙОХАННЕС ГРЕЙЛИНГ

Марк внимательно изучал пачку пергаментных юридических документов с их изящным шрифтом, скрепленных печатями красного воска и со свисающими тесемками из муарового шелка. Он тщательно переписал в записную книжку имена сторон, участвовавших в сделке, а когда закончил, конторский служащий, который все это время ревниво наблюдал за своими драгоценными бумагами, востребовал их обратно и за пять шиллингов пошлины неохотно вручил Марку официальную расписку.

Офис Бюро регистрации компаний располагался как раз напротив, через узенькую улочку, и здесь Марка приняли с совершенно другой тональностью. В этом мрачном помещении, похожем на пещеру, хозяйничала юная леди в строгой жакетке серого цвета с розоватым отливом и юбке свободного кроя, что находилось в странном противоречии с ее живыми глазами и бойким видом.

Как только Марк вошел и затворил дверь, хорошенькое маленькое личико ее с усеянным веснушками вздернутым носиком осветилось улыбкой, и уже через пару минут она дружески, с заговорщицким видом помогала ему разбираться в служебных записках, учредительных документах и договорах ассоциации «Ледибург эстейтс лимитед».

– Вы здесь живете? – спросила девушка. – Что-то я вас раньше не видела.

– Нет, я живу не здесь, – ответил Марк, не поднимая головы.

Сейчас он с трудом мог сосредоточиться на документах, тем более что живо помнил свою последнюю встречу с одной юной девицей.

– Повезло вам, – театрально вздохнула девушка. – Здесь у нас так скучно, по вечерам после работы совсем нечего делать.

Она с надеждой ждала ответа, но так и не дождалась.

Членами правления ледибургской компании недвижимости были мистеры Дирк Кортни и Рональд Бересфорд Пай, которые владели только по одной акции каждый, но этого хватало, чтобы получить право действовать как должностные лица компании.

Остальные девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто восемь стопроцентных пятишиллинговых акций принадлежали Ледибургскому сельскохозяйственному банку.

– Большое вам спасибо, – сказал Марк, возвращая девушке папку и стараясь избегать ее откровенного взгляда. – А можно посмотреть папку с документами Сельскохозяйственного банка?

Она немедленно принесла и ее.

Миллионом акций Ледибургского сельскохозяйственного банка стоимостью в один фунт каждая владели три человека, все члены совета директоров компании.

Дирк Кортни: 600 000 стопроцентных акций.

Рональд Бересфорд Пай: 200 000 стопроцентных акций.

Деннис Петерсен: 200 000 стопроцентных акций.

Марк нахмурился; паутина оказалась сплетена искусно и замысловато, снова и снова встречались одни и те же имена. Он и их переписал в свою записную книжку.

– Меня зовут Марион, а вас как?

– Марк... Марк Андерс.

– Марк... какое сильное, романтическое имя! Вы читали «Юлия Цезаря»? Там был такой Марк Антоний – сильный и романтический персонаж.

– Да, сильный, – согласился Марк. – Это правда. Сколько я вам должен заплатить пошлины?

– О, да я просто сделаю вид, что ничего и не было.

– Нет, послушайте, не надо этого... я хочу заплатить.

– Ну хорошо... если вы так хотите.

Марк направился к выходу и остановился у двери.

– Спасибо, – смущенно поблагодарил он. – Вы были очень добры.

– О, не стоит благодарности. Если понадобится еще что-нибудь, заходите. Вы знаете, как меня зовут и где меня найти.

Вдруг она ни с того ни с сего густо покраснела. Пытаясь это скрыть, девушка схватила папки и отвернулась. А когда снова посмотрела в сторону двери, Марка уже не было; она грустно вздохнула, прижимая папки к пухлой маленькой груди.

Марк нашел и счета недвижимости деда, которые с пренебрежением предъявил ему судебный распорядитель в папке, озаглавленной «Имущество лиц, умерших без завещания, стоимостью менее 100 фунтов».

С правой стороны перечислялись две винтовки и дробовик, четыре упряжных быка и двуколка; все было продано на открытом аукционе за восемьдесят четыре фунта и шестнадцать шиллингов. С левой стороны – оплата услуг юристов и комиссионные вознаграждения некоему Деннису Петерсену, а также стоимость услуг по ликвидации землевладения. Всего набегало сто двадцать семь фунтов. Сальдо счета оказалось дебетовым. Разницу разверстали, и дело было закрыто. Джон Арчибальд Андерс ушел в мир иной, почти ничего после себя не оставив, даже тех трех тысяч фунтов, которые ему заплатили за Андерсленд.

Марк взял ранец и снова вышел на улицу, залитую яркими лучами полуденного солнца. По Мейн-стрит медленно катила цистерна с водой для поливки, ее владели два быка; тонкие струи воды сверкали в воздухе, прибивая толстый слой пыли.

Марк постоял, вдыхая запах воды, льющейся на сухую землю, и разглядывая стоящее на другой стороне улицы громадное здание Ледибургского сельскохозяйственного банка.

В голове мелькнула мысль: а не пойти ли туда и не потребовать ли от сидящих там людей объяснений, что могло заставить старика изменить свое твердое решение умереть и быть похороненным в Андерсленде, как ему выплатили деньги за землю и что он с ними сделал?

Но эта мысль быстро испарилась. Люди, работающие в этом здании, являлись существами особой породы – не чета нищему, без гроша в кармане, внуку неграмотного, бедного фермера. В обществе люди поделены на определенные имущественные группы, и между ними – невидимые барьеры, перепрыгнуть которые никому не под силу, даже если у тебя есть университетский диплом, боевая медаль за отвагу и ты уволен из армии с прекрасной аттестацией.

Это здание – храм, посвященный богу богатства и власти, там обитают не люди, а полубоги. А все те, кто подобен Марку Андерсу, со своими требованиями дать ответ на совершенно пустячные вопросы о каком-то никому не известном старике, там незваные гости.

– «Имущество лиц, умерших без завещания, стоимостью менее ста фунтов», – громко прошептал Марк и отправился туда, где лязгала, шипела и пыхтела железнодорожная товарная станция.

– Да, – ответил ему начальник станции, – Пит Грейлинг был машинистом локомотива на магистральной линии, а сын у него работал кочегаром, но в свое время оба уволились, несколько месяцев назад, еще в тысяча девятьсот девятнадцатом году. – Он задумчиво потер подбородок. – Нет, куда они двинули, я не знаю, да и вообще, черт побери, я даже рад, что они ушли. Хотя погодите, кажется, вспомнил: сынок его что-то говорил про Родезию, мол, они туда собираются. Ферму хотят купить, что ли, – усмехнулся он. – Ферму! Интересно, на какие шиши? Хотят-то хотят, да хотелка не выросла. На зарплату машиниста или кочегара не очень-то разгуляешься.

Зал заседаний правления Ледибургского сельскохозяйственного банка занимал половину верхнего этажа здания; один ряд окон от пола до потолка выходил на восток, откуда в жаркие летние дни всегда дул прохладный ветерок с моря; другие окна смотрели в сторону нагорья. Оно служило прекрасным фоном раскинувшемуся внизу городу и придавало импозантный вид всему огромному помещению с высоким, аляповато расписанным потолком, на котором пляшущие белые херувимы с гроздьями винограда в руках застыли в вечном веселье.

Панели красного дерева, закрывающие стены, оттеняли зеленые бархатные портьеры с обработанными золотистой тесьмой краями.

Ковер на полу, тоже зеленый, обладал достаточной толщиной, чтобы заглушить топот копыт кавалерийской атаки. Стол для заседаний был сработан из мрамора и отделан золоченой бронзой в виде виноградных листьев и обнаженных женских фигур; они карабкались вверх по его ножкам, играли на арфах или с наигранной скромностью танцевали.

С одной стороны стола в почтительной позе стоял мужчина с короткой шеей и широкими плечами борца. Зад его бриджей лоснился от частого соприкосновения с лошадиным седлом, сапоги покрывала пыль, – видимо, он только что проделал долгий путь верхом на лошади. Мужчина держал в руках мягкую фетровую шляпу и нервно теребил пальцами ее поля.

Напротив него, на другом конце мраморного стола, в мягком кожаном кресле элегантно раскинулся другой человек. Даже когда он сидел, видно было, что это человек крупный, а его дорогой костюм из тонкого британского сукна скрывает широкие, сильные плечи.

На этих плечищах изящно сидела великолепная голова с лоснящимися, искусно подстриженными волосами, темные пряди которых, спускаясь на щеки, переходили в холеные бакенбарды. Сильный, гладко выбритый подбородок выдавался вперед, как у человека, привыкшего повелевать; над подбородком расположился широкий решительный рот с прекрасными белыми зубами, которыми сейчас он задумчиво покусывал нижнюю губу. Подперев подбородок кулаком с тщательно отделанными ногтями, он внимательно слушал, слегка хмурясь; на лбу его, над переносицей между темными умными глазами образовались три поперечные морщины в виде птичьей лапы.

– В общем, я подумал, что вам, наверно, это будет интересно, мистер Кортни, – слегка запинаясь, закончил говорящий и переступил с ноги на ногу, приминая ковер пыльными сапогами.

В зале заседаний наступило молчание. Человек беспокойно бросил быстрый взгляд на двух других джентльменов, расположившихся с обеих сторон Дирка Кортни, но потом снова перевел взгляд на сидящего между ними.

Дирк Кортни опустил руку на колени, и лицо его просветлело.

– Думаю, вы все сделали правильно, Хобдей, – сказал он, и улыбка сделала его лицо еще более привлекательным. – Идите в вестибюль и отдохните. Секретарь даст вам чего-нибудь подкрепиться, а потом мы с вами еще поговорим. Никуда не уходите.

– Да, сэр, мистер Кортни, сэр.

Человек живо направился к выходу. Как только за ним закрылась дверь, двое сидящих по обе стороны Дирка Кортни одновременно заговорили, перебивая друг друга:

– В свое время я предупреждал вас, что так оно и выйдет...

– Но вы же говорили, что он убит...

– Мне никогда не нравилась эта мысль...

– Ага, я так и думал, что на этот раз все пойдет слишком далеко...

Они говорили, волнуясь и задыхаясь, а Дирк Кортни сидел с плавающей на губах загадочной полуулыбкой и с пристальным вниманием разглядывал кольцо с бриллиантом на мизинце правой руки, вертя большой драгоценный камень так, чтобы тот поймал свет из окна и отправил мерцающее отражение на высокий потолок над головой своего хозяина.

Минуты через две оба говоруна наконец умолкли, и Дирк Кортни обратил на них вежливый взгляд:

– Ну что, вы закончили? Я вас выслушал и пришел к заключению, что все это в высшей степени умно, конструктивно и впечатляюще. – Он выжидательно посмотрел на одного, потом на другого и, не услышав ответа, продолжил: – К несчастью, вы не обладаете полнотой фактов. К вашему сведению, существует еще кое-какая информация. В город он прибыл утром и отправился прямо в Комиссию по земельным наделам, оттуда в Регистрационное бюро компаний, а потом наведился и к начальнику станции...

Раздался новый взрыв причитаний, а Дирк Кортни выбрал сигару из специальной коробки с увлажнителем и спокойно занялся ею: позолоченным перочинным ножичком аккуратно обрезал кончик, слегка пощупал между губ и, зажав сигару между указательным и большим пальцем, стал дожидаться, когда они снова замолчат.

– Благодарю вас, джентльмены... но, как я и говорил, джентльмен, о котором идет речь, отправился на товарную станцию и стал наводить справки о Грейлинге и его сыне.

На этот раз они не сказали ни слова, только обменялись между собой ошеломленными и недоверчивыми взглядами; молчание продолжалось все время, пока Дирк Кортни зажигал спичку, ждал, когда прогорит сера, и раскуривал сигару.

– Это все была ваша идея, – сказал Рональд Пай.

Он был как минимум лет на тридцать старше Дирка Кортни. Некогда сытое, тучное тело его под дорогой жилеткой теперь обвисло, покрытые поблекшими веснушками и возрастными пигментными пятнышками щеки тоже свисали, как петушиные сережки. Волосы выпвели и поредели; когда-то огненно-рыжие, они лишь кое-где сохранили свой прежний цвет. Но вот уши все так же бодро торчали в стороны, и казалось, что он вечно к чему-то настороженно прислушивается, как пустынная лисица фенек, и глазки его все так же хитро поблескивали, заглядывая в лицо Дирку Кортни.

– Да, – согласился Дирк Кортни. – Большая часть идей, возникающих здесь, действительно принадлежит мне. Именно поэтому с тех самых пор, как я начал одаривать вас своими

идеями, чистая сумма резервов Сельскохозяйственного банка с полутора миллионов фунтов за десять лет увеличилась до пятнадцати миллионов...

Ронни Пай продолжал поедать его глазами, в тысячный раз горько сожалея о том, что десять лет назад вообще поддался искушению и допустил к управлению банком этого юного авантюриста, этого щеголеватого флибустьера.

Видит бог, имелась ведь возможность подумать, проявить осторожность; он достаточно долго колебался, прежде чем принять фантастическое предложение Дирка Кортни. Он слишком много знал об этом парне, знал всю его подноготную, знал, как он жил в Ледибурге и как при весьма сомнительных обстоятельствах ушел из дома, порвав со своим отцом и с семьей.

Потом уже, через несколько лет, Дирк неожиданно, без предупреждения, явился в офис к Рональду Паю и сделал свое роковое предложение.

С первого взгляда было видно, что прежний мальчик превратился в мужчину, причем крутого, чуть ли не отморозка, но предложение выглядело слишком заманчивым, чтобы сразу отказаться, несмотря на то что потом, немедленно после этого разговора, до него стали доходить слухи, тянущиеся за этим парнем, как стервятники за львом. Это должно было насторожить его; тот факт, что Дирк Кортни мог предложить за шестьдесят процентов банковских акций шестьсот тысяч фунтов стерлингов и при этом подкрепить предложение поручительством лондонского Ллойдс-банка, сам по себе являлся достаточным, чтобы наполнить слухи реальным содержанием. «Насколько реально, чтобы честный человек всего за несколько лет мог заработать такую прорву денег?» – задавал он себе вопрос.

Но в конце концов денежки соблазнили Ронни Пая, но не только они, а еще и возможность взять реванш над своим извечным врагом, генералом Шоном Кортни. Перспектива предоставить блудному сынку генерала столь высокое положение в самом средоточии родной земли клана Кортни приводила его в восторг. Словом, чашу весов перевесило злорадство плюс шестьсот тысяч фунтов наличных денег.

А сделка-то эта вышла боком.

– Я с самого начала был против, – говорил он сейчас.

– Мой дорогой Пай, вы против всякой новой идеи – в принципе. А ведь всего неделю назад вы млели от радости, как девственница перед брачной ночью, при виде балансового отчета «Ледибург эстейтс» и «Сахарной компании Зулуленда».

Дирк встал. Рост его производил сильное впечатление. Не выпуская сигары из крепких белых зубов, он обеими руками пригладил волосы, расправил складки широкого галстука и потрогал перламутровую булавку. Затем зашагал к противоположной стенке зала.

Здесь Дирк развернул висящую карту Зулуленда и Северного Наталя, сразу закрывшую половину стены, и отступил от нее. Крупный масштаб карты позволял четко провести границы каждой фермы. Фермы, принадлежащие компании «Ледибург эстейтс», были аккуратно закрашены зеленым цветом. Эти земли простирались от моря до гор – картина огромных земельных владений с их природными богатствами выглядела поистине впечатляющей.

– Вот, джентльмены, перед вами проект, которому вы столь яростно сопротивляетесь, – снова улыбнулся он. – Выходит, он оказался вам не по зубам.

Улыбка его погасла, и Дирк нахмурился. Когда он хмурился, длинные губы его язвительно сжимались, а в лучистых глазах сверкали злобные огоньки.

– Ключик ко всей этой операции находился здесь, на реке Умфолози; это вода, и нам она необходима, иначе все остальное не имеет смысла. И вот один глупый, упрямый, необразованный старый козел...

Дирк резко оборвал свою речь, но через секунду снова улыбнулся; от волнения голос его звучал глухо:

– И это все теперь наше, весь южный берег реки... и это еще не все!

Он вытянул руки с растопыренными пальцами и прижал их к карте, словно когтистые лапы.

– Вот здесь, – продолжал он, – и здесь, и вот это...

Руки его жадно поползли по карте на север. Со смехом он оглянулся на них, вскинув большую красивую голову.

– Вы только поглядите на себя, – рассмеялся он, – у вас коленки дрожат от страха... и все потому, что я делаю вас богатыми!

Теперь раскрыл рот Деннис Петерсен. Ровесник Ронни Пая, он был женат на его сестре, и, если бы не это, его никогда не усадили бы за мраморный стол с украшениями из золоченой бронзы, потому что как личность он ничего собой не представлял. Разодетый в пух и прах, этот толстый коротышка обладал невыразительными, словно смазанными, чертами лица и бесцветными глазками.

– И что же нам теперь делать? – спросил он, сцепив руки на коленях так, что казалось, он в отчаянии заламывает их.

– Нам? – добродушно отозвался Дирк и направился к его креслу. – Ты говоришь «нам», мой дражайший Деннис?

Несмотря на разницу в возрасте, он отечески потрепал Денниса по плечу.

– Вам, – он сделал упор на это местоимение, – не придется ничего делать. Отправляйтесь оба к себе в контору, а как только все кончится, я вам сообщу.

– Послушай, Дирк... – Деннис решительно выпятил подбородок. – Не надо больше этого... насилия, слышишь? – Но, встретившись глазами со взглядом Дирка, он сразу сник. – Прошу тебя, – промямлил он.

Дирк усмехнулся:

– Проваливайте складывать свои циферки... оба проваливайте... считайте свои денежки. И ни о чем не беспокойтесь.

Он помог им встать с кресел, положил руки на плечи и проводил до дверей.

– Деннис, – сказал он на прощание, – завтра в девять у нас заседание, я буду докладывать о новом заводе дубильного экстракта в Стэнгере. Мне понадобятся цифры, позаботьтесь о том, чтобы они у меня были.

Когда Дирк Кортни остался один, лицо его изменилось, глаза сузились. Погасив окурочка сигары в пепельнице из оникса, он направился к двери, ведущей в вестибюль.

– Хобдей, – тихо позвал он. – Подойдите сюда на минутку, прошу вас.

У охотников такое бывает: казалось бы, только что след выглядел отчетливым и свежим – и вдруг потерялся. Подобное с Марком уже случалось однажды, когда они с дедом охотились неподалеку от Чакас-Гейт.

– Все, след пропал, тупик, – пробормотал он вслух.

Марк неуверенно остановился посреди главной улицы Ледибурга. Казалось, найти могилу деда уже невозможно. Найти и доставить его останки домой, перезахоронить рядом с женой Элис в Андерсленде.

Еще одна проблема, хотя и не столь важная, – куда девались деньги, которые дед выручил за Андерсленд? Три тысячи фунтов. В глазах Марка эта сумма представляла собой огромное состояние, и было бы хорошо как-нибудь вывести, что с ними случилось. С такой суммой он мог бы просто купить себе землю где-нибудь в другом месте.

Тут Марк столкнулся с проблемой, о которой до сих пор старался не думать, признавая, что шансов здесь мало и все они очень слабые. Стоило только представить, что для этого нужно сделать, как что-то болезненно сжималось в животе. С большим трудом он взял себя в руки и двинулся к высокому зданию Ледибургского сельскохозяйственного банка. Но не успел к нему подойти, как часы на церковной башне в конце улицы пробили пять, эхо звона прокатилось

по всей долине, и с десятков сотрудников банка группой, весело переговариваясь, вышли из парадного входа, явно довольные, что рабочий день закончился, а страж в униформе принялся закрывать на замки массивные двери красного дерева.

Ощувив тайное облегчение, Марк повернул обратно.

– Завтра приду, – твердо пообещал он себе.

Пансион, располагавшийся за церковью, сулил обед и ночлег за семь шиллингов и шесть пенсов, но Марк всего секунду думал об этом. Соверены из тайника деда стоило побережь, они еще пригодятся.

Добравшись до моста через Бабуинов ручей, он спустился на берег и двинулся вниз по течению, чтобы подыскать местечко, где можно заночевать.

Вскоре нашлось отличное место в четверти мили от моста, с деревьями и сухими ветками для костра, но как только Марк спустился к воде, в нос ударила страшная вонь, он не успел даже коснуться фляжкой потока. Марк присел на корточки у воды. Вдоль берега у самой кромки колыбалась густая мыльная пена, покрывающая и стебли тростника. И тут Марк впервые обратил внимание на цвет тростника: он был весь бурый и, по-видимому, мертвый, а в воде булькали зловещие пузырьки какого-то газа. Он набрал пригоршню воды и понюхал, после чего с отвращением выплеснул обратно и встал, вытирая руки о штаны.

Мимо него, крутясь на водоворотах возле зарослей тростника, по течению медленно проплыла большая желтая рыбина, весом не менее четырех фунтов, с раздутым животом и выпученными мутными, гниющими глазами. Охваченный дурными предчувствиями, Марк с тревогой наблюдал за ней, словно этот отравленный, гниющий остов имел некий особый, значительный смысл в его жизни. Его передернуло, он вскарабкался на берег и закинул на плечо ранец.

Марк направился в обратную сторону, вверх по течению, время от времени останавливаясь и вглядываясь в речное русло, пока не дошел до стальных конструкций новой сахарной фабрики; здесь воды речного потока словно кипели, от них поднимались струйки бледного пара, ключья густого тумана повисли на жестких зарослях бурого тростника. За следующим поворотом он наткнулся на торчащую над противоположным берегом черную сточную трубу диаметром дюймов шесть, из которой непрерывным потоком хлестала горячая, окутанная паром жидкость.

На несколько секунд направление ветра изменилось, и в ноздри Марка пахнуло химической вонью, отвратительной и едкой; он закашлялся и поскорее отвернулся.

А уже в сотне ярдов вверх по течению, между зеленых стеблей грациозно качающегося на ветру тростника журчала чистая вода, и в глубине омута Марк разглядел извивающиеся тела мурен и суетящихся на белоснежном песке под водой маленьких черных и розовых крабов.

На первом подъеме нагорья, у берега образованной водопадом заводи с медленно кружащей водой, Марк нашел подходящее место для ночлега. Над его головой, словно мягкие зеленые опахала, свисали листья растущих между деревьями папоротников; сняв одежду, он вошел в свежую, прохладную воду, и она показалась ему удивительно приятной.

После купания, не одеваясь, он уселся возле заводи на покрытый мхом камень и, достав старенькую бритву, чисто выбрился. Затем вытерся рубашкой, сполоснул ее и повесил сушиться возле разведенного костерка. Поджидая, когда закипит вода в котелке, голый по пояс, он вышел по склону на открытое место и сверху оглядел долину.

Солнце уже коснулось края нагорья, и его косые алые лучи приятно согревали тело. Освещенные ими железные крыши домов блестели, как полированные, и столб дыма, поднимающийся из трубы сахарной фабрики, окрашивался в золотисто-бронзовый цвет. Ветер уже стих, и в этом спокойствии и тишине африканского вечера дым высоко поднимался в вечернее небо.

Вдруг внимание Марка привлекло какое-то движение вдали. Он сощурился, стараясь получше рассмотреть, что там такое.

За чертой города по открытой местности двигалась группа всадников. Даже на таком расстоянии Марк понял, что это охотники. Четверо всадников, сбившись в тесную группу, ехали медленно, не торопясь. Один из них вез у бедра винтовку или дробовик: когда он в седле наклонялся вперед, словно пристально вглядываясь перед собой, взору наблюдателя открывался торчащий в небо ствол. Остальные трое тоже были вооружены; возле коленей виднелись ружья в чехлах, на лицах читалось напряжение, сдерживаемое возбуждение, которое всегда выдает охотника. Впереди группы двигалась одиночная фигура зулуса в старой, с чужого плеча европейской одежде; он вел всадников за собой с особенной осанкой охотника-следопыта: опустив голову и обратив глаза к земле, держа в руке ошкуренный охотничий посох, чтобы раздвигать траву и нащупывать след, он трусил обманчиво быстрой зулусской рысцой.

«Интересно, – лениво подумал Марк, – на кого это они охотятся так близко от города, да еще на берегах погибающей, отравленной речки: они ведь идут по той самой тропе, по которой к возвышенности недавно прошел я сам».

Уже быстро темнело; солнечный свет померк, блестящие железные крыши погасли, и солнце закатилось за гребень нагорья. В последних проблесках света Марк увидел, как передний всадник натянул поводья и выпрямился в седле. Он выглядел приземистым и коренастым, на лошади держался уверенно. Он смотрел в сторону нагорья, прямо туда, где стоял Марк, но потом опустились сумерки, и вся группа превратилась в неясное пятно на фоне темнеющей земли.

Сидя перед костром на корточках, Марк жевал говяжью тушенку и запивал ее кофе из кружки. Его охватила смутная тревога. Он и без того был расстроен событиями прошедшего дня, печальными воспоминаниями о деде, жалким зрелищем умирающей реки, а тут еще эта странная фигура далекого всадника.

Поужинав, он надел куртку, закутался в одеяло и лег поближе к огню, но уснуть никак не мог. Душевное беспокойство не покидало его, напротив, оно, казалось, только росло. Из головы не выходили четыре всадника: на кого они могли охотиться совсем рядом с шумным городом, думал он. Потом представил, что всадники следуют вдоль речного берега его же маршрутом, и беспокойство его усилилось, а сон как рукой сняло.

Вдруг он вспомнил, что его дед никогда не спал рядом с костром.

– Я усвоил это, когда мы гонялись за бурами. Свет в ночной темноте привлекает не только бабочек, но и львов, гиен, а также людей, – говаривал он.

В ушах Марка словно звучал его голос, он как будто слышал эти слова. Марк сразу встал, не снимая одеяла, и двинулся вверх по склону. Ярдах в пятидесяти ему удалось отыскать наполненную сухими листьями ложбинку.

Наконец он задремал; мягкий полог сна легко опустился ему на веки, как вдруг совсем близко в деревьях крикнула совка, и он мгновенно проснулся. Ему хорошо знаком был этот ночной звук, но на этот раз он звучал несколько странно. Подражание было искусным, но не могло обмануть его чуткое ухо, сроднившееся со звуками дикой природы.

Напряженно вслушиваясь, Марк медленно поднял голову и стал пристально всматриваться в темноту. Внизу виднелось красное пятно непрогоревших угольев его костерка, над которым просматривались темные расплывчатые очертания деревьев на фоне хрупкого, усеянного белыми звездами неба.

Снова крикнула совка, уже ниже, возле заводи, и в то же мгновение Марк услышал, как в темноте совсем рядом, шурша сухими листьями, крадется кто-то большой и тяжелый. Потом снова наступила тишина.

Марк изо всех сил напрягал зрение и слух, всматриваясь и вслушиваясь в темноту, но под деревьями она оставалась непроницаемой.

Далеко внизу, в долине, три раза свистнул паровоз – в тишине этот звук прозвучал отчетливо и ясно. Потом послышалось тяжелое сопение – это поезд, пыхтя паровой машиной и стуча колесами по стыкам, выехал из товарной станции.

Марк пытался не замечать этих гудков и лязга, не обращать на них внимания; ему требовалось разобрать тихие ночные звуки, встревожившие его.

Кто-то спускался по склону; послышался тихий, вкрадчивый шепот, а потом Марк увидел на фоне полупогасшего костра движущиеся тени. Из темноты выступили обутые в сапоги мужские ноги и, остановившись возле светящихся угольев, замерли.

А поближе к Марку еще кто-то двигался, нетерпеливо шуршал, ступая по сухим листьям... Вдруг явственно раздался металлический щелчок, словно кто-то повернул рычажок предохранителя на винтовке, переводя его в положение для стрельбы. Звук прошел Марку по нервам, словно электрический разряд, и у него перехватило дыхание. Щелчок прозвучал совсем близко, футах в шести, и теперь юноше показалось, что на фоне звездного неба он различает неясные очертания человека. Тот стоял у самой ложбинки, где вытянулся Марк, почти над его головой, и пристально всматривался в горящие угли на стоянке.

Человек возле костра заговорил тихо, но голос его слышался отчетливо:

– Удрал, сволочь, нет нигде.

Он наступил на кучу сухих веток, которые Марк натаскал для костра. Взял одну и бросил на угли – в воздух горящими спиралями поднялся столб искр, а ветка вспыхнула, отбрасывая круг желтого света.

– А ранец-то все еще здесь! – резко воскликнул он и, всматриваясь в темноту, настороженно поднял дробовик. – Не забывай: за него обещана сотня фунтов.

Эти слова и поза его с ружьем окончательно развеяли всякие сомнения насчет его намерений. Марка бросило в жар, он сжался, как тугая пружина, и весь дрожал, сдерживая энергию, готовый в любой момент броситься на врага.

Человек, стоящий рядом, снова пошевелился, и Марк услышал приглушенный стук металла о металл, хриплое, напряженное дыхание... и вдруг юноша оторопел: темноту прорезал яркий луч света. Он пошарил вокруг и замер, упершись в закутанного одеялом Марка.

Позади слепящего света лампы Марк сразу увидел фигуру человека. В правой руке, на уровне собственной головы, он держал лампу, а в левой – свисающую с плеча на ремне винтовку.

Человек оказался совершенно не готов увидеть Марка прямо у себя под ногами.

– Он здесь! – дико заорал он. – Здесь, черт побери!

Человек попытался поднять на Марка винтовку, но фонарь в правой руке мешал ему.

– Стреляй! Стреляй, зараза! – заорал другой, странно знакомый голос.

Человек, стоящий над Марком, уронил лампу и собрался вскинуть винтовку, но не успел: Марк бросился на него как тигр.

Воспользовавшись инерцией поднимающейся винтовки, он схватил одной рукой за ствол, другой – за ложе и, вложив весь свой вес и силу, нанес противнику сокрушительный удар стальным затвором прямо в лицо. Послышался треск ломаемой кости – удар оказался такой мощной, что у Марка чуть суставы не выскочили из плеч.

Противник повалился на спину с криком, заглушаемым бульканьем хлынувшей из разбитых носа и рта крови. Марк перепрыгнул через него и бросился бежать по склону.

За спиной его слышались крики и вопли, потом прогремел дуплет из дробовика с двойной вспышкой. Тяжелые заряды хлестнули по листьям совсем близко, и что-то обожгло предплечье, словно укус дикой пчелы.

– Свет! Где фонарь?

– Вон он, держи его, не дай ему удрать!

Три раза подряд ударила винтовка – по звуку, похоже, «ли-энфилд». Одна пуля врезалась в скалу и с визгом улетела куда-то в небо, другая шмякнулась в ствол дерева совсем рядом.

В темноте Марк остуился на бегу и, подвернув лодыжку, тяжело грохнулся на землю; острая боль пронзила всю ногу до самого паха и живота. Он перевернулся и встал на колени; луч фонаря мазнул по нему и скользнул мимо, но тут же вернулся, осветив его фигуру.

– Попался!

Снова поднялась пальба, сопровождаемая торжествующими криками. Вокруг свистели пули, и одна пролетела так близко, что свист почти оглушил Марка; он снова бросился вверх по склону.

Острая боль в стопе заставила Марка вскрикнуть. Словно раскаленный добела стальной прут вонзился ему в лодыжку, и боль сверкающей, фосфоресцирующей волной докатилась до самого черепа, но он заставил себя двигаться дальше, мокрый от пота, виляя на бегу, всхлипывая и припадая на поврежденную ногу.

Преследователи рассыпались в зарослях у него за спиной и, похоже, быстро устали: они привыкли передвигаться только верхом. Крики их становились все более приглушенными и тревожными, слышно было, что они тяжело дышат, что они уже боятся упустить свою жертву.

Несмотря на страшную боль, пронзающую Марка с каждым шагом, мозг юноши продолжал работать. Не лучше ли будет упасть, затаиться где-нибудь в густых зарослях и дожидаться, пока они пройдут мимо? Нет, охотники слишком близко, вдобавок с ними опытный следопыт, ведь именно он в темноте безошибочно привел их к его стоянке. Лечь сейчас означает сдаться, это равносильно самоубийству; но с другой стороны, долго ему не продержаться. Терпеть эту страшную боль уже не оставалось сил, в голове шумело, в глазах потемнело.

Марк упал на колени, и его стало рвать; он давился и задышался от рвоты, а она все не прекращалась. И уже через несколько секунд голоса преследователей зазвучали ближе и настойчивее. Кое-как он поднялся на ноги, и его сразу же поймал луч фонаря; винтовочная пуля, разрывая воздух, просвистела мимо головы. Марк споткнулся, шарахнулся вперед и спрятался от фонаря за кустом. И вдруг почувствовал, что земля под ногами круто пошла вверх.

Он снова споткнулся, но, продолжая двигаться, удержался на ногах и ступил на край, где почва шла горизонтально, а под ногами скрипел гравий. Спотыкаясь, он сделал еще три шага, и тут ноги словно выбило из-под него – он тяжело рухнул и почувствовал под руками холодную сталь.

Тяжело дыша и ничего не видя перед собой, несколько долгих секунд он лежал и слушал, как снизу, словно гончие псы, к нему приближаются охотники. Эти звуки заставили его встрепетаться. Марк протянул руки, пытаясь нащупать что-нибудь, за что можно ухватиться, чтобы снова встать на ноги.

Руки его наткнулись на гладкую сталь, о которую он и споткнулся; она дрожала, словно живая. Тут до него дошло, что он взобрался на железнодорожную насыпь и упал прямо на рельсы.

Подтянувшись, Марк встал на колени и в эту минуту услышал во мраке ночи быстро приближающееся пыхтение. Вдруг весь склон нагорья осветился лучом прожектора, стало светло как днем, и локомотив, который совсем недавно выезжал из товарной станции в долине, с грохотом выскочил из вырубленного в горе прохода, опоясывающего самую крутую часть нагорья, перед тем как пересечь глубокое ущелье, по которому протекала река.

Длинный белый луч прожектора ударил в Марка, словно твердый предмет; он вскинул руку, защищая глаза, и скатился с железнодорожного полотна, присев на корточки с противоположной от преследователей стороны.

В свете прожектора Марк увидел проворно бегущую приземистую фигуру. Она нырнула по ту сторону рельсов прямо под носом ревущего, сотрясающегося локомотива. Яркий свет

помешал разглядеть его лицо, но в том, как он двигался и сутулил плечи, Марку показалось что-то знакомое.

Машина с грохотом надвинулась на Марка и поравнялась с ним, струя пара ошпарила его своим горячим дыханием. Локомотив проехал мимо, и теперь над Марком громыхали темные тени товарных вагонов.

Он выпрямился, стараясь опираться на здоровую ногу, вытер пот, заливающий глаза, и поднял голову, стараясь улучшить удобный момент.

Когда он представился, Марк едва не упустил его; поручень чуть не вырвался из скользких от пота пальцев, хотя на подъеме поезд значительно снизил скорость.

Марк повис на одной руке, мышцы плеча напряглись, и боль прострелила всю руку; ноги, оторвавшись от земли, болтались в воздухе. Он отчаянно пытался схватиться за поручень другой рукой.

Ему это удалось. Теперь он висел, прижавшись к стенке вагона; ноги все еще свободно болтались, но он пытался поймать ими подножку. В это мгновение в его поврежденную ногу, словно стальными клещами, вцепились чьи-то руки, и вес чужого тяжелого тела потянул его вниз, пытаясь оторвать от вагона.

От невыносимой боли Марк пронзительно закричал, и ему понадобились вся сила и стойкость, чтобы не выпустить поручень.

Тело его раскачивалось как маятник; вцепившийся в него человек оторвался от земли, но потом ноги его снова коснулись насыпи, он побежал и заскользил, как на лыжах, по сыпучему гравию.

Марк обернулся, увидел белеющее в темноте лицо и попытался пнуть в него свободной ногой, но не попал. Вдруг тональность грохота локомотива изменилась: он въехал на стальные конструкции моста, перекинутого над глубоким ущельем, по которому протекала река.

Из несущегося мимо них темного коридора одна за другой выскакивали вертикальные стойки моста; Марк слышал, как с шипением пролетают рядом с его головой клепанные стальные балки. И тут вдруг пальцы, вцепившиеся в его ногу, ослабли и оторвались. Марк держался за поручень уже из последних сил, а поезд тем временем прогрохотал по мосту и, пытаясь, полез вверх по склону, пока наконец не заполз на самый верх нагорья. На горизонтальном участке он резко прибавил скорость. Цепляясь за поручень и прилагая отчаянные усилия, Марк дюйм за дюймом поднимался все выше и наконец перевалился на площадку открытого вагона. Там он заполз на самый верх штабелей из мешков с сахаром и лег лицом вниз, всхлипывая при каждом вдохе от страшной боли в ноге, сотрясающей весь его организм, словно штормовая волна.

Но пролежал он так недолго: пронизывающий холод заставил его подняться. Пропитанная потом курточка на ночном ветру стала холодной как лед, и Марк, преодолевая боль, пополз вперед, чтобы укрыться под защитой железной стенки вагона. Он проверил карманы и с облегчением убедился: и кошелек, и записная книжка на месте.

Вдруг до него дошло, что он здесь не один, и его снова охватил страх.

– Кто там? – прохрипел Марк, быстро принимая боевую стойку.

– Я не причиню тебе никакого вреда, нкози, – на зулусском ответил ему тихий голос.

Марк с облегчением вздохнул. Возле стенки вагона с подветренной стороны на корточках сидел черный мужчина, явно так же напуганный появлением Марка, как и он сам присутствием постороннего.

– Я не желаю тебе зла, господин. Я человек бедный, у меня нет денег, чтобы заплатить за проезд. У меня заболел отец, он умирает в Текуэни, это неподалеку от Дурбана.

– Мир тебе, – прохрипел Марк на том же языке. – Я тоже человек бедный.

Он подполз поближе к зулусу, прячась от ветра, но движения снова побеспокоили поврежденную лодыжку, и он застонал от боли.

– Хау! – черный человек пристально посмотрел на Марка, и глаза его блеснули в звездном свете. – Ты ранен.

– Нога, – промычал Марк, пытаясь пристроить ее поудобнее.

Зулус нагнулся, и Марк почувствовал, как его пальцы осторожно коснулись больного места.

– У тебя нет обуви? – удивленно спросил зулус, увидев израненную, окровавленную ступню Марка.

– За мной гнались бандиты.

– Ха, – кивнул зулус, и тут только Марк при свете звезд заметил, что это совсем еще молодой человек. – Нога нехорошая. Не думаю, что сломана кость, но нехорошая.

Он развязал лежащий рядом с ним узелок и достал какую-то тряпку – по-видимому, одежду. И принялся неторопливо рвать ее на полоски.

– Нет-нет, – запротестовал Марк. – Зачем ты рвешь полезную вещь?

Он знал, как зулусы дорожат европейской одеждой, даже истрепанной или изношенной.

– Это старая рубаха, – просто сказал зулус.

Он принялся умело накладывать на распухшую лодыжку повязку. Когда закончил, боль немного утихла.

– *Нги йа боне* — благодарю тебя, – сказал Марк.

И тут его охватила волна сильной дрожи – лишь теперь он в полной мере ощутил, какое страшное потрясение только что испытал; тошнота подступила к горлу, и он снова затрясся, как листок на ветру.

Зулус стащил с себя шерстяное одеяло и накинул на плечи Марка.

– Нет, я не могу взять твое одеяло, – сопротивлялся Марк. – Я не могу...

От одеяла несло дымом костра из сухих коровьих лепешек и острым запахом самого зулуса – простым, как земля Африки.

– Тебе надо, – твердо сказал зулус. – Ты болен.

– Ну хорошо, – пробормотал Марк, чувствуя, что его снова трясет. – Но смотри, одеяло большое, и на двоих хватит...

– Не хватит.

– Иди сюда, – твердо сказал Марк.

Зулус секунду колебался, потом подвинулся ближе и накинул на себя край одеяла.

Вот так, прижавшись друг к другу, плечом к плечу, они просидели всю ночь; от усталости и изматывающей боли Марк впал в полубессознательное состояние – боль в распухшей лодыжке продолжала пульсировать, словно удары барабана. Зулус рядом с ним молчал, и Марк думал, что он уснул, но, когда после двухчасовой быстрой езды через плато поезд замедлил ход, он пошевелился.

– Здесь остановка, разъезд Сакабула. Он будет стоять, пока не пропустит встречный поезд.

Марк вспомнил об этом пустынном разъезде с двумя колеями. Ни одного строения, лишь один указатель с названием. Он снова почти погрузился в полудрему, но что-то его беспокоило, странное чувство опасности, которое у него проявилось и было доведено до совершенства во Франции.

Он сбросил одеяло и, приподнявшись на колени, стал пристально всматриваться вперед. Железнодорожная колея, плавно изгибаясь, образовывала боковой путь; серебристые рельсы блестели, освещенные фонарями локомотива.

Далеко впереди торчал указатель остановки, абсолютно белый в луче прожектора. Но там было еще кое-что. Рядом с рельсами возле столба стоял тяжелый грузовик с горящими фарами. В желтом пятне света Марк разглядел темные силуэты чего-то ждущих людей. Холодные пальцы тревоги сжали ему сердце.

Грузовик из Ледибурга не мог примчаться сюда раньше, чем поезд, но ведь уже существовал телеграф, доставляющий послания почти мгновенно...

– Мне надо уходить, – быстро проговорил Марк.

Негнушными пальцами он подцепил в поясном кошельке кошелечек и быстро положил его в ладонь зулуса.

– Нет никакой необходимости... – начал было зулус.

Но Марк бесцеремонно оборвал его:

– Оставайся с миром.

Марк подполз к задней стенке вагона, которая находилась подальше от ждущих людей, спустился по железной лесенке и повис как раз над колеей.

Он подождал, когда локомотив со скрежетом и скрипом замедлил ход и с шипением выпустил облако пара, потом сжал зубы и прыгнул вниз, стараясь большую часть веса перенести на здоровую ногу.

Коснувшись ногами земли, он повалился вперед; нагнув голову, перекатился через спину и, подтянув коленки к груди, как резиновый мячик, покатился по склону вниз.

Скрывшись в сухой бледной траве, растущей вдоль железнодорожной линии, Марк, работая локтями, пополз к низким зарослям колючего кустарника ярдах в пятидесяти от железной дороги. Не торопясь забрался под усеянные шипами низкие ветки и лег лицом вниз, сжимая зубы, чтобы не закричать от тупо пульсирующей боли в лодыжке.

Поезд остановился товарным вагоном прямо напротив места, где прятался Марк. Охранник спустился, освещая путь фонарем, а от головы поезда плотной группой к нему уже спешили люди с фонарями в руках, внимательно исследуя каждый дюйм железнодорожного пути и открытые вагоны.

Все они оказались вооружены. Объясняясь с машинистом и кочегаром, высунувшимися из кабины паровоза, они разговаривали громко.

– В чем дело? – спросил машинист.

– У вас в поезде скрывается беглый преступник!

– А вы кто такие?

– Дружинники, помогаем полиции.

– А кто сбежал-то?

– Грабитель... банк ограбил.

– Убил в Ледибурге четырех человек.

– Запрыгнул к вам в поезд на выезде из города, на подъеме.

– Не искушайте судьбу, ребята, ведь этот подонок – убийца...

Громко разговаривая и подбадривая друг друга, они быстро пошли вдоль поезда, и только теперь Марк вспомнил про зулуса. Следовало его предупредить. Но он был слишком озабочен опасностью, которая, как казалось, угрожала только ему. Марк хотел крикнуть зулусу, чтобы тот бежал, но не мог заставить себя это сделать. С ним ничего страшного не будет, успокаивал себя юноша, они увидят, что это черный, и не станут стрелять – может, только слегка побьют и прогонят...

Зулус выскочил из щели между двумя вагонами – он успел выбраться на сцепку. Его темная убегающая фигурка мелькнула в свете фонарей, и кто-то предостерегающе крикнул. И сразу же раздался выстрел.

В луче фонаря Марк видел пыль, поднятую летящей пулей; зулус вильнул в сторону и бросился прямо в открытое, заросшее травой пространство. Еще несколько выстрелов разорвали ночь – вспышки вылетали из стволов, как мгновенно распускающиеся красные цветы, – но зулус продолжал бежать.

Один из этих людей упал на колени, и в свете фонарей Марк увидел его белое, охваченное азартом лицо. Тщательно прицелившись, тот выстрелил, и ствол винтовки резко подпрыгнул.

Зулус рухнул в траву, даже не вскрикнув, и все они радостной стаей подбежали к нему и сгрудились вокруг тела.

– О черт, это же черномазый, – сказал кто-то.

За этим последовала беспорядочная и раздраженная дискуссия, которая продолжалась минут пять; потом четверо, подхватив зулуса за руки и за ноги, отнесли его к грузовику.

Голова мертвого откинулась назад чуть ли не до земли, и из широко раскрывшегося рта сочилась черная как смола кровь; голова болталась в такт спотыкающимся шагам несущих его людей. Подойдя к грузовику, они закинули тело в кузов.

С лязгом и грохотом подъехал поезд, идущий на север, пронзительно просвистел и тронулся дальше, в сторону Ледибурга.

Люди залезли в грузовик, заворчал мотор, и машина уехала, подпрыгивая на ухабах дороги и шаря по небу и по земле лучами фар.

Стоящий поезд горестно свистнул и, тронувшись с места, медленно загромыхал по рельсам. Марк осторожно выполз из своего убежища; спотыкаясь, заковылял следом и успел догнать поезд, пока тот не набрал скорость.

Он заполз на мешки с сахаром и, пробравшись к стенке с подветренной стороны, обнаружил, что зулус оставил свое одеяло. Ощущая, как его захлестывает вина за смерть человека, который стал ему другом, он закутал в одеяло свое замерзшее тело, а затем чувство вины превратилось в злость.

Поезд мчался на юг, и всю ночь мучительно горькая, жгучая злость поддерживала его, помогала терпеть боль.

Фордсбург – убогий и грязный пригород Йоханнесбурга, лежащего в трехстах милях от покрытых золотистой травой холмов Зулуленда и прекрасной лесистой долины Ледибурга. Он застроен жалкими хижинами, крохотными домишками рабочих, сляпанными из листов оцинкованного железа, которое прибито к деревянным каркасам; возле каждого такого домика непременно разбит чахлый садик. В некоторых садиках можно даже увидеть великолепные, яркие цветы: здесь вызывающе цветут трансваальские ромашки, канны, огненно-красные пуансеттии, но в большинстве на голой, углистой, глинистой почве кое-где растут лишь худосочные кустики, что говорит о полном равнодушии к ним хозяев.

Над узенькими улочками с теснящимися хижинами величественно возвышаются шахтные отвалы, горы ядовитой желтой земли с плоскими вершинами, из которой добывают золото. Добыча золота выщелачиванием цианидами гарантирует, что земля в отвалах стерильна и безнадежно бесплодна. На такой земле не растет ничего, и в ветреные дни желтая пыль и мелкий песок немилосердно хлещут раболопно жмущиеся к земле домишки.

Отвалы гордо возвышаются над всей окружающей местностью, как памятники муравьиной суеде человека, символ его вечной жадности к золоту. Надшахтные копры с их паутинообразными стальными конструкциями вонзаются в бледно-синее безоблачное зимнее небо вельда – высокогорной африканской степи. Огромные стальные колеса на их вершинах непрерывно вращаются то в одну, то в другую сторону, опуская глубоко в недра земли клетки, наполненные людьми, и поднимая на поверхность бункеры, нагруженные богатой золотом породой.

Марк медленно брел вдоль одной из таких узеньких, пыльных улочек. Он все еще немного прихрамывал. В руке он нес дешевый картонный чемоданчик, куда сложил немногие пожитки, купленные им взамен утерянных на далеком нагорье.

Оделся он теперь гораздо приличнее, чем прежде: выданный при демобилизации мешковатый костюм сменили тщательно отутюженные фланелевые брюки и прекрасный синий пиджак, подчеркивающий широкие плечи и тонкую талию; под пиджаком виднелась белая рубашка с открытым воротом, оттеняющим гладкую смуглую кожу шеи и лица.

Марк подошел к дому с цифрой «55» на калитке – лишь номер отличал его от остальных домов на улице. Открыв калитку, юноша прошел по коротенькой, выложенной плитami дорожке, кожей ощущая, что из-за тюлевой занавески передней комнаты за ним наблюдают любопытные глаза.

Марк постучал в дверь, но открыли ему не сразу, а лишь через несколько минут. Он удивленно заморгал, увидев перед собой женщину.

Она, судя по всему, только что причесала коротенькие черные волосы, а вместо неказистого повседневного платья явно второпях надела другое, получше. Не успев закрепить пояс на тоненькой талии, она застегивала его сейчас. Голубенькое платьице в крупный желтый цветочек очень молодило ее, хотя Марк сразу заметил, что она старше его лет на десять, если не больше.

– Да? – спросила она, смягчая отрывистый вопрос улыбкой.

– Здесь проживает Фергюс Макдональд? – спросил Марк.

Теперь он увидел, что она довольно миловидная – не сказать чтобы хорошенькая, но вполне привлекательная, с выразительными чертами лица и темными, умными глазами.

– Да, это дом мистера Макдональда, – ответила она; в голосе ее звучала иностранная интонация, что вызывало любопытство. – Я его жена, миссис Макдональд.

– Правда? – удивленно произнес он, застигнутый несколько врасплох. Он знал, что Фергюс женат, тот часто говорил с ним об этом, но Марк никогда особенно не задумывался о его жене, не представлял ее живой женщиной во плоти и крови, а тем более такой. – Я старый друг Фергюса, мы вместе служили в армии.

– Ах вот оно что... – неуверенно проговорила она.

– Меня зовут Марк, Марк Андерс.

Лицо ее сразу изменилось, на губах расцвела широкая улыбка, осветив ее миленькое личико. Она даже ахнула от удовольствия.

– Ах, Марк! Ну да, конечно, Марк, – защелкала она и, стремительно схватив его за руку, потащила через порог. – Он так часто рассказывал о вас... мне кажется, я знаю вас всю жизнь. Словно вы член нашей семьи – как брат, например. – Стоя совсем близко, она продолжала держать его за руку и смеялась. – Входите, входите же, Марк. А меня зовут Хелена.

На довольно запущенной кухне во главе стола из сосновых досок сидел Фергюс Макдональд. Вместо скатерти стол был накрыт газетной бумагой; Фергюс сгорбился над тарелкой и мрачно слушал рассказ Марка о его побеге из Ледибурга.

– Вот сволочи, Марк, это же настоящие бандиты. Они и есть враги. Новые враги...

Говорил он с набитым ртом, пережевывая картошку с изрядно сдобренной пряностями толстой сосиской.

– Мы снова на войне, парень, только на этот раз наш противник будет похлеще чертовых фрицев.

– Еще пивка, Марк? – Хелена наклонилась и подлила ему в стакан из большой темной бутылки.

– Спасибо, – поблагодарил Марк.

Наблюдая, как поднимается пена в стакане, он размышлял над словами Фергюса.

– Я ничего не понимаю, Фергюс, – признался он. – Я не знаю, кто эти люди, не знаю, зачем они пытались меня убить.

– Хозяева жизни, парень. Вот с кем мы сейчас воюем. Богачи, владельцы приисков и шахт, банкиры – все, кто угнетает рабочего человека.

Марк сделал большой глоток, и Хелена улыбнулась ему через стол:

– Фергюс прав, Марк. Их надо уничтожать.

И она стала говорить.

Странные вещи говорила эта женщина с фанатическим блеском в темных глазах; услышанное сбивало Марка с толку. Слова ее, которые она произносила чистым, отчетливым голосом с мелодичным акцентом, обладали неотразимой, убедительной силой. Марк с интересом наблюдал за ее руками: жесты усиливали каждую мысль. Руки у нее были опрятные, сильные, с изящными, тонкими пальцами и коротко подстриженными, чистыми ногтями. Правда, на большом и указательном пальцах ногти почему-то имели желтоватый цвет. Странно, подумал Марк... как вдруг Хелена протянула руку и взяла сигарету из пачки, лежащей у локтя Фергюса.

Продолжая говорить, она прикурила от спички, зажатой в сложенных ладонях, и глубоко затянулась, прежде чем шумно выпустить дым сквозь сжатые губы. Марк в первый раз в жизни видел курящую женщину и с удивлением уставился на нее. Она яростно покачала головой:

– Вся история народных восстаний писана кровью. Вспомните Францию, посмотрите, как полыхает революция в России.

Короткие пряди темных волос заплясали на фоне гладких бледных щек, она поджала губы и сделала еще одну затяжку, и, странное дело, это столь неженственное движение взбудоражило Марка.

В паху у него что-то сжалось, плоть ни с того ни с сего вздулась и отвердела, словно жила сама по себе, не подчиняясь его воле. Это его потрясло, от смущения перехватило дыхание, он откинулся на спинку стула и сунул руку в брючный карман, уверенный, что они заметили его постыдную реакцию. Но Хелена протянула через стол руку и на удивление крепкими пальцами схватила его за другое запястье.

– Мы знаем своего врага, Марк; мы знаем, что и как надо делать, – сказала она.

Пальцы ее жгли ему руку, как раскаленное железо, у него даже голова закружилась. Он взял себя в руки и усилием воли заставил себя ответить.

– Но у них сила, Хелена, за ними власть... – хрипло проговорил он.

– Нет-нет, это у рабочих сила, а наши враги слабы и слишком самоуверенны. Они ничего не подозревают, эти свиньи барахтаются в грязной луже уверенности в собственной безнаказанности под защитой своих золотых соколов, но на самом деле их мало и к драке они не готовы. Они не знают о том, что слабы, как и рабочие, которые еще не понимают собственной силы. А мы преподадим им урок.

– Ты, как всегда, права, радость моя.

Фергюс вытер остатки подливки корочкой хлебца и сунул корочку в рот.

– Ты ее слушай, Марк, она знает, что говорит. Мы строим новый мир, великолепный, прекрасный новый мир.

Он громко отрыгнул, отодвинул тарелку и поставил оба локтя на стол.

– Но сначала надо сломать и уничтожить это прогнившее, несправедливое и порочное общество. Нам предстоит трудная битва, и нам понадобятся добрые, крепкие бойцы. – Он громко засмеялся и хлопнул Марка по плечу. – Макдональд и Андерс еще пригодятся, это я тебе говорю.

– Нам нечего терять, Марк, – сказала Хелена; щеки ее пылали. – Кроме своих цепей. А приобретем мы весь мир. Это сказал Карл Маркс, и это величайшая истина в истории человечества.

– Хелена, а вы, случайно... – Марк заколебался, стоит ли употреблять это слово. – Вы с Фергюсом... как бы это сказать... вы, случайно, не большевики?

– Да, так зовут нас хозяева жизни, их подпевалы и полиция, – презрительно засмеялась она. – Они пытаются сделать из нас преступников, они уже боятся нас. И не без причины, Марк, мы дадим им такой повод.

– Ну нет, парень, не называй нас большевиками. Мы – члены коммунистической партии, преданные идее всемирного коммунизма. Я секретарь местного отделения партии и член профсоюзного комитета шахтеров котлоремонтного цеха.

– Вы читали Карла Маркса? – задала вопрос Хелена.

– Нет, – покачал Марк головой.

Его ошеломило, потрясло услышанное, а к этому прибавилось до боли острое эротическое возбуждение, вызванное ею. Фергюс – большевик? Но ведь большевики – чудовища, бомбисты. Нет, тут что-то не так. Фергюс – его старый и надежный товарищ.

– Я дам вам почитать.

– Погоди, любовь моя, – усмехнулся Фергюс, покачав головой. – Не надо так торопиться. Посмотри на него, он совсем обалдел от наших речей.

Он нежно положил руку Марку на плечи и придвинул его к себе:

– У тебя есть где остановиться? Работа есть? Есть где голову приклонить?

– Нет, – ответил Марк и покраснел. – Ничего этого нет.

– Уже есть! – быстро встала Хелена. – Я поставила кровать в другой комнате – ты остаешься у нас, Марк.

– Но как, не могу же я...

– Все, вопрос закрыт, – просто сказала она.

– В общем, остаешься у нас, парень, – подытожил Фергюс и сжал ему плечо. – А завтра посмотрим, что тебе подыскать насчет работы... ты у нас парень начитанный. Читать-писать умеешь, считать тоже, тебя устроить будет легко. Я знаю, в отделе зарплаты нужен грамотный человек. И главный кассир там свой, член нашей партии.

– Я заплачу вам за жилье, – сказал Марк.

– Конечно заплатишь, – снова усмехнулся Фергюс и до краев наполнил свой стакан пивом. – Как здорово все-таки снова встретиться с тобой, сынок! – он поднял свой стакан. – Передайте всем: Макдональд и Андерс снова вместе, пусть знают эти ублюдки, что мы идем!

Он припал к стакану и большими глотками принялся поглощать пиво, острый кадык на горле так и ходил вверх и вниз. Выпив до дна, тыльной стороной ладони вытер с верхней губы пену.

Полковой капеллан называл это «грех Онана», но у нижних чинов на этот счет имелись другие словечки: «дрючить бревно» или «навестить миссис Хэнд с ее пятью дочерьми». Капеллан предостерегал их от страшных последствий этого греха: грешнику грозили потеря зрения, облысение, трясущиеся или вовсе парализованные руки и, наконец, сумасшедший дом. Марк лежал в крохотной комнатке на узенькой железной кровати и невидящим взглядом смотрел на полинявшие обои с розочками. Здесь стоял затхлый воздух, пахло плесенью, как и в любом давно не открывавшемся помещении; у дальней стенки на железной стойке висел умывальник с эмалированной раковиной. С потолка на плетеном проводе свисала единственная электрическая лампочка без абажура, и белая штукатурка вокруг нее была засижена мухами. Даже сейчас три вялые мухи оцепенело сидели на проводе. Марк стал смотреть на них, пытаясь избавиться от изводящего искушения.

В коридоре слышались легкие шаги и замерли как раз напротив его двери. Слышался тихий стук.

– Марк...

Он быстро сел на кровати, и единственное тоненькое одеяло сползло до пояса.

– Можно войти? – снова раздался голос.

– Да, – прохрипел он, и дверь отворилась.

К кровати подошла Хелена. На ней была легкая, спереди застегнутая на пуговицы ночная рубашка из розовой лоснящейся материи. При каждом шаге подол откидывался, и в щели мелькала белая и гладкая кожа ног выше колена.

В руке Хелена держала тоненькую книжицу.

– Я обещала дать тебе почитать, – сказала она, протягивая книгу. – Держи, Марк.

На обложке стояло название: «Коммунистический манифест». Марк открыл книжку на первой попавшейся странице. И склонил голову к тексту, чтобы скрыть смущение, в которое повергло его столь близкое присутствие женщины.

– Спасибо, Хелена, – промямлил он.

Марку хотелось, чтобы она поскорее ушла, и в то же самое время он надеялся, что она останется. Хелена слегка наклонилась к нему, как бы заглядывая в книгу, и лиф ее рубашки немного приоткрылся – всего-то на дюйм. Марк поднял голову и в вырезе ночной рубашки с окантовывающей его тесемкой увидел начало белоснежной, с невероятно шелковистым отливом груди. Он быстро опустил глаза; молчание длилось до тех пор, пока Марк не выдержал и снова не посмотрел на нее.

– Хелена... – начал он и опять замолчал.

По ее освещенным резким электрическим светом влажным, слегка раскрытым губам пробежала легкая, загадочная, невыносимо женственная улыбка. Темные полуприкрытые глаза снова сияли неистовым, фанатическим светом, от частого бесшумного дыхания вздымалась и опадала грудь под розовым сатином рубахи.

Кровь бросилась Марку в лицо, загорелые щеки его еще больше потемнели; он резко повернулся на бок и подтянул коленки к груди.

Продолжая улыбаться, Хелена медленно выпрямилась.

– Доброй ночи, Марк, – сказала она, коснувшись его плеча.

От кончиков ее пальцев по его телу опять пробежал огонь, но она уже повернулась и не торопясь направилась к двери. Гладкий материал ночной рубашки тихо скользил по ее округлым ягодицам.

– Свет я не буду выключать, – сказала она, оглянувшись; улыбка ее говорила, что она все поняла. – Вдруг тебе захочется почитать.

Отдел заработной платы компании «Краун дип майнс лимитед» представлял собой длинную, простенько обставленную комнату, где за высокими столами, поставленными вдоль одной из стенок, трудились еще пять клерков. Это были мужчины весьма пожилого возраста, причем двое чахоточных; чахотка – ужасный недуг шахтеров, в легких которых оседает, постепенно накапливаясь, каменная пыль, пока сами легкие не превратятся в камень, а человек – в инвалида. Для них работа в конторах шахты – своего рода пенсия. Остальные трое – седые, унылые старики, сторбившиеся от вечного сидения над бумагами. Атмосфера здесь царила тихая и безрадостная, как в монастырской келье.

Марку выдали пачку папок с личными делами работников с фамилиями на буквы от R до Z; работа оказалась скучной и монотонной, и вскоре он уже почти автоматически подсчитывал плату за сверхурочную работу, за отпуск, удержания за квартиру и профсоюзные взносы, а потом подводил итог. Словом, не работа, а нудная каторга – не такая нужна молодому, полному сил человеку с ясным умом; к тому же так называемый офис казался ему настоящей клеткой. Его душа изнывала в этой тесноте. После того как он побывал на полях сражений во Франции и познал чувство, когда, казалось, рушится весь мир вокруг, душе его теперь требовалось бескрайнее небо и просторы африканского вельда.

По выходным он бежал подальше от своей клетки: садился на старенький велосипед и уезжал на несколько миль в открытые африканские степи. Там он колесил по пыльным тропинкам, что бежали у подножий скалистых холмов, заросших царственными канделябрами гигантских алоэ: их яркие алые соцветия пылали на фоне чистого синего неба горного вельда. Он искал уединения на лоне девственной природы, в потаенных ее местах, где, казалось, не встретишь людей... Но увы, всегда и везде наткнулся на ограждения из колючей проволоки, ограничивающие пространство его прогулок; прежние тучные пастбища лежали распаханными, и

бледные пыльные смерчи носились и плясали над красной землей, с которой уже убран урожай, и оставалась только редкая сухая стерня кукурузных стеблей.

Огромные стада дичи, некогда бродившие по открытым до горизонта лугам и пастбищам, давно отсюда ушли, и теперь вместо них здесь паслись стада маленьких худосочных коров пестрой окраски, меланхолично жующих свою жвачку, за которыми присматривали полуголые негритята; провожая взглядами крутящего педали Марка, они останавливались и с важной серьезностью приветствовали его, а когда он отвечал на приветствия на их родном языке, широко раскрывали глаза от удовольствия.

Иногда Марк вспугивал небольшую серую антилопу – дукера с острыми рожками и торчащими ушками, – которая вскакивала с лежки и быстрыми прыжками убегала от него по сухой траве, или видел вдали антилопу-прыгуна, неторопливо, словно тучка по небу, кочующую по бескрайней равнине. Когда ему встречались эти одиночные животные, ухитрившиеся спастись от выстрелов длинноствольных винтовок, в его душе надолго воцарялась радость, согревавшая его, когда в прохладной темноте он возвращался домой.

Марк нуждался в тишине и одиночестве, чтобы окончательно залечить не только раны от пулеметной очереди на спине, но и более глубокие душевные травмы, которые нанесла ему война, – слишком молодым ему довелось испытать все ее ужасы.

Этот покой дикой природы требовался ему для того, чтобы оценить стремительный калейдоскоп встреч и событий, наполнявших его вечера и ночи, разительно отличающийся от серой, нудной тяготы ежедневной работы.

Марка увлекла фанатическая энергия Фергюса Макдональда и Хелены. Фергюс был ему товарищем, который делился с ним опытом, неизвестным большинству людей, – опытом суровой и страшной борьбы. Вдобавок, намного превосходя Марка возрастом, он замещал собой фигуру отца, восполняя глубинную потребность в жизни юноши. Для Марка не составляло труда, отбросив сомнения, принимать все на веру и, не думая, слепо идти туда, куда ведет его Фергюс с его злой, неумной энергией.

Встречи с людьми вроде Фергюса будоражили его, порождали чувство преданности общему делу; у этих людей, отдавших себя высокой идее, имелась одна понятная цель. Марку нравилось появляться на тайных собраниях в запертых помещениях с вооруженными охранниками у дверей, где царила атмосфера чего-то запретного. Нравился сигаретный дым, спиралями поднимающийся к потолку, пока комната не наполнялась густой голубоватой дымкой, похожей на кадильный дым некоего мистического таинства. Нравилась лица, лоснящиеся от пота, тихое, фанатичное безумие в их глазах, когда они слушали выступающих.

Выступал Гарри Фишер, председатель партии, высокий, энергичный мужчина с твердым характером, обладающий мощными плечами, волосатыми мускулистыми руками ремонтного рабочего, с нечесаной копной черных с проседью и жестких как проволока волос и горящим взглядом темных глаз.

– Наша партия, – говорил он, – это передовой отряд пролетариата, и мы не связаны законами или этическими нормами буржуазного общества. Для нас сама партия – это новый закон, естественный закон нашего бытия.

После выступления он пожал руку Марку; Фергюс с отеческой гордостью стоял рядом. Рукопожатие Фишера оказалось крепким и энергичным, как и его взгляд.

– Ты солдат, – кивнул он. – Ты нам еще понадобишься, товарищ. Впереди нас ждет кровавая работа.

Беспокойное обаяние этого человека долго еще не отпускало Марка, даже когда они уже ехали домой в битком набитом трамвае, вдвоем втиснувшись на двойное сиденье, и бедро Хелены крепко прижималось к его бедру. Заговаривая с ним, она наклонялась так близко, что губы ее почти касались его щеки, дыхание пахло лакричной пастилкой и сигаретами, этот запах смешивался с ее дешевыми цветочными духами и тонким мускусным теплом ее тела.

Бывали и другие собрания, обычно по пятницам, после работы, многолюдные шумные сборища в огромном зале фордсбургского Дома профсоюзов, заполненном сотнями шахтеров, большинство из которых успели хлебнуть дешевого бренди, громкоголосых и косноязычных и всегда готовых устроить беспорядки. Ораторы обращались к ним с речью, и они ревели в ответ, как ревет толпа на бое быков; иногда то один, то другой забирался на стул и, шатаясь, выкрикивал бессмысленные и путанные лозунги, пока хохочущие товарищи не стаскивали их вниз.

Одним из самых популярных ораторов на таких собраниях был Фергюс Макдональд. У него в запасе всегда имелось много ораторских приемов, которыми он подогревал толпу; он всегда умел нащупать тайные страхи этих людей и вертел ими так, что они начинали вопить то ли от злости, то ли от восторга перед ним.

– Известно ли вам, что они затевают, наши хозяева? Знаете ли вы, что они собираются сделать? Сначала они раздробят вашу работу...

Страшный громовой рев потряс оконные стекла. Выдержав паузу, Фергюс убрал со лба и пригладил жидкие рыжие волосы, а затем улыбнулся слушателям горькой улыбочкой, ожидая, когда стихнет шум.

– Профессия, которой вы обучались пять лет, будет разбита на несколько простых операций, и теперь вашу работу станут исполнять три человека без настоящей квалификации, которых быстренько, всего за год, поднатаскали исполнять лишь часть ее, а платить им будут десятую часть того, что сейчас получаете вы.

– Нет! – грянула буря криков.

– Да! – швырнул им обратно Фергюс. – Да! Да! И еще раз да! Именно это наши хозяева собираются сделать. Но это еще не все. Они собираются набрать на работу черных! Черные отберут у вас вашу работу, черные станут работать за денежки, на которые вам не прожить.

Работяги в зале уже визжали, свистели, ревели, обезумев от злости, не зная, на кого ее можно обрушить.

– А что будет с вашими детьми? Уж не собираетесь ли вы кормить их кукурузными початками, не собираются ли ваши жены ходить в набедренных повязках? Вот что будет, когда черные отберут у вас работу!

– Нет! – ревела толпа. – Нет!

– Рабочие всего мира, – кричал им Фергюс, – рабочие всего мира, соединяйтесь – и в стране белых людей оставайтесь!

Гром аплодисментов и дружный топот ног в деревянный пол длились минут десять, а Фергюс все расхаживал с гордым видом по сцене взад и вперед, сцепив руки над головой, как это делают профессиональные боксеры. Когда же наконец овации стихли, он запрокинул голову и прокричал первую строчку песни «Красное знамя».

Весь зал, как один человек, с грохотом вскочил на ноги, вытянувшись по стойке смирно, чтобы хором грянуть революционную песню.

Кому знаменосцем не хочется стать,
Горячее знамя, как факел, поднять?
Нет вещи священной у наших бойцов,
Чем красное знамя дедов и отцов.

Морозной ночью Марк с четой Макдональд шагали домой; из их ртов, словно плюмажи страусовых перьев, валили клубы пара. Хелена шла между мужчинами, пристроившись к ним своей маленькой, изящной фигуркой в черном пальто с воротником кроличьего меха и с вязаной шапочкой на голове.

Она держала обоих под руки. Внешне это выглядело вроде бы вполне естественно и не вызывало никаких предосудительных мыслей, если бы не одно обстоятельство, которое тревожило Марка: она то и дело пожимала своими пальчиками его крепкий бицепс и время от времени пританцовывала, как бы стараясь подстроиться под широкий шаг мужчин, и при этом они с Марком касались друг друга бедрами.

– Послушай, Фергюс... то, что ты говорил там, в зале, бессмысленно, – нарушил молчание Марк, когда они свернули на свою улочку. – Ведь совместить «рабочие, соединяйтесь» и «в стране белых людей оставайтесь» невозможно.

Фергюс одобрительно хмыкнул.

– А ты у нас не дурак, товарищ Марк, – пошутил он.

– Нет, я серьезно, Фергюс... Гарри Фишер совсем не так всё...

– Конечно нет, дружок. Сегодня я подбрасывал корм свиньям. Они нам нужны, они должны драться за наше дело как черти; нам предстоит много чего ломать, да и кровушки пустить придется немало.

Он остановился и взглянул на Марка поверх головы жены:

– Нам нужно пушечное мясо, дорогой, много пушечного мяса.

– Значит, все будет совсем не так?

– Нет, конечно, дорогой. Это будет новый мир, прекрасный, светлый мир. Где все люди равны, все люди счастливы, никаких хозяев – это будет государство рабочих.

Марк попытался справиться с гложущими его сомнениями.

– Фергюс, ты все время твердишь о том, что нам придется сражаться. Как ты это понимаешь? Неужели буквально? Я имею в виду, будет ли это война, настоящая война, боевые действия?

– Да, дружок, настоящая война, черт побери. Кровавая война. Как в России... Товарищ Ленин показал нам правильный путь. Нам надо каленым железом выжечь все эти отбросы, мы должны залить эту землю кровью правителей и хозяев, утопить ее в крови их прихлебателей, мелкой буржуазии, чиновников, полицейских и военщины.

– А чем... – Марк чуть было не сказал «мы», но это слово не сорвалось с его языка, он не смог взять на себя такое... обязательство. – Чем вы собираетесь воевать?

Фергюс снова хмыкнул и лукаво подмигнул Марку.

– А вот об этом пока молчок, дружище. Хотя... пора тебе уже знать несколько больше, – кивнул он. – Ладно, потерпи, завтра вечером все узнаешь.

В субботу в Доме профсоюзов проходил благотворительный базар. Женский союз собирал средства на строительство новой церкви. Там, где еще вчера обезумевшая толпа призывала к убийствам и кровавой революции, теперь стояли длинные столы с выставленным на продажу товаром, над которыми хлопотали женщины. Чего тут только не было: пирожки, пирожные, кексы, искусно, с фантазией украшенные сахарной глазурью, целые подносы со сладкими ватрушками, консервированные фрукты и варенья в банках.

Марк купил на пенни пакетик пирожных, и они с Фергюсом лакомились ими, лениво прохаживаясь по залу. Остановились перед столами, на которых громоздились кучи бывшей в употреблении одежды; Фергюс примерил темно-бордовый джемпер и после долгого размышления купил его за полкроны. Они дошли до конца зала и остановились перед сценой.

Фергюс не спеша оглядел зал, затем взял Марка за руку и повел вверх по ступенькам. Они тихонько пересекли сцену и вышли за кулисы; открыв дверь, пробрались через лабиринт маленьких кабинетиков и профсоюзных кладовых, совершенно пустых в этот субботний день.

Ключом, висящим на цепочке от часов, Фергюс открыл низенькую железную дверь, и они вошли внутрь. Фергюс снова закрыл дверь на ключ, и они стали спускаться по крутой узенькой лестнице. Здесь пахло землей и сыростью, и Марк понял, что они направляются в подвалы.

В самом низу Фергюс постучал еще в одну дверь, и сквозь дверной глазок на них установился чей-то подозрительный глаз.

– Все в порядке, товарищ. Фергюс Макдональд, член комитета.

Загремели цепочки, и дверь отворилась. Стоящий за ней небритый человек в грубой одежде с недовольным видом пропустил их внутрь. Он выглядел угрюмым; у стены в крохотной комнатке стояли стул и стол, накрытый измятой газетой, на которой лежали остатки еды.

Человек что-то проворчал, и Фергюс провел Марка через еще одну дверь собственно в подвал.

Пол здесь был земляной, арочные своды поддерживались колоннами неоштукатуренного кирпича. Воняло пылью и крысами, воздух в закрытом пространстве стоял сырой и затхлый. Посередине ярко горела единственная голая лампочка, но ниши за арками оставались в тени.

– Вот, парень, сейчас ты увидишь, чем мы собираемся воевать, – сказал Фергюс.

В полутемных нишах стояли сложенные аккуратными стопками в рост человека дощатые ящики, закрытые тяжелым брезентом, скорее всего украденным с железнодорожной сортировочной станции, поскольку на нем виднелись нанесенные через трафарет буквы: «SAR & H».

Фергюс приподнял край брезента и мрачно улыбнулся:

– Все еще в смазке, дружок.

На деревянных ящиках стояла отчетливая маркировка, стрелка и две буквы «W. D.»⁹, а ниже надпись: «6 винтовок системы Ли-Энфилда, марка VI (с оптическим прицелом)».

Марк был потрясен:

– Черт возьми, Фергюс, да их тут не одна сотня!

– Вот именно, дружок, причем это только один арсенал. Есть еще несколько по всему хребту.

Фергюс прошагал по подвалу дальше и поднял край еще одного брезента. Там лежали патронные сумки, снабженные защелками с быстрым размыканием клапана; на ящичке краской было написано: «1000 патронов, калибр.303».

– Вполне хватит, чтобы провернуть наше дело, – сказал Фергюс и, сжав руку Марка, повел его дальше.

А дальше были стойки с винтовками, хоть сейчас готовыми к бою; вороненая сталь стволов блестела в электрическом свете оружейной смазкой. Фергюс взял одну винтовку и протянул ее Марку:

– А вот на этой стоит твое имя.

Марк взял винтовку. «Ужасно знакомое ощущение», – подумал он.

– У нас такая только одна, я как ее увидел – сразу подумал о тебе. Настанет время, и ты из нее постреляешь.

Снайперская винтовка Ли-Энфилда образца 1914 года, вес такой, что держать в руках естественно и легко... но все это вызывало в душе у Марка муторное ощущение. Ни слова не говоря, он вернул винтовку Фергюсу, и тот подмигнул младшему товарищу, прежде чем аккуратно поставил ее на место.

Как опытный экскурсовод, все самое интересное Фергюс приберег напоследок. Эффектным движением руки он отбросил очередной тяжелый брезент, и Марк увидел под ним оружие посерьезнее: станковый пулемет «максим» с толстым гофрированным водяным кожухом вокруг ствола. В своих многочисленных модификациях этот пулемет обладал сомнительной славой: он положил больше человеческих жизней, чем любое другое отдельно взятое оружие, которое изобрел разрушительный гений человека.

Этот являлся одним из членов смертоносной семейки, пулемет системы Виккерса-Максима, стреляющий пулями калибра.303, марка VI.B, а рядом с ним стопкой лежали коробки

⁹ War Department – военное министерство (англ.).

с пулеметными лентами. В каждой ленте – 250 патронов. Прицельная дальность стрельбы – 2440 футов, эту дистанцию пуля пролетает за одну секунду, скорострельность – 750 выстрелов в минуту.

– Ну, что скажешь, товарищ? Ты спрашивал, чем мы собираемся воевать... как считаешь, для начала хватит?

В тишине подвала доносился до слуха из зала наверху едва слышный, но явственный детский смех.

Марк сидел в одиночестве на самой высокой точке гряды невысоких холмов, протянувшейся на запад; эта черная гряда с железосодержащей породой выступала из плоской сухой земли и напоминала снабженную гребнем спину крокодила, всплывшего на поверхность спокойного озера.

Он всю ночь не спал, вспоминая о тайном арсенале, и теперь не мог отделаться от ощущения, словно в глаза ему сыпанули песком, а кожа на щеках высохла и натянулась.

Бессонная ночь оставила ему некое темное чувство, легкость мысли, совершенно оторванной от действительности, и теперь он сидел под ярким солнцем, нахохлившись как сыч, и внутренним взором всматривался в образы, теснящиеся в его голове, словно видел их впервые.

В груди рождалось смутное чувство смятения и тревоги; он понял, насколько бездумно плыл по течению, которое принесло его сюда, на самый край бездны. Лишь снайперская винтовка в руках и детский смех заставили его опомниться и прийти в чувство – словно кто-то протянул ему кончик веревки, чтобы он смог выбраться из этого ужаса.

Все его воспитание, все его твердые убеждения сходились к одной мысли о святости закона и порядка, об обязанностях перед обществом. За это он воевал и всю свою взрослую жизнь посвятил борьбе за эти убеждения. А сейчас вдруг из-за собственного равнодушия и апатии его принесло к лагерю врага; его уже поставили в один ряд с огромным количеством людей, презирающих законы, ему уже дали в руки оружие и призвали начать работу разрушения. Теперь он ни на секунду не сомневался в том, что все их слова, все, что выкрикивал его друг перед сборищем пьяных рабочих, – пустая риторика, краснобайство, ведь он своими глазами видел настоящее, боевое оружие. Война грядет жестокая и безжалостная. Он понимал Гарри Фишера и те силы, которые движут им. Он понимал Фергюса Макдональда, человека, который и раньше убивал людей, и довольно часто. И он снова станет убивать не моргнув глазом.

Марк громко застонал, ошеломленный тем, чему он позволил случиться в своей жизни. Он-то ведь не понаслышке знает, что такое настоящая война, он носил форму солдата королевской армии и был награжден медалью за отвагу.

Стыд жег его, ему было тошно думать об этом, и, чтобы не допустить подобной слабости в будущем, он пытался докопаться до причин: как могло произойти, что его втянули в это дело?

Марк понял, что это случилось, когда он оказался потерянным и одиноким, когда у него не осталось ни дома, ни семьи и Фергюс Макдональд стал для него единственным прибежищем в этом холодном мире. Фергюс был его старшим товарищем, с которым он прошел огонь и воду и которому безоговорочно доверял. Фергюс являлся для него непререкаемым авторитетом, он заменил ему отца, и Марк пошел за ним, благодарный ему за то, что тот взял на себя роль руководителя, и не очень-то спрашивал, куда Фергюс его ведет.

Свою роль тут, конечно, сыграла и Хелена; она тоже имела над ним власть, и ее влияние на него было настолько мощным, что редко кто мог бы похвастаться чем-то подобным относительно другого человека. Мысли о ней постоянно преследовали его. Она пробудила в нем слишком долго подавляемую и жестко контролируемую чувственность. Стена, которую он выстроил, чтобы сдерживать этот инстинкт, вот-вот готова была разрушиться; когда это слу-

чится, держать в узде свое влечение он окажется не в состоянии – одна мысль об этом приво-
дила его в настоящий ужас.

Теперь он пытался оторвать образ этой женщины как человека от ее женственных чар, пытался увидеть в ней личность, порвать в клочки губительные сети, которыми она опутала все его чувства. И ему это удалось настолько, что он понял: восхищаться ее личностью он не способен, а тем более сделать ее матерью своих детей. К тому же она ведь является женой его старого товарища, который полностью доверял ему в этом смысле.

Теперь он чувствовал, что готов принять решение уехать и твердо его исполнить.

Он немедленно покинет Фордсбург, оставит Фергюса Макдональда с его темными, разрушительными интригами и заговорами. При этой мысли на душе у Марка сразу стало легче. Он не станет скучать по своему другу, он не станет скучать и по этому серому, как монастырская келья, отделу зарплаты с его ежедневной епитимьей скуки и тяготной работы. В груди у него снова запыхал огонь, и ему показалось, что он стоит на пороге новой жизни.

Да, он уедет из Фордсбурга следующим же поездом... но как же Хелена?

Пламя в груди замигало и сникло, и настроение сразу упало. Представив себе такую перспективу, он ощутил почти физическую боль. Под мощным напором страсти стена дала трещину.

Уже стемнело, когда он поставил велосипед под навесом; в доме слышались веселые голоса и громкий смех. За кухонными занавесками горел свет. Войдя на кухню, Марк обнаружил, что за столом сидели четверо. Хелена быстро подбежала к нему и, смеясь, порывисто обняла; щеки ее горели. Взяв его за руку, она подвела юношу к столу.

– Проходи, товарищ, садись с нами, – сказал Гарри Фишер, глядя на Марка тяжелым взглядом, и качнул копной спадающих на лоб жестких как проволока темных волос. – Как раз вовремя; у нас праздник, присоединяйся.

– Хелена, тащи парню стакан! – рассмеялся Фергюс.

Выпустив его руку, она поспешила к шкафу, чтобы принести стакан и наполнить крепким портером.

Гарри Фишер, глядя на Фергюса, поднял стакан:

– Итак, товарищи, позвольте представить вам нового члена Центрального комитета Фергюса Макдональда.

– Замечательно, правда, Марк? – Хелена пожала его руку.

– Человек он правильный, – рокотал Гарри Фишер. – Так что назначение пришло как раз вовремя. Нам нужны такие стойкие и принципиальные люди, как товарищ Макдональд.

Остальные двое, члены местного комитета партии, согласно закивали со стаканами в руках; Марк хорошо их знал, часто встречая на собраниях.

– Давай к нам, дружок, – пригласил Фергюс и подвинулся, давая ему место за столом, и Марк втиснулся рядом с ним, чем сразу привлек всеобщее внимание.

– И такие, как ты, наш юный друг, нам тоже нужны, – сказал Гарри Фишер, кладя ему волосатую руку на плечо. – Скоро и тебе выдадим партийный билет...

– Ну, что скажешь, дружок, а? – подмигнул ему Фергюс и ткнул локтем в ребра. – Обычно на это требуется года два, а то и больше; кого попало мы в партию не принимаем, но в Центральном комитете у тебя теперь есть друзья...

Марк хотел что-то ответить, отказаться от предложенной ему чести. Его мнением никто не интересовался, все считали, что он выдвиженец Фергюса, что он свой. Марк хотел было опровергнуть это, сообщить о своем решении, но вовремя спохватился; то самое чувство опасности подсказало не делать этого. Он ведь видел в подвале оружие, и если он им не друг – значит враг, которому стали известны их секреты, а это для него смертельно опасно. Им нельзя так рисковать. Насчет этих людей у него теперь не осталось никаких сомнений. Если они сочтут

его врагом, то обязательно позаботятся, чтобы он не передал их секреты кому-нибудь еще. Раньше надо было думать, а теперь уже поздно.

– Товарищ Макдональд, у меня для тебя есть важное задание. Это срочно и жизненно необходимо. Ты не мог бы взять на работе отпуск недельки на две?

– Скажу, мать заболела, – усмехнулся Фергюс. – Когда ехать и что надо делать?

– Отправишься, скажем, в среду; мне нужно время, чтобы подготовить инструкции, да и тебе следует подготовиться.

Гарри Фишер сделал глоток пива, и на верхней губе у него осталась пена.

– Ты должен побывать во всех местных комитетах... Кейптаун, Блумфонтейн, Порт-Элизабет... надо поточнее скоординировать наши действия.

У Марка словно камень с души свалился, хотя оставалось и чувство вины: с Фергюсом теперь разбираться не придется. Друг отправится выполнять задание, а он просто потихоньку ускользнет. Он поднял голову и вздрогнул: Хелена сверлила его пристальным взглядом. Она буквально пожирала его жадными глазами – так леопард смотрит на жертву из своего укрытия в последние мгновения перед прыжком.

Но, встретившись с ним взглядом, она снова улыбнулась своей потаенной, всепонимающей улыбкой, и кончик ее розового языка коснулся приоткрытых губ.

Сердце Марка болезненно застучало, и он торопливо перевел взгляд на стакан с пивом. Они останутся с Хеленой одни – от этой перспективы ему стало страшно, а в груди поднялась горячая волна страсти.

Провожая Фергюса на вокзал, Марк нес его дешевенький, выдавший виды чемодан; и когда они решили срезать дорогу через открытый вельд, под ногами у них захрустел густой и белый как сахар иней, сверкающий мириадами бриллиантовых искр в первых лучах восходящего солнца.

На вокзал явились еще четверо провожающих, все члены партии; почтовый поезд, идущий на юг, тяжело дыша и пуская в морозный воздух густые клубы пара, наконец-то прибыл, опоздав на тридцать пять минут.

– Для наших железных дорог тридцать пять минут – сущий пустяк, – смеялся Фергюс.

Он по очереди пожал товарищам руки, похлопал каждого по плечу и поднялся по железным ступенькам в вагон. Через открытое окно Марк передал ему чемодан.

– Ты там присматривай за Хеленой... да и сам тоже – смотри у меня, – сказал на прощание Фергюс.

Марк стоял на платформе, провожая взглядом убегающий на юг поезд; состав стремительно уменьшался, пока совсем не исчез из виду, и стук его колес вначале превратился в шепот, а вскоре и вовсе затих. Марк повернулся и пошел вверх по склону холма в сторону шахты. Как раз в это время скорбно завывали гудки; эхо их воплей отражалось от высоких желтых склонов отвалов, призывая нестройные колонны людей поспешить и поскорее приняться за работу. Марк шагал вместе с ними, один из тысяч, ничем не отличаясь от остальных – ни внешностью, ни достижениями. И снова, уже в который раз, в груди его закипело острое чувство досады, сопровождаемое смутным, но все растущим пониманием, что настоящая жизнь – это нечто другое, что он способен на нечто большее со своей молодостью и энергией. Он с любопытством смотрел на спешащих вместе с ним к железным воротам шахты людей, подгоняемых властными завываниями гудка.

Все шли с замкнутыми, отрешенными лицами, за которыми – Марк не сомневался в этом – скрывались те же недобрые опасения, которые сейчас одолевали его самого. Наверняка и они, особенно молодые, чувствовали всю тщету их тупой, ежедневно повторяемой работы. Те, кто постарше, с сединой в волосах, наверняка сожалеют о бездарно прожитой жизни; им горестно вспоминать о тех длинных солнечных днях, когда они гнули спину в бесконечной каторжной

рутине ради богатства одного человека. Они непременно должны скорбеть о том, что скоро уйдут, не оставив после себя ни следа, ни памяти, разве что сыновей, которые повторяют все тот же бессмысленный круг, ведь каждого из них можно заменить другим и без каждого можно обойтись.

У ворот он задержался; постоял в сторонке, пропуская мимо себя этот поток человеческого материала, и в груди его нарастали радостное волнение и уверенность в собственном особом предназначении, в том, что впереди у него большие дела, что в жизни его ждет некое особое место и он должен искать и найти его.

Он поспешил вперед, неожиданно для себя охваченный чувством благодарности к Фергюсу Макдональду за то, что тот оказал на него давление, заставил его посмотреть на себя со стороны и прервал этот бездумный дрейф по течению, которому Марк отдавался с тех пор, как бежал из Ледибурга.

– Андерс, вы опоздали.

Начальник отдела поднял голову от бухгалтерских талмудов и строго посмотрел на Марка. Каждый из его подчиненных сделал то же самое: перед юношей возник длинный ряд обращенных к нему лиц с одинаковым строгим, осуждающим выражением.

– Что скажете в свое оправдание?

– Да я всего на минутку, очистить стол, – улыбаясь, ответил Марк, все еще ощущая веселое волнение в груди. – И навсегда попрощаться с вами.

Осуждающее выражение на лицах исчезло, сменившись потрясением.

Уже в сумерках Марк открыл заднюю калитку и прошел на кухню. Весь день он гулял без цели, не мог усидеть на месте – новые чувства будоражили его, новые мысли теснились в голове и толкали вперед. И только увидев свет за окошком и почуяв запах горячей пищи, Марк понял, как сильно он проголодался.

Кухня оказалась пуста, но из комнаты его окликнул голос Хелены:

– Марк, это ты?

Не успел он ответить, как она появилась в проеме двери и прислонилась бедром к косяку.

– Я уже думала, ты сегодня совсем не придешь.

На ней было синее платье. Марк уже знал, что это ее лучший наряд, который она берегла для особых случаев; мало того, она еще и накружилась – прежде Марк не замечал, чтобы она пользовалась косметикой. На щеках румяна, губы напылены, и это придавало новый глянец ее обычно желтоватой коже. Короткие темные волосы вымыты и, зачесанные назад и схваченные над одним ухом черепаховой заколкой, лоснились в свете лампы.

Марк смотрел на нее и глаз не мог оторвать. Ноги ее, в туфлях-лодочках, обтянутые шелковыми чулками, выглядели стройными и холеными.

– Что ты на меня так смотришь, Марк?

– Ты... – начал он внезапно охрипшим голосом, и у него перехватило дыхание; он откашлялся. – Ты сегодня такая красивая.

– Благодарю вас, сэр, – она засмеялась низким, гортанным смехом и сделала медленный пируэт, двумя руками расправив перед ним юбку. – Я рада, что тебе понравилось.

Она подошла к нему и взяла за руку. И снова ее прикосновение словно током ударило его – однако ощущение оказалось приятным, словно ныряешь в озеро со скалы.

– Садись, Марк, – она подвела его к стулу во главе стола. – Я хочу угостить тебя хорошим пивом.

Она подошла к домашнему леднику и достала бутылку.

– Я сходила в мясную лавку и купила гуся... ты любишь жареного гуся? – весело спросила она, вынимая пробку и наливая пиво ему в стакан.

У Марка слюнки потекли.

- Обожаю, – ответил он.
- С жареной картошкой и тыквенным пирогом.
- Душу готов за это продать.

Хелена радостно рассмеялась: куда подевалась обычная сдержанность и стеснительность Марка? Вокруг него словно витала некая аура, которая возбуждала и ее саму.

Она принесла два стакана и бочком села перед ним на стол.

- За что выпьем?
- За свободу, – без колебаний ответил он, – и за светлое завтра.

– Мне это нравится, – сказала она и звякнула стаканом о его стакан, наклонившись к нему так, что вырез платья оказался прямо на уровне его глаз. – Но почему только завтра, почему бы светлому будущему не начаться прямо сейчас?

Марк засмеялся:

- Хорошо, тогда за прекрасный вечер, темную ночь и светлое завтра!
- Марк! – с притворным недовольством поджала губки Хелена.

Он сразу покраснел и смущенно хмыкнул:

- Нет-нет, я вовсе не хотел... ужасно прозвучало. Я...
- Небось всем девушкам говоришь такое.

Хелена быстро встала. Ей не хотелось его смущать, портить ему настроение, и она подошла к кухонной плите.

– Гусь уже готов, – объявила она, – и если ты проголодался...

Она села напротив, предвкушая удовольствие, с которым будет наблюдать, как он с аппетитом ест, намазывать ему толстые куски хлеба желтым деревенским маслом и подливать в стакан пиво.

- А ты что, разве не будешь?
- Я не голодна.
- Но это же вкусно. Ты сама не знаешь, от чего отказываешься.
- Правда вкусно? Или другие девушки готовили тебе вкуснее? – игриво спросила она.

Марк опустил глаза в тарелку и нагрузил вилку едой.

- У меня не было девушек.
- Ой, Марк, так я тебе и поверила! Такой молодой, симпатичный, а там во Франции полно красивых францушек. Наверняка они были от тебя без ума.
- У нас не было времени. И вообще... – он замолчал.
- Что – вообще? – приставала она.

Он посмотрел на нее, секунду помолчал и заговорил. Ему вдруг стало просто говорить с ней, его подогревало новое ликующее настроение, да и после еды и пива он чувствовал себя легко и непринужденно. Он говорил с ней, как еще никогда не говорил ни с одним человеком, и она отвечала ему с откровенностью мужчины.

– Послушай, Марк, это же чушь собачья. Не всякая ведь женщина больна, больны только уличные.

– Да, я знаю. Я им не доверял, но, понимаешь, ведь только с ними можно... – он на секунду замолчал. – А с другими ребенок получится, – запинаясь, проговорил он.

Она всплеснула руками и радостно рассмеялась:

– Ах, милый мой Марк! Ты пойми: забеременеть не так-то просто. Вот я замужем уже девять лет, а детей у меня нет.

– Гм... – неуверенно хмыкнул Марк. – Ну, просто ты другая. И я не имел в виду тебя. Я имел в виду других девушек.

– Даже не знаю, как к этому относиться... это что, комплимент или оскорбление? – продолжала дразнить его Хелена.

Она давно поняла, что он девственник. Он так и сиял откровенной невинностью, трогательной неопытностью, стеснительностью в присутствии женщин – его неповторимая робость скоро, конечно, пройдет, но сейчас она возбуждала ее еще больше, разжигала ее сладострастие. Теперь Хелена понимала, почему некоторые мужчины платят огромные деньги за то, чтобы лишить девушку невинности; она коснулась его обнаженного предплечья, наслаждаясь ощущением гладкой кожи и крепких мускулов и не в силах отвести от него руки.

– Нет-нет, это комплимент, конечно, – торопливо ответил Марк.

– Марк, а я тебе нравлюсь?

– Да, да! Ты мне нравишься больше, чем все другие девушки.

– Ты же видишь, Марк, – проговорила она хриплым шепотом, наклоняясь к нему еще ближе, – я не больна, и я не забеременею. – Она коснулась пальцами его щеки. – Ты красивый мужчина, Марк. Ты мне сразу понравился, как только я тебя увидела, когда ты шагал по дорожке, как заблудившийся щенок.

Она медленно встала и, подойдя к кухонной двери, не спеша повернула ключ и шелкнула выключателем. Сразу стало темно, только в коридоре осталась гореть лампочка.

– Пойдем со мной, Марк. – Она взяла его за руку, поднимая со стула. – Теперь мы пойдем спать.

У двери в комнатку Марка она привстала на цыпочки и коснулась губами его щеки, а потом, не говоря ни слова, отпустила руку Марка и плавно, словно тень, пошла дальше, оставив его одного.

Не зная, что делать, Марк смотрел, как она уходит; ему хотелось окликнуть ее, попросить, чтобы осталась, хотелось броситься за ней следом... и вместе с тем на душе стало легче оттого, что стремительное, как головой в омут, падение в неизведанное так резко прервалось. Хелена дошла до своей двери и, даже не оглянувшись, вошла в спальню.

Раздираемый противоречивыми чувствами, он зашел в свою комнату и стал медленно раздеваться. Теперь разочарование взяло верх; складывая одежду, он прислушивался, как за тонкой перегородкой она тихонько передвигается по своей комнате.

Наконец он улегся в узенькую железную кровать и лежал не шевелясь, пока не услышал, как где-то совсем близко шелкнул выключатель. Марк вздохнул и взял с прикроватного столика книжку; прочитать ее он еще не успел, и сейчас ему казалось, что этот скучный политический текст успокоит его и поможет поскорее уснуть.

Вдруг ручка двери тихо повернулась, и в комнату вошла Хелена. Он совсем не слышал, как она прошла по коридору. На ней красовалась сатиновая ночная рубашка персикового цвета, она успела изменить прическу и снять краску со щек и губ. Хелена аккуратно закрыла дверь и, медленно покачивая крутыми бедрами под рубашкой, подошла к нему.

Она остановилась возле кровати, оба не говорили ни слова.

– Ну как, прочитал? – спросила наконец Хелена.

– Еще не до конца, – ответил Марк и отложил книжку в сторону.

– Ладно, сейчас не время, потом дочитаешь.

Не торопясь, она расстегнула рубашку и, сняв ее, бросила на спинку стула.

Увидев ее обнаженной, Марк чуть не задохнулся. Какая она вся гладкая! Он даже не ожидал. И так близко... он буквально пожирал ее глазами. Кожа как оливковый крем, как старый фарфор – словно вбирает в себя свет и сама светится. Все тело Марка сотрясало от вожделения, и слабым усилием воли он попытался избавиться от этого чувства. Попытался думать о Фергюсе, о том, что тот положился на него, вспомнил его прощальные слова.

«Ты там присматривай за Хеленой... да и сам тоже, смотри у меня», – сказал тогда ему Фергюс.

Ее круглые и гладкие груди с коричневато-розовыми и неожиданно крупными, величинной со спелую виноградину сосками, по сравнению со стройной фигуркой казались большими:

почти перезрелые, они уже тяжело свисали вниз. Она потянулась к нему, груди качнулись, и Марк заметил редкие темные волоски, выходящие на сморщенных кружочках вокруг сосков.

Из подмышек тоже торчали пучочки выходящих блестящих волос, а еще густые заросли под гладким и белым, как сливки, слегка выступающим животом.

Эти выходящие темные волосы на бледном фоне кожи возбуждали его, он смотрел на них как зачарованный и не мог оторвать глаз. Всякие мысли о чести, о доверии испарились, будто их и не было никогда, стена в груди его затрещала и зашаталась.

Она протянула руку и коснулась его плеча, и тело его содрогнулось, как от удара бича.

– Потрогай меня, Марк, – прошептала она.

Как загипнотизированный, он медленно, неуверенно протянул руку и, не сводя с нее взгляда, пальцем коснулся гладкой, как слоновая кость, теплой кожи ее бедра.

– Да, Марк, вот так.

Хелена взяла его за руку и медленно повела ее вверх, так что кончики пальцев его, словно перышки, прошли по бедру и очертаниям ребер.

– Вот так, Марк, вот здесь, – сказала она, – и здесь тоже.

От прикосновения его пальцев большие темные соски сжались, и форма их изменилась, они вытянулись и затвердели, набухли и потемнели. Марк смотрел и не верил своим глазам: неужели женская плоть может так быстро и так разительно реагировать, как и мужская?

Стена, сдерживающая напор страсти, рушилась, и сквозь брешь уже пробивалась мощная струя. Слишком долго сдерживали этот поток, слишком он тугой и плотный, ему невозможно сопротивляться, он крушит сознание и тело, сметая все на своем пути.

С прерывистым, сдавленным криком он охватил ее талию обеими руками и яростно прижал к себе, припав лицом к гладкому, податливому и теплему животу.

– О, Марк! – вскрикнула она хриплым и дрожащим от вожделения и торжества голосом и, вцепившись пальцами в его мягкие каштановые волосы, склонилась над его головой.

Дни слились для них в одно большое пятно, сложились, как телескоп, и вся вселенная сжалась до крохотного домика на грязной шахтерской улице. Только тела отмечали вехи времени: они просыпались, только чтобы любить до изнеможения и снова засыпать, потом опять просыпаться, чувствуя волчий голод, – оба были ненасытны как в еде, так и в любви.

Поначалу он бросался на нее, как бык, с бездумной энергией и страстью. Это ее пугало, она не ожидала, что столь мощная страсть может таиться в таком худеньком и изящном теле. Тогда она попыталась управлять его энергией, мало-помалу училась контролировать ее и направлять в нужное русло, менять ее течение, а потом осторожно принялась обучать и его.

Уже спустя много времени Марк вспоминал о тех пяти невероятно безумных днях и понимал, как ему повезло. Столь многим молодым людям приходилось искать свой путь в неизведанных областях плотской любви самостоятельно, без опытного проводника, в компании такого же неопытного, неуверенного в себе спутника, тоже в первый раз отправившегося в это странствие.

– А ты знаешь, Марк, что у нас в Южной Африке есть такое племя, где существует правило: каждая замужняя женщина должна выбрать себе молодого воина племени и обучить его всем хитростям того, чем мы с тобой занимаемся, – сказала однажды Хелена, опустившись рядом с ним на колени во время одного из перерывов между любовными схватками.

– Жаль, – лениво улыбнулся он. – Мне казалось, мы с тобой первыми додумались.

Он потянулся к прикроватному столику за сигаретами, прикурил сразу две и одну протянул Хелене. Она сделала затяжку, с нежной гордостью глядя на своего любовника. Всего за несколько дней он совершенно переменялся – а все благодаря ей. Он обрел уверенность в себе, в его поведении зарождалась некая целеустремленность. Куда только девались прежние

застенчивость и молчаливость? Он стал говорить, причем так, как никогда раньше не говорил: спокойно и веско. Он на глазах становился настоящим мужчиной, а ведь все это – дело ее рук.

Марк считал, что каждое новое наслаждение – наивысшее, но она не раз доказывала ему, что он не прав. Она проделывала с ним такое, что, услышь он об этом прежде, он пришел бы в ужас и негодование, но, когда это делала Хелена, он только изумлялся и трепетал от восхищения. Она научила его глубоко чтить собственное тело, когда оно жило полной жизнью, перед Марком открывались новые широкие горизонты и глубины собственного сознания.

Целых пять дней они не покидали домика, а на шестой почтальон в униформе и на велосипеде доставил письмо. Марк, который его принял, узнал неразборчивый, словно вымученный почерк Фергюса Макдональда. И на него сразу обрушилось чувство вины перед другом, сильное, как удар кулака в живот; сладкий сон разлетелся вдребезги, словно хрупкое стекло.

Сидя за накрытым газетами кухонным столом в расстегнутой до пупа и уже успевшей извозиться ночной рубашке персикового цвета, Хелена с издевательскими интонациями читала письмо вслух; муж сообщал о своих каких-то совершенно пустячных свершениях, аплодисментах на собраниях с десятком партийных товарищей где-нибудь в потаенной комнате, об их преданности общему делу, о чем он доложит Центральному комитету, об их готовности действовать, когда пробьет час.

Хелена шутовски округляла глаза и хихикала, когда он спрашивался о Марке, спрашивал, как у него дела, здоров ли он, хорошо ли Хелена о нем заботится.

Глубоко затянувшись, она бросила окурочку в стоящую рядом кофейную чашку с гущей, где он с шипением погас. Это простое движение вдруг вызвало у Марка странную реакцию: отвращение.

Неожиданно он увидел ее словно другими глазами: желтоватая кожа с морщинками в уголках глаз, говорящая о том, что молодость ее пошла трещинами, как старая картина маслом; под глазами темные пятна, капризно искривленные губы, голос желчный.

Совершенно неожиданными предстали перед ним и эта убогая комнатенка с масляным запахом несвежей еды и немых тарелок, и сама Хелена в грязной, покрытой жирными пятнами ночной рубашке, под которой, как два маятника, качались большие отвислые груди цвета слоновой кости.

Он встал и вышел вон.

– Марк, ты куда? – крикнула она ему в спину.

– Пойду прогуляюсь.

Но для начала он залез в эмалированную, покрытую пятнами ванну, налив воды погорячее, насколько мог вытерпеть, и долго мылился. А когда вылез и тщательно вытерся полотенцем, порозовевшая кожа горела.

Возле кассы вокзала Марк простоял почти полчаса, изучая приклеенное к стенке длинное расписание, напечатанное убористыми буквами.

Может, в Родезию? Он слышал, что там набирают людей на медные рудники. Местность в тех краях еще дикая, степи без конца и без края, полно дичи, озера и горы – словом, есть где развернуться.

Он подошел к окошку кассы, и кассир выжидательно взглянул на него.

– Один билет во второй класс до Дурбана, – сказал он, сам удивляясь себе.

Значит, решил ехать обратно в Наталь, в Ледибург. Там его ждет одно незаконченное дело, у него накопились вопросы, на которые надо бы получить ответы. А также есть неведомый враг, которого надо найти и посмотреть ему прямо в глаза.

Достав соверены, чтобы заплатить за билет, он живо представил себе деда: вот он сидит на веранде Андерсленда, огромные усищи, как пики, торчат в стороны, на лоб чуть не до самых глаз надвинута широкополая фетровая шляпа с двойной тульей. Марк уже понял, что это была

только отсрочка, передышка, необходимая ему, чтобы залечить раны и набраться сил и решимости действовать дальше.

Он вернулся домой, чтобы собрать свои нехитрые пожитки. Их было совсем немного; он торопился, ничего не замечая вокруг. Укладывая в дешевенький чемоданчик трусы и носки, Марк вдруг почувствовал, что за спиной стоит Хелена, и быстро повернулся к ней. Она только что приняла ванну, приделась и теперь стояла в дверном проеме и спокойно наблюдала за ним.

– Значит, уезжаешь. – Это был не вопрос, а констатация факта, и тоскливый голос ее не вязался со спокойным лицом.

– Да, – просто ответил он, снова отвернулся и щелкнул замками чемоданчика.

– Я еду с тобой.

– Нет. Я уезжаю один.

– Но, Марк, а как же я?

– Прости, Хелена. Честное слово, мне очень жаль.

– Неужели ты не понимаешь, что я люблю тебя! – вскричала она отчаянным голосом. – Я люблю тебя, Марк, ты не можешь вот так взять и уехать!

Она развела обе руки, преграждая ему выход.

– Хелена, прошу тебя, успокойся. Ты ведь тоже понимаешь, что это было безумие. Мы с тобой оба понимаем, что у нас нет будущего. Не надо превращать это в грязный скандал, дай пройти, прошу тебя.

– Нет, – она закрыла ладонями уши, – не говори так. Я люблю тебя, я люблю тебя.

Он мягко попытался убрать ее с дороги.

– Мне надо идти. У меня поезд...

Она вдруг бросилась на него, злобная, как раненая тигрица. Марк оказался не готов к этому, и острые ногти, едва не попав в глаза, прочертили по его щекам, оставив на них кровавые царапины.

– Сволочь! – визжала она. – Себялюбивая сволочь! Все вы такие!

Она предприняла новую атаку, но он успел схватить ее за руки.

– Все вы одинаковы... вам бы только свое получить... взять свое...

Она отчаянно сопротивлялась, но ему удалось развернуть ее и повалить на неприбранную кровать. Она сразу стихла, словно сдувшийся шарик, и уткнулась лицом в подушку. Ее рыдания преследовали Марка, когда он уже бежал по коридору к входной двери.

До портового города Дурбан оставалось более трехсот миль; поезд медленно, пытая, карабкался по величественному склону хребта Дракенсберг, пробираясь от перевала к перевалу, и вот он счастливо достиг противоположного склона и легко побежал вниз, в глубокую, заросшую травами чашу восточного побережья. Чем ближе к морю, тем более пологим становился склон, и наконец пассажиры оказались в покрытом буйной растительностью субтропическом парнике побережья с белоснежными пляжами и теплой синей водой Мозамбикского пролива.

За время путешествия у Марка имелось время подумать, но большую его часть он потратил на пустые сожаления. В голове все еще звучали крики и упреки Хелены, а на душу тяжелым камнем давило чувство вины перед другом, Фергюсом Макдональдом.

Но когда поезд добрался до Питермарицбурга и начался последний отрезок пути, Марк отбросил и сожаления, и угрызения совести и стал размышлять о том, что его ждет впереди.

Сначала он намеревался явиться прямо в Ледибург, но теперь понял, что это стало бы крайне безрассудным шагом. Там затаился его смертельный враг – враг жестокий и кровожадный, враг невидимый, который бьет исподтишка, к тому же богатый и могущественный, в подчинении у которого отряды вооруженных людей, в любую минуту готовых убивать.

Марк вспомнил о кровавых вылазках, в которых они с Фергюсом участвовали во Франции. Прежде всего нужно опознать и засечь врага, вычислить место, где он залег, определить позицию и оценить ситуацию. Насколько он силен и искусен, жесток ли он, проворен и гибок ли в действиях? Насколько небрежен, есть ли возможность рискнуть? Или же любой риск равен самоубийству?

«Наша задача, дружок, определить ход мыслей этой сволочи» – вот что заботило Фергюса в первую очередь, и только потом они приступали к разработке операции.

– Нужно узнать, кто этот гад, – прошептал Марк, – и разгадать ход его мыслей.

Одно не представляло загадки: сотня фунтов – слишком высокая награда за столь незначительную личность, как Марк Андерс, и единственное, что превращает его в бесспорно важную фигуру, – это связь с дедом и землей Андерсленда. На территории Андерсленда его видели только надсмотрщик-индус и белый начальник. Потом он дерзко явился в город, стал задавать вопросы и рыться в документах. И только после этого на него открыли охоту. Ключ к этой головоломке – земля, и у него были имена всех, кто имел интерес в продаже Андерсленда.

Марк снял с полки чемоданчик и, положив на колени, достал из него записную книжку. Вот они, эти имена: ДИРК КОРТНИ, РОНАЛЬД ПАЙ, ДЕННИС ПЕТЕРСЕН, ПИТ ГРЕЙЛИНГ с сыном КОРНЕЛИЕМ.

Прежде всего надо собрать как можно больше информации обо всех этих людях: где они залегли, в какой позиции, оценить значительность каждого и определить, кто из них снайпер. И при этом не высовываться, держать голову за бруствером. От территории врага надо держаться подальше, а территория врага – это Ледибург.

Лучшего опорного пункта для наблюдения, чем сам Дурбан, не придумать: город достаточно большой, здесь легко раствориться, кроме того – это столица Наталя, здесь можно найти много источников информации в библиотеках, правительственных архивах, издательских офисах газет. На последних страницах записной книжки он стал составлять список возможных источников и тут же горько пожалел, что Ледибург для него – закрытая территория. Документы Земельного офиса и Бюро регистрации компаний этого округа в столице не дублируются.

И вдруг ему в голову пришла одна мысль.

– Черт побери, да как же ее зовут? – задал он сам себе вопрос вслух.

Марк закрыл глаза и представил себе светлое, дружелюбное и веселое личико девчушки из офиса Бюро регистрации компаний в Ледибурге.

«Марк... какое сильное, романтическое имя», он словно слышал этот голос, но поезд уже скользил мимо вокзальной платформы, а вспомнить, как зовут девушку, никак не удавалось.

– Марион! – имя вдруг выскочило само, и Марк тут же занес его в записную книжку.

Держа в руке чемоданчик, он спустился на платформу и смешался с тесной толпой пассажиров и встречающих. И отправился подыскивать местечко, где бы можно было остановиться.

По дороге Марк за пенни купил номер «Натальского вестника» и в разделе рекламы нашел объявление о сдаче меблированных комнат на Пойнт-роуд, неподалеку от доков. Комнатка оказалась маленькой и темной, в ней отчетливо пахло огромными тараканами, которые кишели в этом городе, – по вечерам из канализационных коммуникаций на свет божий вылезали целые полчища этих лоснящихся черных тварей. Зато и плата составляла всего гинею в неделю, и в его распоряжении находились туалет и душевая, в которые можно было попасть, пройдя через маленький закрытый дворик.

В тот же вечер он написал письмо.

Дорогая Марион!

Не думаю, что вы меня помните, но все-таки решил написать вам; меня зовут Марк Андерс – так же, как и Марка Антония! С тех пор как мне пришлось уехать из Ледибурга, не сумев воспользоваться возможностью снова встретиться с вами, я часто вспоминал о вас...

Марк деликатно не стал затрагивать в первом же письме тему, касающуюся небольшого исследования, которое он собирался предпринять. Подождет до следующего письма. В последнее время Марк узнал о женщинах довольно много и адресовал письмо просто: «Мисс Марион, Бюро регистрации компаний, Ледибург».

На следующее утро Марк отправился в городскую библиотеку, расположенную в одном из четырехэтажных муниципальных зданий. Оно выглядело как настоящий дворец; с обеих его сторон стояли не менее импозантные здания – гостиница «Роял-отель» и кафедральный собор, а перед библиотекой был разбит аккуратный сквер, в котором цвели яркие весенние цветочки.

Он еще не успел подойти к столу библиотекаря, как его осенила еще одна идея.

– Я собираюсь написать книгу и провожу одно исследование... – обратился он к библиотекарше после приветствия.

И сразу же строгое лицо седовласой дамы, распорядившейся в этом тускло освещенном зале, уставленном высокими, до самого потолка, полками с книгами, смягчилось. Она была книжным человеком до мозга костей, а все книжные люди обожают друг друга. Марк получил ключ от одной из читален, и ему предоставили подшивки старых натальских газет еще со времен британской оккупации.

Как и всякий изголодавшийся по печатному слову читатель, Марк едва не поддавался искушению с головой окунуться в волшебный мир событий давно минувших дней, о которых кричали броские заголовки этих газет: история была одним из его любимейших предметов как в ледибургской школе, так и в университетском колледже.

Но он подавил искушение и сразу подошел к ящикам с подшивками газеты «Ледибургский прожектор». Первые номера уже немного пожелтели от времени, бумага стала хрупкая и легко рвалась, поэтому пришлось перелистывать страницы с величайшей осторожностью.

В первый раз имя Кортни бросилось ему в глаза в одном из ранних номеров за 1879 год, в заголовке, напечатанном жирными черными буквами.

Ледибургские конные стрелки перебиты под Изандлваной.

Полковник Уайт Кортни и его люди уничтожены все до одного.

Одержимые жаждой крови полчища зулусов неистовствуют.

Марк догадался, что это должно относиться к основателю семейства в Ледибурге; после этого имя Кортни появлялось почти в каждом номере, причем Кортни оказалось несколько, и все они жили в Ледибургском округе. Но первое упоминание о Дирке Кортни появилось лишь в 1900 году.

ЛЕДИБУРГ ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВУЕТ
ОДНОГО ИЗ ЛЮБИМЕЙШИХ СВОИХ СЫНОВЕЙ.
ГЕРОЙ АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ.
ПОЛКОВНИК ШОН КОРТНИ
ПОКУПАЕТ ФЕРМУ ЛАЙОН-КОП.

Ледибург горячо приветствует возвращение после многолетнего отсутствия одного из самых любимых своих сыновей. Кто не знаком с подвигами полковника Шона Кортни, кавалера орденов «За безупречную службу» и «За выдающиеся заслуги»? И все мы помним, что именно он играл основную роль в становлении процветающей индустрии добычи золота в Витватерсранде...

За этим следовал долгий список выдающихся деяний этого человека, восхваление его доброго имени и, наконец, концовка репортажа.

Полковник Кортни приобрел у Ледибургского сельскохозяйственного банка ферму Лайон-Коп. Он намеревается поселиться на ней и сажать на своей земле плантации строевого леса. Полковник Кортни – вдовец и воспитывает десятилетнего сына Дирка.

Этот давнишний репортаж потряс Марка. Он и подумать не мог, что Дирк Кортни – сын его, Марка, старого генерала. Крупного бородатого мужчины с крючковатым носом, с которым он познакомился той снежной ночью во Франции, человека, к которому он сразу же проникся уважением, который сразу ему понравился... нет, даже больше чем просто понравился. Человек, чья жизненная сила и личное обаяние в сочетании с известностью – все это пробудило в нем чуть ли не религиозное благоговение и трепет.

В голове мелькнула мысль: а не был ли сам генерал каким-либо образом вовлечен в покушение на его, Марка, жизнь, когда он едва спасся на нагорье под Ледибургом? Эта мысль так встревожила его, что он вышел из библиотеки, спустился к усаженной пальмами набережной и сел на скамейку, обращенную к спокойным, защищенным от штормов водам залива с огромной горой, похожей на спину кита, на противоположном отвесном берегу.

Провожая глазами плывущие корабли, он пытался распутать сложную паутину лиц и событий, центром которой являлся Ледибург, где и затаился паук. Он понимал, что для расследования понадобится время. Читать старые газеты – дело долгое, а пока он дожидается от Марион ответа на свое письмо – пройдет не один день.

Вечером в своей темной, запущенной комнатенке он пересчитал оставшиеся соверены и понял, что в большом городе их ему хватит ненадолго.

Следовало искать работу.

Администратор магазина, обладатель большого живота, характерного для любителей пива, оказался облаченным в одежду кричащих расцветок – так, похоже, всегда одеваются торговцы автомобилями. Марк отвечал на его вопросы чрезвычайно вежливо, с притворной жизнерадостностью, а у самого на душе кошки скребли.

Пять дней он таскался по городу от одного места, где светила слабая надежда получить место, к другому.

– Времена сейчас непростые, – вздыхая, жаловался почти каждый потенциальный работодатель уже в начале собеседования, – нам нужен человек с опытом работы.

Изыскания в библиотеке он пока что забросил из-за нехватки времени. Вот и сейчас он сидел на кончике стула и ждал, когда можно будет поблагодарить сидящего напротив человека и распрощаться, но тот все продолжал говорить, хотя время, отпущенное на собеседование, давно кончилось. Он рассуждал о комиссионном вознаграждении торговца, таком высоком, что с лихвой хватило бы и на двоих.

– Надеюсь, вы меня понимаете, – он подмигнул и вставил сигарету в мундштук.

– Да-да, конечно! – горячо согласился с ним Марк, который абсолютно не понял, что имеет в виду собеседник, но на всякий случай готовый ему поддакивать.

– Конечно, я бы лично за вами присматривал. Если бы мы с вами пришли к некоторому общему согласию. Как вы считаете?

– Конечно, – снова согласился Марк.

До него вдруг дошло, что администратор домогается некоего процента от комиссионных Марка. Кажется, он все-таки получит эту работу.

– Конечно, сэр, – сказал он, и ему захотелось вскочить со стула и сплясать от радости. – Я был бы только рад считать вас равным партнером.

– Отлично, – ответил администратор, который и сам не ожидал получить целых пятьдесят процентов заработанных Марком денег. – Жду вас в понедельник, ровно в девять часов, – быстро добавил он, ласково улыбаясь Марку.

Марк благодарно сжал его руку, но, когда он уже покидал крохотное помещение офиса, администратор окликнул его:

– Послушайте, Андерс... надеюсь, у вас есть приличный костюм?

– Разумеется, – быстро соврал Марк.

– Наденьте его.

На индийском базаре Марк отыскал портного-индуса, и тот за тридцать два шиллинга на скорую руку за ночь сшил ему серую тройку.

– Прекрасно сидит на вас, сэр. Вы в нем просто как член королевского семейства, – заявил портной, указывая на засиженное мухами зеркало в примерочной.

Индус стоял за спиной Марка и мастерски придерживал складку лишнего материала на талии, чтобы спереди все выглядело прилично.

– Вы будете первоклассной рекламой моего скромного таланта, – добавил он.

– Машину ты, разумеется, водишь? – небрежно спросил его администратор, которого звали Дики Лэнком, когда они шли по торговому залу к сверкающему «кадиллаку».

– Конечно, – не стал спорить Марк.

– Ну да, конечно, – согласился Дики. – Иначе зачем устраиваться на работу продавцом автомобилей, верно?

– Конечно, незачем.

– В таком случае садись за руль, – пригласил Дики. – И прокати меня вокруг квартала. Марк мысленно вздрогнул, но его спас быстрый язык.

– Для начала я предпочел бы, чтобы вы показали мне характерные особенности этой машины. За рулем «кадиллака» я еще не сидел.

На этот раз он сказал чистую правду. За рулем «кадиллака», как, впрочем, и любого другого автомобиля, он еще не сидел.

– Ладно, – согласился Дики.

Они покатали по набережной Марин-парад. Дики насвистывал и, проезжая мимо хорошеньких девушек, кончиками пальцев прикасался к шляпе, а Марк тем временем внимательно наблюдал за каждым его движением, стараясь запомнить, что он делает рулем и педалями.

Вернувшись в торговый зал на Уэст-стрит, Дики небрежно пролистал пачку печатных бланков.

– Как продашь, заполни один такой бланк. Да не забудь взять деньги, – сказал он, доставая часы. – Черт возьми, как время бежит! Уже начало двенадцатого. А у меня назначен деловой обед с одной очень важной клиенткой. – Он понизил голос. – Блондинка... Женщина – закачаешься! – подмигнул он. – Итак, до встречи.

– А как насчет цен и всего такого... вы ничего не сказали! – отчаянно крикнул ему в спину Марк.

– На моем столе брошюра, там все найдешь. Пока!

И Дики исчез за дверью черного хода.

Бормоча вслух текст руководства, Марк неуверенно кружил вокруг «кадиллака», пытаясь понять и усвоить правила эксплуатации, а по чертежу с циферками и пронумерованному списку разобраться, из каких основных частей состоит автомобиль, как вдруг почувствовал, что его кто-то трогает за руку.

– Простите, молодой человек, вы здесь продавец?

Перед ним стояла пожилая пара; мужчина был в прекрасно скроенном темном костюме с гвоздикой в петлице и с тростью в руке.

– Мы хотели бы сначала, прежде чем примем решение, прокатиться в вашем автомобиле, – сказала стоящая рядом с ним элегантная дама, матерински улыбаясь Марку сквозь легкую вуаль, спускающуюся со шляпки с полями. Шляпку украшали искусственные цветы, а серебристые волосы под ней были тщательно вымыты и опрятно завиты.

Марк понял, что погиб. Он отчаянно огляделся, куда бы сбежать, но джентльмен уже усаживал жену на переднее сиденье автомобиля.

Марк захлопнул за ними дверцы и нырнул за машину, чтобы в последний раз пробежать глазами инструкцию.

–левой ногой нажмите педаль сцепления, поставьте рычаг переключения передач в нейтральную позицию, вверх и влево, правой ногой нажмите на педаль газа и отпустите педаль сцепления, – пробормотал он и, сунув брошюру в карман, торопливо уселся за руль.

Джентльмен, сидящий посередине заднего сиденья, наклонился вперед, держась обеими руками за набалдашник трости, серьезный и внимательный, как судья перед вынесением приговора.

Жена его ласково улыбнулась Марку.

– Сколько вам лет, молодой человек? – спросила она.

– Двадцать, мэм, скоро будет двадцать один.

Марк нажал на стартер, и мотор заворчал, так что ему пришлось говорить громче.

– Ну надо же! – воскликнула она. – Моему сыну столько же.

Марк ответил ей бледной, болезненной улыбкой, прокручивая в уме дальнейшие инструкции.

«...До упора нажмите на педаль газа...»

Двигатель оглушительно взревел, и Марк вцепился в баранку так, что побелели костяшки пальцев.

– Вы живете с родителями? – задала вопрос пассажирка.

– Нет, мэм, – ответил Марк и отпустил сцепление.

Задние колеса взвизгнули, как раненый жеребец, позади поднялось синее облако дыма, и машина, едва не встав на дыбы, дико развернулась и рванула вперед, к проходу на улицу, оставив на полированном полу торгового зала два длинных следа от резиновых шин.

Марк пытался совладать с рулем, машину кидало из стороны в сторону; в самый последний момент ему удалось направить ее прямо в открытый проезд, и она бочком, словно краб, выскочила на улицу. Упряжка лошадей со своим экипажем испуганно шарахнулась в сторону, уступая дорогу ревущему автомобилю, а за спиной Марка пожилому джентльмену с трудом удалось отыскать свою трость и снова принять сидячее положение.

– Отличный движок, разгоняется сразу! – прокричал Марк, стараясь перекрыть рев двигателя.

– Превосходно, – согласился с ним пассажир, не отрывая взгляда от зеркала заднего вида.

Его жена поправила шляпку, которая съехала ей на глаза, и укоризненно покачала головой:

– Эх вы, молодые люди! Стоит только покинуть родное гнездо, начинаете морить себя голодом. Живете одни... посмотрите на себя, такой худой, кожа да...

Не снижая скорости, Марк мчался к перекрестку Смит-стрит и Элиуэл, но тут прямо перед его носом прогрехотал тяжелый грузовик, и Марк проворно крутанул руль. «Кадиллак» свернул под углом девяносто градусов и на двух колесах проскочил на улицу Элиуэл.

– ...кости, – закончила дама, одной рукой крепко вцепившись в ручку дверцы, другой придерживая шляпку. – Заходите как-нибудь в воскресенье к нам в гости, мы вас покормим.

– Благодарю вас, мэм, вы очень добры.

Когда Марк остановил наконец «кадиллак» у тротуара перед торговым залом, рука его лихорадочно тряслась, и выключить двигатель ему удалось только со второй попытки. Нервный пот проступил даже сквозь пиджак новенького костюма, и у него не осталось сил выбраться из машины.

– Невероятно, – проговорил пожилой джентльмен с заднего сиденья. – Какое самообладание, какое мастерство! Я снова чувствую себя молодым.

– Да, все было очень мило, дорогой, – согласилась с ним жена.

– Берем! – порывисто заявил муж.

Марк не поверил своим ушам – уж не ослышался ли он? Неужели у него совершилась первая продажа?

– Как ты думаешь, не пригласить ли этого молодого человека к нам шофером? Он очень хорошо водит машину, – сказала дама.

– Нет-нет, мэм, – снова испугался было Марк. – Не могу бросить свою работу... но все равно большое вам спасибо.

– Отличная работа, старина, – сказал Дики Лэнком, складывая две пятифунтовые банкноты, свою половину комиссионных, заработанных Марком при продаже «кадиллака». – Тебя ждет большое будущее.

– Не знаю, не знаю, – скромно возразил Марк.

– Большое будущее, поверь, – глубокомысленно повторил Дики свое пророчество. – Вот только, старина, понимаешь... этот твой костюмчик... – его слегка передернуло. – Слушай, давай познакомлю тебя с моим портным, теперь ты можешь себе это позволить. Ты только не обижайся, но этот сидит на тебе, как на клоуне.

В тот вечер после работы Марк в первый раз за всю неделю поспешил в библиотеку. Библиотекарша приветствовала его неодобрительным взглядом, как строгая школьная учительница:

– Я уже подумала, что больше вас не увижу... что вы бросили ваше дело.

– Ну что вы, ни в коем случае, – заверил ее Марк.

Она сразу смягчилась и вручила ему ключ от читального зала.

В записной книжке Марк для наглядности нарисовал фамильное древо Кортни. У Шона был брат, к концу бурской войны тоже полковник, а также кавалер креста Виктории за отвагу, – в общем, семья знаменитая и заслуженная. Этот брат, полковник Гарри Кортни, стал известным, а потом и знаменитым писателем, автором книг по военной истории и биографий известных военачальников: первая называлась «С Робертсом к Претории», потом «Буллер, боевой офицер», «Битва при Сомме», «Китченер. Жизнь воина». На все эти книги в «Ледибургском прожекторе» вышли подробные и восторженные рецензии. У Гарри Кортни был единственный сын, Майкл Кортни. До 1914 года в газете нашлось много публикаций о его деловой активности генеральным директором компании «Лесопилки Кортни», о его спортивных достижениях в качестве наездника на многочисленных местных соревнованиях. И вдруг заметка в номере за 1917 год:

Награда Ледибургского героя

Капитан Майкл Кортни, сын полковника Гарри Кортни, кавалера креста Виктории, награжден крестом «За летные боевые заслуги». Награда присуждена за подвиги, совершенные им в составе истребительной эскадрильи 21-го Королевского летного корпуса во Франции. На боевом счету капитана Кортни пять сбитых германских самолетов; командир части отзывался о нем как о «мужественном и самоотверженном офицере, обладающем высочайшим мастерством военного летчика». Герой и сын героя.

И только через несколько месяцев на первой странице газеты оказалась еще одна заметка, напечатанная жирными буквами и обведенная траурной рамкой:

С глубокой скорбью мы сообщаем о том, что в бою с врагом погиб КАПИТАН МАЙКЛ КОРТНИ, КАВАЛЕР ОРДЕНА «ЗА ЛЕТНЫЕ БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ». Есть основания полагать, что самолет капитана Кортни был сбит и, охваченный пламенем, упал за линией форта на территорию врага и что пал он от руки небезызвестного своей кровавой репутацией барона фон Рихтгофена. Сотрудники газеты «Ледибургский прожектор» выражают свои глубочайшие и искренние соболезнования его отцу и всем его родным и близким. «Сорвана роза в полном цвету».

Словом, самым подробнейшим образом в газете описывались деяния членов этой ветви семейства, их победы, их несчастья; впрочем, то же касалось и членов семьи Шона Кортни за период с начала века до мая 1910 года.

Подробно и с любовью описана женитьба Шона Кортни в 1903 году на миссис Руфь Фридман, начиная от платья невесты до сахарной глазури на свадебном торте. «Особенно выделялась одна из девочек, которые при венчании держат букеты, — четырехлетняя мисс Сторма Фридман, одетая в точно такое же платье, что и ее мать. Мистер Дирк Кортни обрел в ее лице сестрицу, и они прекрасно смотрелись вместе». Это стало еще одним упоминанием об этом столь интересующем Марка человеке, и он не мог не обратить внимание на то, что до мая 1910 года о нем больше не говорилось ни слова.

Страницы последующих номеров пестрели успехами полковника Кортни в политике и в деловой сфере, а также в наиболее серьезных областях, не связанных с бизнесом или политикой. Упоминались победа на выборах в Законодательный совет Наталя, позже работа в кабинете премьер-министра Луиса Боты, лидерство в Натальском отделении Южно-Африканской партии. Он был одним из делегатов на переговорах об условиях союза в лондонском Уайтхолле; кстати, в Лондон он отправился вместе со всем семейством.

Бизнес Шона Кортни процветал, деловые интересы его были широки и разнообразны: деревообрабатывающие предприятия, новые плантации... Он получал все более важные назначения: председатель совета директоров первой в Южной Африке строительной компании, директор паровой компании «Юнион касл лайнс», глава правительственной комиссии по природным ресурсам. Он был председателем Южноафриканского конноспортивного клуба, владельцем роскошной стопятидесятифутовой яхты, построенной специально для него президентом королевского яхт-клуба Наталя Тесенсом из Найсны. Но о Дирке Кортни до самого мая 1910 года ни словечка.

И вот первая страница газеты «Ледибургский прожектор» от 12 мая 1910 года:

Сотрудники газеты «Ледибургский прожектор» с глубоким удовлетворением сообщают, что весь оплаченный уставной капитал газеты приобретен мистером Дирком Кортни, который после многолетнего отсутствия вернулся в родной Ледибург.

Мистер Кортни сообщил, что эти годы он провел в путешествиях по миру, приобретая капитал и жизненный опыт. И разумеется, этот период не прошел для него впустую: по прибытии домой мистер Кортни немедленно приобрел контрольный пакет акций Ледибургского сельскохозяйственного банка предположительно за один миллион фунтов стерлингов наличными.

Ледибург и все его обитатели не сомневаются, что его неумная энергия, напористость и богатство принесут нашему округу много пользы.

«Я намерен уделять самое пристальное внимание повседневной деятельности моих компаний в Ледибурге, – ответил он на вопрос о его дальнейших планах. – Прогресс, рост, процветание для всех – вот мое жизненное кредо».

Мистер Дирк Кортни, газета «Ледибургский прожектор» приветствует вас. Мы говорим вам: «Добро пожаловать, вы будете достойным украшением ледибургского общества!»

После этого едва ли хоть один номер газеты не содержал ластивых славословий мистеру Дирку Кортни, в то время как упоминания о его отце и прочих родственниках сократились до случайных замечаний на внутренних полосах.

Чтобы найти хоть какую-то информацию о Шоне Кортни, Марку пришлось обратиться к другим натальским газетам. Он начал с газеты «Натальский вестник».

ЛЕДИБУРГСКИЕ КОННЫЕ СТРЕЛКИ ОТПЛЫВАЮТ ВО ФРАНЦИЮ. ГЕНЕРАЛ КОРТНИ СНОВА ВЕДЕТ СВОИХ ЛЮДЕЙ НА ВОЙНУ

Это сообщение эмоционально встряхнуло Марка: он хорошо помнил туман над заливом, ряды фигур в военной форме, шагающих по трапам на борт корабля, у каждого за спиной ранец, на плече винтовка. Песни и женские крики, серпантин, лепестки цветов, кружащиеся и опадающие пестрыми облаками, звуки сирен в тумане, скорбным эхом отражающиеся от крутых отвесных утесов. Все это ярко сохранилось в его памяти. Скоро и он отправился вслед за ними, прибавив себе год, благо сержант-вербовщик не очень-то дотошно задавал вопросы.

ЛЕДИБУРГСКИЕ СТРЕЛКИ ПОНЕСЛИ БОЛЬШИЕ ПОТЕРИ АТАКА В ДЕЛЬВИЛЬСКОМ ЛЕСУ ЗАХЛЕБНУЛАСЬ ГЕНЕРАЛ КОРТНИ: «Я ИМИ ГОРЖУСЬ»

Когда Марк медленно, с остановками, когда наткнулся на знакомое имя, читал длинный список потерь, на глаза его наворачивались жгучие слезы – он предавался воспоминаниям, снова и снова окунаясь в ту жуткую бездну грязи, крови и страданий.

Плеча его коснулась чья-то рука, пробуждая его от воспоминаний, и он поднял голову, ошеломленный внезапным возвращением в настоящее.

– Мы закрываемся, уже начало десятого, – тихо сказала юная помощница библиотекарши. – Заканчивайте, пожалуйста, надо уходить... вы уж простите.

Она пристально всмотрелась в его лицо:

– Что с вами? Вы что, плакали?

– Нет, – ответил Марк и полез в карман за носовым платком. – Просто глаза устали.

Как только Марк появился в коридоре, к нему бросилась хозяйка.

– А у меня для вас письмо! – крикнула она.

Письмо выглядело толстым, как полное собрание сочинений Уильяма Шекспира, но когда он вскрыл конверт, там оказалось всего двадцать два листочка. Начиналось оно так:

Дорогой Марк!

Конечно же, я очень хорошо помню вас, часто думала о вас и ломала голову, куда вы подевались, не случилось ли чего, поэтому ваше милое письмо явилось для меня чудесным сюрпризом...

В словах ее звучала столь безудержная, искренняя радость, что Марку стало совестно.

Я понимаю, мы с вами почти совсем не знаем друг друга. Вы даже не знаете моего полного имени! Вот оно: Марион Литтлджон. Дурацкая фамилия, правда? Когда-нибудь я ее поменяю (это не намек; я серьезно, глупая фамилия!). Я родилась в Ледибурге (когда именно – не скажу! Дамы никогда не говорят о своем возрасте!). Мой отец был фермером, но пять лет назад продал ферму и сейчас работает на сахарной фабрике десятником.

Далее шел подробный рассказ о себе и своей семье: учеба в школе, имена и положение всех ее многочисленных родственников, надежды на будущее, мечты, желания («Я бы очень хотела путешествовать, а вы? Париж, Лондон...») – и все это с обескураживающими подробностями, большая часть из них в скобках, и по всему тексту щедро разбросаны восклицательные и вопросительные знаки.

Ну разве не странно, что у нас с вами похожие имена – Марк и Марион? Звучит импозантно, правда же?

В груди у Марка зашевелилось тревожное чувство: похоже, он накликал целую бурю, тогда как хотел вызвать всего лишь легкий ветерок. Но письмо дышало такой теплотой, так трогало душу... Марк даже пожалел, что почти не помнит лица девушки. Пройди она мимо на улице, он ее, скорее всего, не узнал бы.

Марк сел отвечать в тот же вечер, обращая особое внимание на свой почерк. Он еще не осмеливался открыто объяснить истинную цель затеянной им переписки, совесть не позволяла, но тонко намекнул, что собирается писать книгу и для этого надо проделать большую работу в архивах Ледибурга, однако пока у него нет ни времени, ни денег на дорогу. В заключение спросил, не могла бы она прислать ему свою фотографию.

Ее ответ, вероятно, был тоже написан и отослан в тот же день, когда она получила его письмо.

Начинался ответ со слов «Мой милый Марк», что уже являлось большим шагом вперед по сравнению со стандартным «Дорогой Марк».

В конверте с двадцатью пятью страницами убористого текста лежала и фотография. На ней в напряженной позе стояла девушка в нарядном платье с застывшей, нервной улыбкой на лице; в объектив фотоаппарата она уставилась так, словно на нее смотрел ствол заряженной пушки. Фотография получилась не совсем резкой, но Марк сразу вспомнил, как она выглядит, и у него отлегло от сердца.

Фигурка слегка полновата, миловидное личико, широкий рот, достаточно широко поставленные умные глазки; во всем ее виде ощущалось что-то слегка настороженное и вместе с тем задорное; он уже знал, что она довольно образованна, хорошо начитанна и что ей отчаянно хочется понравиться ему.

На обратной стороне фотографии она удостоила Марка еще большего поощрения:

*Дорогому Марку
с большой любовью,
Марион*

Под именем стояли три аккуратных крестика. В самом письме она бурно восхищалась его успехом в деле продажи «кадиллака», а его намерение стать писателем и вовсе вызвало в ней благоговейный трепет. Она с восторгом выразила желание помочь Марку в его исследованиях, только он должен написать, какого рода информация ему нужна. У нее есть доступ ко всем правительственным и муниципальным архивам («и на этот раз никакой платы за работу

я с тебя не спрошу!)), а ее старшая сестра работает в издательском отделе «Ледибургского прожектора»; кроме того, в муниципалитете есть прекрасная библиотека, где Марион хорошо знают и где она обожает читать. Пусть только Марк позволит ей помочь ему.

И еще. Нет ли и у него своей фотографии, она бы очень хотела получить ее на память.

Марк надел новый костюм, ухарски надвинул на один глаз соломенную шляпу и отправился в фотоателье, расположившееся прямо на берегу на открытом воздухе, где и сфотографировался, изобразив на лице бесшабашную улыбочку.

Мой милый Марк!

Какой ты красивый! Я показывала твою фотографию всем моим подругам, и они очень мне завидуют.

Она уже отыскала кое-какие сведения, о которых он просил, но это не все, остальное найдет потом.

В книжном магазине Адамса на Смит-стрит Марк купил толстую тетрадь в кожаном переплете, три огромных листа картона и крупномасштабную карту Наталя и Зулуленда. Картон и карту он закрепил на стенках, чтобы разглядывать, не вставая с постели.

На одном листе картона он нарисовал фамильные древа Кортни, Паев и Петерсенов – все три фамилии, судя по документам, которые он видел в Комиссии по земельным наделам Ледибурга, имели отношение к покупке Андерсленда.

На другом листе выстроил пирамиду компаний и земельных угодий, принадлежащих Ледибургскому сельскохозяйственному банку. А на третьем сделал то же самое относительно компаний и землевладений, входящих в головное предприятие генерала Шона Кортни – Натальскую деревообрабатывающую и земельную компанию с ограниченной ответственностью «Наталь тимбер энд эстейтс лимитед».

На карте он тщательно заштриховал фактические земельные владения обеих групп: красным цветом – владения генерала Кортни и синим – те, что контролировал его сын, Дирк Кортни, эсквайр.

Это придало ему новую решимость упорно продолжать поиски, особенно когда он тщательно заштриховал синим цветом длинный контур Андерсленда с его извилистой границей, бегущей по южному берегу реки. Он отер с пальцев цветной мелок, и губы его скривились от горечи и гнева: это ли не подтверждение его убежденности, что его дед ни за что не расстался бы со своей землей? Чтобы кто-то смог завладеть этими угодьями, пришлось бы сначала убить старика.

Злость продолжала кипеть в груди, когда он заполнял и другую часть карты или лежал по вечерам на кровати, выкуривая сигарету перед сном и разглядывая синие и красные пятна владений семейства Кортни. Он мрачно улыбался: интересно, что сказал бы Фергюс Макдональд, увидев, какое богатство сосредоточено в руках отца и сына? Потом принимался записывать в тетрадку новые сведения, которые сумел собрать за день.

Затем Марк выключал свет и долго еще лежал без сна, а когда засыпал, ему снился Чакас-Гейт, громадные утесы, нависающие над рекой, а дальше бескрайняя дикая местность, где прячется одинокая могила. Могила никак не обозначенная, а теперь небось заросшая буйной африканской растительностью, а то и давно разрытая гиенами и прочим зверьем, которое питается падалью.

Однажды вечером, когда Марк сидел на привычном месте в библиотеке, изучая печатные материалы, он впервые принялся листать недавние номера «Ледибургского прожектора», вышедшие где-то через неделю после его побега из Ледибурга, и в одной из внутренних колонок чуть не пропустил несколько любопытных строк.

Вчера в методистской церкви на Пайн-стрит состоялась погребальная служба над телом мистера Джекоба Генри Россоу. Во время охоты с группой друзей мистер Россоу упал в узкое ущелье Бабуинова ручья под новой веткой железной дороги и разбился насмерть.

Мистер Россоу был холост, работал в «Сахарной компании Зулуленда». На церемонии присутствовал председатель совета директоров компании мистер Дирк Кортни, который произнес над могилой короткую, но трогательную речь, в очередной раз продемонстрировав глубокую заботу даже о самых скромных сотрудниках своих многочисленных процветающих предприятий. «Величие проявляется в малом».

Дата в точности совпадала с днем его побега из долины. Этот человек мог быть одним из тех, кто охотился на него, Марка. Скорее всего, тот, кто вцепился в его поврежденную ногу, когда Марк висел на поручне товарного вагона. Если это так, то связь с Дирком Кортни выходит прямая. Марк потихоньку сплетал свою веревку, петля была уже почти готова, однако для нее не доставало головы.

Но в одном аспекте всей ситуации Марку стало легче. Между отцом и сыном, генералом Шоном Кортни и Дирком, похоже, существовала некая и довольно глубокая трещина. Дело в том, что ни одна из компаний каждого никак не пересекалась с другой стороной, руководства фирм никак не были связаны, каждая пирамида организаций стояла особняком. И эта разделенность, похоже, выходила за финансовые и деловые рамки: Марк не нашел ни единого свидетельства каких-либо контактов между этими двумя людьми на социальном уровне, да и, кстати, на факт активной вражды между ними указывала неожиданная перемена отношения к отцу со стороны «Ледибургского прожектора», как только сын получил в свои руки возможность контролировать издательскую политику газеты.

И все же Марк еще не до конца был уверен в своих выводах. Да и Фергюс Макдональд не раз предостерегал его о хитрости и вероломстве правящего класса и вообще всех богачей: «Чтобы прикрыть свои грешки, они готовы на все, Марк. Они пойдут на любую хитрость, обман, на любую подлость, чтобы только не видны были пятна крови честного рабочего на их руках».

Возможно, прежде всего Марку следует точно установить, что его интересует только один из этих двоих. Для этого надо сделать следующий ход: вернуться в Ледибург и спровоцировать новое нападение – на этот раз он будет к нему готов и поймет, откуда оно пришло. Тут он вспомнил, как они с Фергюсом использовали Катберта, манекен, чтобы вызвать на него огонь и заставить врага обнаружить себя, и горестно усмехнулся при мысли, что на этот раз роль Катберта ему придется исполнять самому. В первый раз ему стало страшно, такого страха он не знал и во Франции, поскольку теперь перед ним представал враг гораздо более опасный и безжалостный, прежде такого он не мог и представить, а время для встречи неумолимо приближалось.

От одолевавших тяжелых мыслей его отвлекло получение еще одного внушительного послания из Ледибурга, которое дало ему прямой повод отложить непосредственные действия.

Мой милый и дорогой Марк!

У меня для тебя прекрасная новость! Как говорят, если гора не идет к Магомету, то он (или она!) идет к горе. Моя сестра с мужем на четыре дня едут в Дурбан и пригласили меня с собой. Мы приедем четырнадцатого числа и остановимся в «Марин-отеле» на набережной Марин-парад – это будет просто шикарно!

Марк сам не ожидал, что ему будет настолько приятно узнать о ее приезде, и стал с нетерпением ждать встречи. Оказывается, он успел сильно привязаться к этой далекой, всегда готовой ему помочь, доброй девушке.

Когда они встретились, он снова удивился – оба потрудились приодеться, уделив большое внимание каждой детали своей одежды. И оба мучительно стеснялись, чувствуя себя не в своей тарелке под строгим оком старшей сестры Марион.

Они сидели на веранде гостиницы, чопорно пили чай, вели светскую беседу с сестрой и исподтишка изучали друг друга, поглядывая один на другого поверх чашек.

Марион похудела, Марк это сразу отметил, но ни за что не догадался бы, что бедняжка чуть не уморила себя голодом ради этой минуты; она была хороша собой, гораздо привлекательнее, чем он помнил и чем она выглядела на фотографии. Но главное – Марион, как всякая цельная личность, была для него понятна и чиста, от нее так и веяло теплом. Большую часть жизни Марк оставался одинок, особенно в эти последние несколько недель, когда жил в своей крохотной запущенной комнатухе с тараканами и его одиночество скрашивали только планы на будущее.

Теперь он смотрел на нее и чувствовал себя как странник, забредший во время бурана в теплую таверну с пылающим камином.

Сестрица ее сначала старалась всерьез исполнять роль старшей наставницы Марион, но, будучи всего лет на пять или шесть старше Марка, она оказалась достаточно чуткой, чтобы понимать, как молодых людей тянет друг к другу, и видеть, что сидящий перед ней юноша – человек порядочный. Кроме того, она и сама была еще вполне молода, замуж вышла совсем недавно и, разумеется, не могла не сочувствовать им.

– Вы не будете против, если я прокачу Марион по городу на машине? Это совсем недолго, – сказал Марк.

Марион устремила на сестру умоляющий взгляд умирающей газели:

– Прошу тебя, Лин...

«Кадиллак», в который они уселись, был демонстрационной моделью, и Марк лично позаботился о том, чтобы двое рабочих-зулусов из компании «Наталь моторс» вылизали его до блеска.

Он направил машину к устью реки Умгени; хорошенькая Марион гордо восседала рядом с ним.

Марку еще никогда в жизни не было так хорошо на душе; он в модном костюме, сидит в большом сверкающем автомобиле, в карманах звенит золото, а рядом с ним красивая девушка, которая его обожает.

Обожание – вот то единственное слово, которое точнее всего описывало отношение к нему Марион. Она даже на секунду не могла отвести от него глаз и сияла всякий раз, когда он искоса бросал на нее взгляд.

Марион и представить себе не могла, что когда-нибудь окажется рядом с таким красивым, утонченным кавалером. Даже в самых романтических мечтах она не видела себя сидящей в сверкающем «кадиллаке» вместе с героем войны, награжденным медалью.

Он съехал с дороги и остановил машину; они пошли по дорожке, ведущей сквозь густо заросшие дюны к устью реки, и она вцепилась ему в руку, как тонущий в океане моряк – в спасательный круг.

Река разлилась, – видимо, где-то в горах прошли сильные ливни; шириной не менее полумили, она бешено несла мутную воду, коричневую, как кофе, крутящуюся водоворотами, в сторону океана, чтобы смешаться с его чистыми зеленоватыми водами. С собой мутная река влекла в океан мусор и трупы утонувших животных.

В этих отбросах резвились с десятков крупных черных акул: они кружили, двигаясь вверх по реке и разрезая треугольными плавниками мутную воду.

Марк с Марион уселись рядышком на вершину дюны над устьем.

– Ах, Марк, – с расстроенным видом вздохнула Марион, – у нас с тобой всего четыре дня.

– Четыре дня – это долго, – засмеялся Марк, – я, например, не знаю, что делать с такой прорвой времени.

Все эти дни они не разлучались ни на минуту. Дики Лэнком в этой ситуации проявил чуткость и понимание, поддержав своего лучшего специалиста по продажам.

– Ты, главное, утром покажись на работе, чтобы хозяин тебя увидел, а потом слиняй потихонечку. Я тебя прикрою.

– А как насчет демонстрационной модели? – совсем обнаглев, спросил Марк.

– Скажу, что ты пытаешься продать машину богатому фермеру. Бери ее, старина, только, ради бога, будь осторожен, не врежься в дерево.

– Не знаю, как тебе отплатить, Дики; я у тебя в долгу.

– Не волнуйся, мы это обмозгуем.

– Больше ни о чем тебя не буду просить... просто эта девушка для меня много значит.

– Понимаю. – Дики отечески потрепал его по плечу. – Самое важное в жизни – когда рядом красotka. Всей душой я с тобой, сынок, и болею за тебя.

– Нет, здесь совсем не то, что ты думаешь, Дики. – Марк густо покраснел.

– Ну разумеется, совсем не то. Но все равно желаю повеселиться как следует. – Дики с похотливой улыбочкой подмигнул Марку.

Марк и Марион – а что, и вправду эти два имени рядом звучали здорово – все дни напролет, взявшись за руки, гуляли по городу. Девушка приходила в восторг от шумной городской суматохи; ее очаровывали изысканная красота города, его культура, музеи, парки с тропическими растениями, места для отдыха и развлечений на берегу с тысячами цветных фонариков и гирлянд, концерты на открытом воздухе в садах Старой крепости, большие универмаги на Уэст-стрит, «Статтафордс» и «Анстейс» с их витринами, заполненными дорожными импортными товарами. Она восхищалась доками с выстроившимися у причалов огромными торговыми судами, с пытящими и скрипящими над ними паровыми кранами.

Они смотрели, как рыбаки-индусы спускают на воду лодки, лежавшие на сверкающем белоснежном песке берега, плывут навстречу бегущим одна за другой зеленым прибойным волнам, широким полукругом забрасывают свои сети в морские глубины. Потом Марион поддериговала повыше юбку, а Марк закатывал до колена брюки, и они лезли в воду, чтобы помочь полуголым рыбакам тянуть сети за длинные веревки; и вот наконец переливающаяся серебром на солнце гряда рыбы, дрожа и подпрыгивая, лежит в лодке.

Они лакомились земляничным мороженым из хрустящих желтых конусовидных стаканчиков, катались по набережной в открытой тележке рикши – крикливого зулуса, разодетого в умопомрачительный костюм из перьев, бус и рогов.

Один вечер они провели в компании Дика Лэнкома и его подруги, томной красоти: ели жаренных на открытом огне лангустов и танцевали под джаз в ресторане гостиницы «Ойстер бокс» на Умхланга-Рокс, а затем с криками и песнями возвращались домой в «кадиллаке», пьяные и счастливые; Дики крутил баранку, как Нуворелли, бешено гоня большой автомобиль по пыльной разбитой дороге, а Марк с Марион сидели на заднем сиденье, блаженно прижавшись друг к другу.

В вестибюле гостиницы под бдительным оком ночного администратора, который приговаривал перехватывать Марка, если тот попытается незаконно пролезть в лифт, они шепотом попрощались и пожелали друг другу доброй ночи.

– Я еще никогда в жизни не была так счастлива, – призналась она, поднялась на цыпочки и поцеловала Марка прямо в губы.

Дики Лэнком где-то пропал вместе с «кадиллаком» и своей дамой – возможно, забрался в какой-нибудь дальний уголок парка, где потемнее и поближе к морю, – и Марк по пустынь-

ным ночным улицам зашагал домой один. Думая над последними словами Марион, в душе он соглашался с нею. Он тоже не помнил, чтобы когда-нибудь пребывал в столь же счастливом состоянии. Но что и говорить, печально улыбнулся он, жизнь до сих пор вообще не баловала его безумным счастьем. Для нищего и шиллинг богатство.

Настал последний день перед расставанием, и эта мысль придавала особую остроту удовольствию их общения. Марк оставил «кадиллак» в конце узенькой дорожки, проходящей через поле сахарного тростника, и они спустились к длинному песчаному пляжу, с обеих сторон охраняемому скалистыми мысами.

Море было настолько чистым, что с высоких дюн они могли видеть рифы на глубине и рельефные песчаные мели. Чем дальше в море, тем вода становилась темнее, а на горизонте, где море сходилась с небом, громоздились похожие на горный хребет кучевые облака, пурпурные, серебристые и синие в сиянии солнца.

Босиком по песку, хрустящему под ногами, они спустились к морю, неся с собой корзинки с едой, заботливо приготовленные для них в гостинице, а также потертое одеяло, которое Марк предусмотрительно захватил из своей комнатухи; им казалось, что теперь во всем мире никого, кроме них, больше нет.

Целомудренно разойдясь по обе стороны густого темно-зеленого куста, они переоделись в купальные костюмы и, смеясь, побежали к теплой прозрачной воде.

Черный купальный костюм Марион из тоненькой хлопчатобумажной ткани от бедер до шеи намок и прилип к телу, и теперь она в нем казалась совсем голой, а когда сняла с головы красную резиновую шапочку и встряхнула густыми волосами, Марк, глядя на нее, впервые почувствовал к ней физическое влечение.

До сих пор он питал к ней чувства, так сказать, товарищеские. Ее очевидное обожание заполняло некую пустоту в его душе, и он относился к ней скорее как старший брат к младшей сестренке.

Женским инстинктом она сразу почуяла в нем перемену. Смех на губах замер, взгляд посерьезнел, в глазах забегали тени – страха или, может, предчувствия. Марион повернулась к нему и заглянула в глаза; казалось, она собирается с духом, чтобы осознанно совершить некий поступок, который требует мужества.

Они улеглись рядышком на одеяле в густой тени куста. В жарком полдневном воздухе звенели насекомые, чувствовалась тяжелая расслабляющая духота.

Мокрые купальники приятно охладили разгоряченные тела; когда Марк стал осторожно снимать с нее тонкую ткань, кожа ее под его пальцами была влажна, и он удивился, насколько тело Марион отличалось от тела Хелены. Молочно-белая кожа с розоватым оттенком, слегка присыпанная белыми песчинками, на теле тоненькие шелковистые волоски, золотистые и нежные, как дым. И тело ее было нежное, с мягкой, упругой податливостью женской плоти, совсем не то, что мускулистое тело Хелены, и ощущение совсем другое; пластичность Марион интриговала и возбуждала его.

И только когда она охнула, задыхаясь, закусила губу и спрятала лицо, уткнувшись ему в шею, сквозь туман собственного возбуждения Марк внезапно понял, что все ласки, которым его научила Хелена, не трогают Марион так, как его самого. Ее тело оставалось жестким, побледневшее лицо застыло.

- Что с тобой, Марион? Что-то не так?
- Все хорошо, Марк.
- Тебе не нравится?
- Со мной такое в первый раз...
- Я могу прекратить...
- Нет.
- Нам вовсе не обязательно...

- Нет, Марк, продолжай. Ты же этого хочешь.
- Но ты ведь не хочешь.
- Я хочу того, чего хочешь ты, Марк. Продолжай. Это же нужно для тебя...
- Нет...
- Продолжай, Марк, прошу тебя, продолжай. – Она заглянула ему в лицо. Выражение ее личика было жалким, в глазах стояли слезы, а губы дрожали.
- Марион, прости меня.

Он отпрянул от нее, ужаснувшись тому страданию, которое он увидел на ее лице. Но она обвила руками его шею и почти легла на него сверху.

- Нет, Марк, не надо просить прощения. Я хочу, чтобы тебе было хорошо.
- Да не будет мне хорошо, если ты этого не хочешь.
- О Марк, не говори так. Прошу тебя, не говори так – больше всего на свете я хочу, чтобы тебе было хорошо.

Она крепко обняла его за спину, легла, послушно раскинувшись, и терпеливо и мужественно переносила все, что с ней делал Марк, но тело ее оставалось жестким, и для Марка это оказалось почти таким же болезненным и тяжким испытанием; он страдал и за нее тоже, видя, как она дрожит, чувствуя, как напряжены ее нервы, и слушая негромкие вскрики боли и натуги, которые она всячески пыталась сдерживать.

К счастью для обоих, все быстро закончилось, но она продолжала лежать, тесно прижавшись к нему.

- Ну как, Марк, дорогой, тебе было хорошо?
- Да-да! – горячо заверил ее он. – Все было просто чудесно.
- Я так хочу, чтобы тебе было хорошо, любимый! Всегда и во всем я хочу быть хорошей для тебя.
- Лучше я в жизни ничего не испытывал, – сказал он.

Она секунду пристально смотрела ему в глаза, ища в его взгляде подтверждение, и нашла, потому что ужасно хотела этого.

- Я так рада, дорогой, – прошептала она.

Марион прижала его голову к своей теплой, влажной груди, такой мягкой, розовой и уютной. Она стала ласково его покачивать, как мать укачивает ребенка.

- Я очень рада, Марк... у нас потом будет все лучше и лучше. Я научусь, вот увидишь, я буду очень стараться ради тебя, любимый мой.

Домой они ехали в сумерках, двигались медленно; она с гордостью восседала рядом с ним на широком кожаном сиденье, и в ней чувствовалось что-то новое, некая уверенность, как у человека, совершившего что-то важное, словно всего за несколько часов она превратилась из ребенка во взрослую женщину.

А Марка охватило глубокое чувство привязанности к ней. Возникло желание беречь и защищать ее, сохранить ее доброту и кротость, уберечь от порока и порчи. На миг он пожалел, что она не смогла утолить страстного желания его плоти, что и сам он не смог окунуть ее в бурю страсти и провести затем к умиротворению. Может быть, это еще к ним придет, а может, они вместе найдут способ этого достигнуть, а если нет, то подобное не столь уж важно. А важно именно это чувство долга по отношению к этой женщине. Она отдала ему все, что могла, и теперь его долг заключается в том, чтобы вернуть это ей той же мерой – оберегать, любить и лелеять ее.

- Марион, выходи за меня замуж, – тихонько сказал он, и она вдруг негромко расплакалась и горячо закивала, сквозь слезы глядя на него и утратив дар речи.

Линетта, сестрица Марион, была замужем за молодым адвокатом из Ледибурга; все четверо сидели в тот вечер допоздна, обсуждая помолвку.

– Папа не пустит тебя замуж, пока тебе не исполнится двадцать один год; ты же знаешь, нам с Питером тоже пришлось ждать.

Питер Боутс, серьезный молодой человек с жиденькими рыжеватыми волосами, глубокомысленно кивнул и аккуратно сложил перед собой кончики пальцев. Держался он важно, словно судья в мантии.

– Ничего страшного, если вы несколько лет подождете... – проговорил он.

– Ле-ет? – вскричала Марион и всхлипнула.

– Тебе еще только девятнадцать, – напомнил ей Питер. – И Марку тоже для начала нужно скопить хоть какой-нибудь капитал, а потом уже брать на себя ответственность за семью.

– Но я могу продолжать работать! – горячо возразила Марион.

– Все так говорят, – глубокомысленно покачал головой Питер. – А потом проходит два месяца – а у них на подходе ребенок.

– Питер! – строго сделала ему замечание жена.

Но он спокойно продолжил:

– Скажите, Марк, а у вас какие планы на будущее? Отцу Марион захочется узнать об этом.

Марк совсем не ожидал, что у него попросят представить отчет о своих делах, и он так сразу, навскидку, не смог сказать, каково его состояние на данный момент: сорок два фунта... но двенадцать шиллингов или семь шиллингов и шесть пенсов?

На следующее утро он проводил их на ледибургский поезд. На прощание он крепко обнял Марион и обещал писать каждый день, а Марион поклялась, что будет работать и собирать приданое, а также молить отца отказаться от глупого предубеждения против ранних браков.

Возвращаясь пешком со станции, Марк почему-то вспомнил весеннее утро во Франции, когда он шел с передовой; его отправили в запас, и он шагал, широко расправив плечи, ускоряя шаг, который снова стал упругим и плавным. Его демобилизовали, и он остался жив – в тот момент думать он ни о чем больше не мог.

Дики Лэнком сидел, водрузив на стол скрещенные ноги в начищенных до блеска штиблетах. Он поднял глаза от газеты; в другой руке с изящно отставленным мизинцем он держал чашку с чаем.

– Радуйтесь, грядет герой-победитель, его утомленный меч висит у него на плече...

– Да ладно тебе, Дики!

– ...коленки его трясутся, глаза налиты кровью, брови дрожат...

– Звонки были? – серьезно спросил Марк.

– А-а, этот титан мысли решил снизойти к более приземленным сторонам жизни.

– Тебе бы все только шутить.

Марк быстренько просмотрел небольшую стопку ожидающих его сообщений.

– Излишества в любви, переизбыток страсти, омут женской ласки – и, как результат, половое похмелье.

– А это что? Не могу разобрать твои каракули. – Марк стал пристально разглядывать бумажку.

– Помяни мое слово, Марк, у этой юной леди страсть к размножению. Стоит только отвернуться от нее минут на десять, она тут же начнет вить гнездышко на ближайшем дереве.

– Да уймись же ты, Дики.

– Это ты уймись, старина, иначе она нарожает тебе кучу детенышей и заселит ими окрестности. – Дики театрально содрогнулся. – Никогда не садись в закрытую тачку, если можешь крутить баранку спортивной модели, дружище. Кстати, эта мудрость напомнила мне... – он опустил газету, достал из жилетного кармана часы, посмотрел, – что меня ждет одна важная клиентесса.

Секунду он изучал свои блестящие ботинки, достал из нагрудного кармана носовой платок и обмахнул им обувь; затем встал и, надев соломенную шляпу, подмигнул Марку:

– Ее муж на неделю укатил в деревню. Держи оборону, старина, теперь моя очередь.

Он вышел из офиса в торговое помещение, но тут же снова появился с выражением ужаса на лице:

– Черт побери, покупатели! Марк, позаботься о них, мальчик мой, а я смоюсь через черный ход.

И он исчез – в воздухе остался лишь слабый аромат бриллиантина.

Марк поправил галстук перед осколком разбитого зеркала, зажатого в раме окна, изобразил на лице радужную улыбку и поспешил к двери, но на самом пороге остановился как вкопанный, словно внезапно очутился на краю пропасти. Он стал прислушиваться, сосредоточенно, как дикая газель, каждой фиброй своей души, каждым нервом: эти прекрасные звуки проникали в самые потаенные уголки его души и разносились там звонким эхом, а у него замирало и таяло сердце. Очарование длилось всего несколько секунд, но эти звуки еще долго трепетали и переливались в воздухе, пока сердце Марка не забилося снова, тяжело стучась изнутри в грудную клетку.

Поразившие его звуки оказались не чем иным, как девичьим смехом. Казалось, сам воздух вокруг Марка сгустился и превратился в сладостный мед, поскольку ему вдруг стало тяжело двигать ногами, а чтобы вдохнуть и набрать его в легкие, потребовалось прилагать поистине титанические усилия.

Стоя в дверях, он окинул взглядом торговый зал. Посередине просторного помещения была выставлена самая последняя демонстрационная модель «кадиллака», а возле нее разговаривали двое.

Мужчина стоял к Марку спиной, и о нем можно было сказать только то, что он обладал могучим телосложением, высоченным ростом и одет в темный костюм. С ним находилась девушка, прелестная, будто сотканная из эфира; она, казалось, парила в воздухе на невидимых крылышках, легкая и изящная, как колибри.

Марк увидел ее, и земля покачнулась у него под ногами.

Запрокинув голову, девушка смотрела на мужчину снизу вверх. Длинная и гладкая шейка удерживала небольшую головку с огромными темными глазами и смеющимся ртом, где между розовых губок сверкали ровные белые зубки; над ее чарующими глазами – великолепный крутой лоб, бледный и широкий, и все это чудо венчала копна густых лоснящихся волос, при взгляде на которые замирало сердце, столь черных, что казалось, их волнообразный водопад изваян из только что отлакированного эбенового дерева.

Она снова засмеялась – этот чудный радостный смех звенел как колокольчик – и протянула руку, коснувшись лица мужчины. Изящные пальцы, продолжающие узкую ладонь, заканчивались длинными заостренными ногтями. «Какие же у нее сильные, ловкие руки», – подумал Марк. И тут понял, что первое впечатление оказалось обманчивым.

Девушка казалась миниатюрной лишь рядом с этим мужчиной, и ее осанка усиливала эту иллюзию. Теперь Марк видел, что она довольно высока ростом, хотя движения ее грациозны, как стебель папируса на ветру, стройна и гибка, с тонкой талией и длинными ногами под легкой, свободно ниспадающей юбкой.

Кончиками пальцев девушка провела по линии подбородка мужчины, склонив в сторону головку на тонкой лебединой шейке. Красота ее была почти невыносима, огромные глаза сейчас сияли любовью, та же любовь жила в улыбке на ее мягких губах.

– Ах, папочка, ты просто замшелый ворчливый медведь.

Легко, как балерина, она отскочила от него, приняла преувеличенно театральную позу и заговорила, комически подражая французам:

– Regarde! Mon cher papa, c'est très chic...¹⁰

– Не доверяю я этим модным новым машинам, – пророкотал он. – Мне бы на «роллс» посмотреть.

– «Роллс»? – вскричала девушка и драматически надула губки. – Да твои «роллсы» давно устарели! Допотопные уроды! Дорогой папочка, не забудь, ты живешь в двадцатом веке! – Она вдруг сникла, словно увядшая роза. – Что скажут мои друзья, когда увидят, что я сижу за рулем огромного мрачного гроба?

В этот момент она заметила Марка, стоящего в дверях офиса; ее манера держать себя моментально переменялась: и наклон головы, и поза, и положение губ, и выражение глаз – в долю секунды из клоунессы она снова превратилась в приличную даму.

– Папа... – тихонько проговорила она спокойным, слегка чопорным голосом и окинула Марка холодным взглядом, словно окатив с головы до ног ледяной водой. – Мне кажется, к нам явился продавец.

Она отвернулась и медленно пошла вокруг «кадиллака», невозмутимо, надменно и равнодушно, не удостоивая Марка больше даже мимолетным взглядом. Когда он в первый раз увидел, как энергично шевельнулось ее бедро под тканью юбки, как дерзко, вызываясь раскачивается ее небольшая округлая попка, ему показалось, что сердце его перевернулось и катится в пропасть.

Марк с восхищением смотрел на нее и глаз не мог отвести, все его чувства оказались буквально потрясены. Он еще никогда в жизни не видел ничего столь прекрасного, столь пленительного.

А мужчина уже повернулся и довольно сердито уставился на него. Он действительно выглядел огромным медведем, как дразнила его девушка, но скорее – библейским патриархом. Худощавая, высокая фигура с широченными плечами, большая голова, кажущаяся еще больше из-за орлиного, слегка свернутого в сторону носа и темной с проседью густой бородачи.

– Черт меня побери, а ведь я тебя знаю! – прорычал он.

Лицо его было выжжено солнцем почти дочерна, но в уголках живых, энергичных глаз виднелись глубокие белые складочки, и полоска кожи под густыми седеющими кудрями тоже оставалась белой: от солнца ее защищали поля охотничьей шляпы – или козырек форменной фуражки.

Встрепенувшись, Марк отвел взгляд от девушки и тут же получил новое потрясение. В тот момент он решил, что это всего лишь случайность, какое-то невероятное совпадение, но потом, годы спустя, переменял свое мнение. Нити их судеб оказались тесно переплетены. Но в эту минуту, увидев этого человека так близко, он испытал настоящий шок, который совершенно сбил его с толку.

– Да, генерал Кортни, я... – прохрипел он.

– Молчи, черт бы тебя побрал! – рявкнул генерал.

Голос его прозвучал как выстрел винтовки «маузер», сделанный снайпером из укрытия, а заглянув к нему в лицо, Марк сразу пал духом: такого устрашающе грозного взгляда он еще никогда не видел.

– Знаю, знаю, сейчас вспомню, как тебя зовут! – проговорил генерал, горящими глазами глядя на Марка. – У меня прекрасная память на лица.

Волна колоссальной внутренней силы и личного обаяния этого человека грозила захлестнуть юношу.

– Стареешь, папочка, – с прохладцей проговорила девушка, взглянув на отца через плечо без улыбки, совершенно безучастно.

¹⁰ Посмотри! Мой дорогой папочка, это же очень шикарно... (фр.)

– Не говори так, девчонка, – пророкотал генерал, словно вздумавший проснуться вулкан. – Не смей так говорить!

С угрожающим видом он шагнул к Марку, темный лоб его сморщился, и синие глаза пронзили Марка насквозь, как скальпели хирурга.

– Помню глаза, помню! Да-да, вот эти твои глаза!

Марк торопливо сделал шаг назад. Он отступал перед медленным продвижением к нему человека-горы, не зная, чего от него ожидать, но уже готовый поверить, что Шон Кортни способен в любое мгновение броситься на него со своей тяжелой тростью эбенового дерева в руке, – настолько смертоносным казался ему гнев генерала.

– Генерал!..

– Есть! – Шон Кортни громко щелкнул пальцами – показалось, что где-то рядом треснула дубовая ветка.

Нахмуренный вид его как ветром сдуло, синие глаза засияли с такой притягательной силой, с такой заразной внутренней радостью, что Марк не смог не улыбнуться в ответ.

– Андерс, – сказал генерал. – Андерс и Макдональд. Мартин? Майкл? Нет-нет, Марк Андерс!

Он стукнул себя кулаком по ляжке.

– Старею, говоришь, так, что ли? Девчонка... кто сказал, старею?

– Папочка, ты просто прелесть.

Она закатила глаза, но Шон Кортни надвинулся на Марка и, схватив его руку, сжал так, что у того косточки затрещали; слава богу, юноша вовремя пришел в себя и сжал руку генерала в ответ, чтобы хоть немного ослабить его железную хватку.

– По глазам узнал, – смеялся Шон. – Ты так изменился с тех пор... с того вечера...

Тут смех его стих; он вспомнил, как Марк лежал на носилках, бледный, угасающий, с головы до ног в грязи и не до конца засохшей крови, и снова будто услышал свой голос: «Он мертвый!» Генерал поскорее отбросил это воспоминание.

– Ну как поживаешь, мой мальчик?

– Хорошо, сэр.

– Я и не думал, что ты поправишься, – признался Шон, пристально глядя на него. – Могу себе представить, небось изрешетили всего. Сколько пуль успел поймать? И в каком месте?

– Две, сэр, в верхней части спины.

– Благородные шрамы, мой мальчик... когда-нибудь мы с тобой сравним наши отметины. – Он вдруг снова сильно нахмурился. – Тебе хоть медаль повесили?

– Да, сэр.

– Хорошо... А то в этой армии всякое бывает. В ту ночь я написал на тебя представление, но, сам понимаешь, чего только не случается. И что тебе дали? – с облегчением улыбнулся Шон.

– Медаль «За воинскую доблесть», сэр. Вручили еще в госпитале, в Англии.

– Прекрасно. Очень хорошо!

Кивнув, он выпустил руку Марка и снова повернулся к девушке:

– Дорогая, этот джентльмен воевал вместе со мной во Франции.

– Как это мило.

Не глядя на них, она дотронулась пальчиком до рисунка на радиаторе автомобиля:

– Может, прокатимся, а, папочка?

Марк быстро подошел к задней дверце и распахнул ее.

– Машину поведу я, – сказала она и подождала, когда он подскочит к дверце водителя.

– Кнопка стартера вот здесь... – подсказал он.

– Спасибо, я знаю. Прошу вас, сядьте на заднее сиденье.

Вела автомобиль она по-мужски уверенно, очень быстро, но мастерски, ловко срезала углы на поворотах, тормозила коробкой передач, лихо пользовалась двойным выжимом педали сцепления, быстро и не глядя переключала скорости.

Генерал сидел рядом с ней, расправив плечи, как юноша.

– Не гони, не гони, – свирепо рычал он, но его обличала улыбка, с которой он, не скрывая обожания, поглядывал на нее.

– Спокойно, папочка, не нервничай, – смеялась она в ответ.

Этот смех звенел в ушах у Марка как сладкая музыка, он слушал и трепетал, когда она уверенно загоняла большую и мощную машину в очередной поворот.

– Эх, жаль, что мало я тебя драл, когда была маленькая.

– Увы, теперь уже поздно, – снова смеялась она, ласково проводя ладонью по его щеке.

– Не рассчитывай на это, юная леди, так что еще посмотрим.

В шутилом отчаянии он покачал головой, но не скрывая обожания, все еще светившегося у него в глазах. Затем генерал повернулся на сиденье к Марку и снова пронзил его мрачным взглядом:

– Что-то я не видел тебя на еженедельных смотрах. Ты что, не ходишь?

– Нет, сэр.

– По пятницам, всего часок вечером – полчаса построение, потом лекция.

– Правда, сэр?

– Интересно, честное слово. Настроение здорово поднимает, мы даже стали подключать и другие запасные полки.

– Да, сэр.

– Меня оставили шефствовать над полком, – усмехнулся Шон. – От меня так легко не отделаются.

– Конечно, сэр.

– И стрельбы у нас каждый месяц. Неплохие призы, а потом барбекю.

– Правда, сэр?

– Кстати, в этом году наша команда едет на соревнования, Кубок Африки по стрельбе, все расходы оплачиваются. Прекрасная возможность для тех, кому повезет попасть в команду.

– Не сомневаюсь, генерал.

Шон помолчал, ожидая вопросов, но Марк молчал. Он выдержал горячий, твердый взгляд этого большого человека и отвел глаза, чтобы тут же поймать в зеркале заднего вида отражение его дочери.

Она пристально наблюдала за ним с непроницаемым выражением лица; возможно, смотрела презрительно, хотя и сдержанно забавляясь, или загадочно, а может быть, тая во взгляде некую угрозу. На какую-то долю секунды их взгляды встретились, и тут же головка на изящной шейке отвернулась. Ветром отбросило с ее затылка темные блестящие волосы; они соприкоснулись с кожей лица, и стало особенно видно, какие они мягкие и шелковистые. Маленький завиток, словно знак вопроса, трепетал за ее маленьким точеным ушком. Марка охватило совершенно безумное желание прильнуть к нему губами. Эта мысль поразила его, как удар под дых, он так и застыл, не в силах даже вздохнуть. И вдруг его осенило: совершенно потрясенный, в полном смятении, он понял, что влюбился.

– А я хотел бы этот кубок завоевать, – тихо проговорил генерал, не спуская с него глаз. – Наш полк еще никогда не получал его.

– Я сыт по горло войной и военной формой, генерал. – Усилием воли Марк заставил себя посмотреть в генеральские глаза. – Но все равно – вам я желаю удачи.

Личный шофер придержал открытую дверцу «роллс-ройса», и Шон Кортни, низко согнувшись, влез в машину и уселся рядом с дочерью. Поднял правую руку, коротко, по-военному салютуя стоящему на тротуаре молодому человеку, и машина мягко тронулась с места.

Как только они остались одни, дочь завизжала от радости, как девчонка, и бросилась ему на шею с поцелуями, чем совершенно взъерошила ему бороду и сердце заодно.

– Ах, милый папочка, ты меня совершенно балуешь!

– Ну да... а что, разве не должен?

– Ирен от зависти позеленеет, как килька. Я люблю тебя, мой добрый, мой прекрасный папочка! А ей отец «кадиллак» так и не купил!

– Нравится мне этот парнишка, смышленный...

– Этот продавец автомобилей? Что-то я не заметила.

Она отпустила отца и откинулась на спинку сиденья.

– Парень со стержнем. – Шон помолчал немного, вспоминая, как медленно, тихо падал снег на склоны изрытого снарядами холма во Франции. – В нем есть жилка, да и ума не занимать; он достоин гораздо большего, чем продавать автомобили.

Шон озорно улыбнулся и сразу помолодел так, что вполне мог сойти за старшего брата дочери.

– А кроме того, хотел бы я увидеть рожу Гамильтона, когда мы отберем у него Кубок Африки.

Сторма Кортни молчала; все еще держа отца под руку, она думала, что же такое растревожило и смутило ее в Марке Андерсе. Наверно, глаза, подумала она, ясные глаза с золотистым оттенком, спокойные, но внимательные и сияющие, как две маленькие луны.

Марк невольно нажал на тормоз и почти остановил большую машину перед самыми воротами. Ворота крепились на двух одинаковых высоких колоннах, оштукатуренных и побеленных, и на каждой красовалось выведенное большими рельефными буквами зулусское слово «Эмойени» – красивое, легко запоминающееся название усадьбы на гребне холмов над городом Дурбаном. В переводе название означало «место, где гуляют ветра», потому что в летние знойные месяцы эти холмы действительно получали прохладное благословение морских ветров. Створки ворот – две тяжелые решетки из чугунных копий – оказались распахнуты. Железная сетка на воротах мешала копытным заходить на территорию усадьбы или покидать ее. Марк миновал ворота и покатил по плавно изгибающейся подъездной дорожке, посыпанной желтой, как топленое масло, галькой, тщательно выровненной и совсем недавно политой водой. С обеих сторон дорожки были разбиты клумбы с цветущими каннами. Каждая клумба, ослепительно-яркая в солнечном свете, отличалась своим цветом: белым, желтым или багряным. За клумбами тянулись лужайки, покрытые сочной темно-зеленой, ровно подстриженной тропической травой и утыканные стайками местных деревьев, тщательно подобранных по размеру, особенностям красоты или необычной форме. Их увивали гирлянды лиан, в обилии растущих в Натале и излюбленных обезьянами ползучих растений; и действительно, Марк заметил зеленую маргышку: та ловко спустилась по одному из этих живых канатов на землю, имитируя тревогу, по-кошачьи выгнула спину и, высоко задрав длинный хвост, скачками пересекла открытое пространство лужайки, а добравшись до другой группы деревьев, мгновенно вскарабкалась на самую высокую ветку одного из них и возмущенно заверещала на медленно проезжающую машину.

Проводя собственное расследование, Марк узнал, что это всего лишь коттедж Кортни, а основной дом, где проживала семья, находится в Ледибурге. Конечно, он никак не ожидал увидеть такой роскоши. А с другой стороны, почему бы и нет, криво усмехнулся он: у этого человека есть все, что можно позволить себе в этом мире, и для него это имение – всего лишь временное жилище. Он оглянулся. Ворота уже скрылись из виду, а признаков дома впереди

еще не наблюдалось. Вокруг раскинулся причудливый пейзаж, наполовину дикий, но явно ухоженный, причем с любовью, и теперь Марк понял, зачем у главных ворот сетка, мешающая животным разбежаться.

На лужайках мирно паслись почти ручные антилопы; поднимая голову, они кротко провожали проезжающую машину любопытными взглядами. Тут встречались изящные золотисто-коричневые чернопятые антилопы импала с белоснежным животом, длинными и тонкими рогами, загнутыми назад; грациозные горные дукеры, размером не больше фокстерьера, с торчащими кверху ушками и с глазками, похожими на яркие пуговицы. А самцы антилопы канны со свисающими кожными складками гордо несли толстые, круто закрученные рога, грозно украшающие короткую и тяжелую голову на крупном, как у африкандерского быка, бочкообразном теле.

Марк проехал по низкому мостику, перекинутому через узкую горловину, которая соединяла две части искусственного озера. Над огромными круглыми зелеными листьями на поверхности воды гордо возвышались синие цветы водяного лотоса. В теплом воздухе яркого дня от них исходил легкий, ностальгически душистый запах; под листьями лотоса в чистой воде стояли темные торпедовидные тела окуней.

У самого берега белый гусь с черными пятнами расправил широкие, в размах рук чело- века, крылья и, вытянув длинную змеиную шею, заканчивающуюся розовой головкой с длинным клювом, устремился вперед, собираясь взлететь и грозно броситься на непрошеного пришельца. Однако передумал, снова сложил огромные крылья и, помахав хвостиком, удовлетворился лишь резким, протестующим криком, провожая взглядом проезжающий «кадиллак».

Наконец среди деревьев показалась карамельно-розовая черепичная крыша дома с коньком и башенками; строение напоминало дворец какого-нибудь испанского гранда. Последний поворот дорожки – и дом предстал перед Марком во всей красе. Перед фасадом радовали взор пламенеющие яркими цветами клумбы. Цвета казались столь насыщенными и столь густыми, что это доставляло бы глазам боль, если бы не бьющие высоко вверх струи фонтана, похожие на страусовые перья, в центре четырех обнесенных каменными парапетами круглых бассейнов, которые несколько уравнивали и смягчали впечатление. Ветерок разносил по клумбам водяную пыль, словно дым, увлажняя чаши цветов и подчеркивая их и без того потрясающий колорит.

Дом оказался двухэтажный, с разбросанными здесь и там башенками, которые приятно разнообразили в целом довольно массивный его силуэт, с витыми, словно леденцовые палочки, колоннами, украшающими вход и поддерживающими оконные перемычки. Выкрашенный белой краской, он сиял на солнце, как огромная глыба льда.

Казалось бы, дом должен оставлять впечатление напыщенной, показной демонстрации своих размеров, но проект был исполнен столь искусно, что здание казалось легким, воздушным, как пирожное с кремом: веселенькое, создающее настроение радости и, весьма вероятно, любви. Как подарок богатого человека любимой женщине – везде и во всем здесь чувствовался дух утонченной женственности: изобилие цветов вокруг, фонтаны и павлины, мраморные статуи – все это казалось весьма уместным и гармонировало с самим домом – иного окружения для такой постройки было трудно себе представить.

Восхищенный и очарованный Марк вписался в последний поворот подъездной дорожки, и тут его внимание привлекли отдаленные веселые женские голоса.

В самом конце травяных лужаек располагались теннисные корты, на которых играли какие-то женщины в ярко-белых на солнце платьях; они бегали по площадке корта, прыгали и били по мячу – видно было, как мелькают их ловкие руки и стройные ножки. В тишине теплого тропического утра их голоса и смех звучали особенно мелодично.

Марк вышел из автомобиля и направился по лужайке к кортам. Он заметил и других женщин, тоже в белом; раскинувшись в шезлонгах в тени смоковниц, они наблюдали за игрой

и лениво переговаривались, потягивая напитки из длинных запотевших бокалов и поджидая своей очереди.

Марка никто из них не замечал, пока он не подошел к ним совсем близко.

– Ой, девочки, вы только посмотрите! – прошептала одна, быстро повернувшись в шезлонге и глядя на Марка оживившимся, жадным взглядом голубых глаз, – скуки в них как не бывало. – Мужчина! Как нам подфартило!

Позы остальных трех девиц мгновенно изменились, но каждая реагировала по-своему: одна еще более равнодушно и лениво развалилась в своем шезлонге, а другая одной рукой торопливо одернула юбку, а другой стала поправлять прическу, втянув живот и улыбаясь ослепительной улыбкой. Молодые и холеные, как домашние кошки, они сияли юностью и здоровьем, а также тем неуловимым, но безошибочно угадываемым ореолом богатства и прекрасных манер.

– Что вам угодно, сэр? – спросила голубоглазая.

Из всех четырех она была самая хорошенькая, с золотистым ореолом тонких волос, окружающим ее небольшую аккуратную головку с рядом ровных белых зубок между улыбающимися губами.

Под пристальными взглядами девиц Марк почувствовал себя не в своей тарелке, особенно когда голубоглазая развернулась к нему в шезлонге и, не особенно торопясь, поменяла местами скрещенные ножки, ухитрившись продемонстрировать ему под коротенькой юбочкой беленькие шелковые трусики.

– Я разыскиваю мисс Сторму Кортни.

– О боже, – проговорила голубоглазая, продолжая улыбаться. – Это просто невыносимо... всем нужна Сторма – ну почему хоть кому-нибудь не нужна я?

Оглянувшись в сторону ворот, она позвала:

– Сторма!

Сторма как раз собиралась подавать, но оклик помешал ей, и она повернула голову. Увидела Марка, но даже бровью не повела и снова переключилась на игру. Высоко подбросив мячик, размахнулась и нанесла по нему изящный, быстрый и точный удар. Ракетка издала глуховатый звон, а резкое движение подбросило белую юбочку вверх, высоко обнажив бедра. Ноги ее смотрелись просто идеально: тонкие лодыжки, изящные полные икры, коленки, обозначенные лишь симметричными ямочками.

Она легко развернулась и поймала ракеткой ответный удар – длинная, слегка загорелая рука мелькнула на полный размах, и белым размытым пятном мячик отскочил от ракетки; юбочка снова подскочила, и Марк слегка отступил: земля у него под ногами опять покачнулась.

Коротенькими, аккуратными шажками она побежала к краю площадки, перебирая длинными узкими ступнями, и запрокинула голову, чтобы следить за высокой параболой летящего мяча на фоне синего неба. Темные волосы Стормы сияли на солнце металлическим блеском, словно крыло птички-нектарницы. Быстро примерившись, она вложила в удар всю силу своего разогнувшегося, как пружина, тела, включая и эти прекрасные длинные ноги, и напрягшиеся округлые, прячущиеся под юбочкой ягодицы, и твердые мышцы юной спины с тонкой талией.

Мячик даже загудел в воздухе, как выпущенная стрела; промчался низко над сеткой и, подняв облачко белой пыли, ударился о землю совсем близко к краю корта.

– Перестаралась! – горестно пожаловалась ее соперница.

Сторма торжествующе рассмеялась и пошла к высокому заборчику за новым мячиком.

– Эй, Сторма, тут пришел какой-то джентльмен, говорит, что хочет тебя видеть! – снова позвала ее блондинка.

Краем ракетки и боковой стороной стопы Сторма подбросила мячик и ударила по нему ракеткой; он отскочил от поверхности корта, и она поймала его свободной рукой.

– Да слышу, Ирен, – небрежно ответила она, – знаю. Это всего лишь продавец. Пусть подождет возле машины, мне надо доиграть.

Сторма и на этот раз даже не взглянула на Марка.

– Сорок, дорогая! – весело крикнула она и побежала к задней линии площадки.

Ее голос звучал для него небесной музыкой, которая тем не менее не смогла победить неожиданной вспышки охватившего его гнева. Марк мрачно стиснул зубы.

– Ну, если вы продавец, – тихо проговорила Ирен, – тогда и я у вас когда-нибудь что-нибудь куплю. А сейчас, дорогуша, слушайте Стормы, а то всем нам достанется на орехи.

Сторма пришла туда, где ее поджидал Марк, в сопровождении всех остальных девушек. Настоящая принцесса с фрейлинами, подумал он, и сразу обиды как не бывало. Разве можно не простить столь царственно прелестное, до сердечных спазм красивое существо? Такой девушке можно простить все.

Он стоял, учтиво поджидая, когда она подойдет, а дождавшись, увидел, насколько она высока ростом. Макушка ее почти доставала ему до подбородка.

– Доброе утро, мисс Кортни. Я доставил ваш «кадиллак», и все сотрудники компании «Наталь моторс» желают вам много удовольствия и радости за рулем этого автомобиля.

Он всегда произносил эту небольшую речь, когда доставлял покупателю машину, и теперь проговорил ее со всей теплотой, искренностью и шармом, которые всего за несколько месяцев работы превратили его в лучшего продавца «Наталь моторс».

– А ключи? – спросила Сторма Кортни и в первый раз прямо посмотрела ему в глаза.

Марк увидел, что ее глаза такие же синие, почти черные, как и у генерала. В том, кто ее отец, не могло оставаться никаких сомнений.

Она приоткрыла глаза немного шире, и в солнечном свете они приняли оттенок хорошо отполированного сапфира, столь же синие, как воды Мозамбикского залива в разгар жаркого дня, и такие же глубокие.

– Они в машине, – ответил он; у него возникло такое чувство, что он слышит свой голос со стороны.

– Ну так подайте их мне, – сказала она.

Он хотел было уже броситься торопливо исполнять ее повеление. Но тут вдруг его охватило неуловимое чувство, схожее с тем, что развилось у него на войне во Франции и предупреждало его о грозящей опасности. Ее лицо оставалось вполне безучастным, словно она считала, что усилия, которые приходится прилагать, устаивая его разговором, потрачены впустую, как утомительная и скучная обязанность среди остальных увлекательных событий в ее жизни. Однако предостережение для него прозвучало ясно, как колокольный звон, и тут он вдруг заметил, как в глазах ее мелькнула какая-то тень, опасная и вместе с тем возбуждающая, словно очертания леопарда, который охотится за добычей, сам скрываясь в тени. Не вызов ли это, не провокация ли? Неожиданно до него дошло, что дочка Шона Кортни не должна быть до такой степени груба и высокомерна – не то воспитание. В таком поведении явно таился некий умысел.

На душе сразу стало легко до безумия, которое частенько рассеивало всякий страх в минуты опасных или отчаянных предприятий. И он улыбнулся ей. Улыбку вымучивать не пришлось, она явилась сама, естественная и дьявольски вызывающая.

– Разумеется, мисс Кортни. Конечно, я сию минуту подам вам эти ключи, как только вы скажете «пожалуйста».

Окружающие Сторму девушки громко и дружно ахнули и застыли от ужаса и восхищения, стреляя глазками то в сторону Стормы, то в сторону Марка.

– Скажи «пожалуйста» этому милому молодому человеку, Сторми, – покровительственным тоном, как разговаривают с маленькими детьми, проговорила голубоглазая Ирен, а остальные радостно захихикали.

Что-то вспыхнуло в синих глазах девушки, лишь на одно жуткое мгновение, и это был явно не гнев. Неспроста, подумал Марк; хотя он и не понял, что за этим таится, зато прекрасно уразумел, что это может иметь отношение к нему лично. Но вспышка погасла, и глаза девушки запылали уже непритворным гневом.

– Да как вы смеете! – тихо проговорила Сторма дрожащим голосом, и губы ее, словно мгновенно обескровленные, вдруг побелели.

Гнев ее вспыхнул слишком быстро, причем оказался несоизмеримо силен в ответ на его кроткую просьбу, и Марк охватил азарт: неужели ему удалось столь глубоко задеть ее? Он продолжал насмешливо, как бы слегка поддразнивая, улыбаться.

– А ты стукни его, дорогая, – продолжала подначивать Ирен.

В какой-то момент Марк подумал: чем черт не шутит, вдруг и вправду ударит.

– А ты закрой свой глупенький ротик и помалкивай, Ирен Лечарс.

– О-ля-ля! – злорадно проговорила Ирен. – Какие мы сегодня раздражительные!

Марк спокойно повернулся к машине и открыл дверцу.

– Куда это вы собрались?!

– Обратно в город.

Он сел за руль, завел двигатель и в окошко посмотрел на Сторму. Сейчас уже у него не оставалось никакого сомнения в том, что перед ним стоит красивейшее создание из всех, кого он когда-либо видел в жизни. Щеки пылают от гнева, тонкие темные волосы на висках после игры в теннис все еще влажны, крохотные завитки прилипли к нежной коже.

– Но это моя машина!

– Не беспокойтесь, вам ее доставят, но кто-нибудь другой, а что касается меня – я привык иметь дело с настоящими леди.

Снова последовали дружное «ах!» и смешки.

– Да он просто душка! – всплеснула руками Ирен.

Сторма и бровью не повела в ее сторону.

– Я скажу отцу – и вас уволят с работы.

– Да, вероятно, так оно и произойдет, – согласился он.

Секунду подумав, Марк на прощание кивнул и выжал сцепление. Перед первым поворотом он глянул в зеркало заднего вида: девицы тесной кучкой все еще стояли в своих беленьких платицах, застыв, как мраморная скульптурная группа. «Нимфы, вспугнутые сатиром» – самое подходящее название, подумал он и рассмеялся, все еще пребывая в шальном, бесшабашном состоянии духа.

– Черт меня подери, – прошептал Дики Лэнком, в ужасе схватившись за голову. – Какая муха тебя укусила?

Он медленно, недоумевающе покрутил головой.

– Черт побери, она грубо со мной разговаривала.

Дики опустил руки, ошеломленно глядя на Марка:

– Она... грубо разговаривала... с тобой? Боже мой, я этого больше не вынесу. Неужели до тебя не дошло: если она с тобой вообще *разговаривала*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.